

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2023 Vol. 6 № 1 (19)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

«Caucasian Science Bridge» journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 30.05.2023. Подписано в печать 22.06.2023. Выход в свет 27.06.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 550 экз. Заказ № 9071.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор;
Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный феде-
ральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет
Св. Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела междуна-
родных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санк-
Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский
университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США,
Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце
Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-
Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат со-
циологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований
«Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский
институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Социология молодежи

Клименко Л.В., Алкесов Р.Т.

Социетальное содержание экономических ценностей студенческой молодежи Юга России..... 8

Понамарёв А.Б.

О влиянии «Киноуроков» на ценности школьников..... 18

Шахбанова М.М.

Российская идентичность дагестанской молодежи: состояние и тенденции 28

Экономическая социология, демография и миграции

Загирова Э.М.

Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения 40

Социология управления

Кокодей Т.А., Михайлов М.А.

Реструктуризация стратегии управления исследовательским процессом в российском вузе..... 52

Социология культуры

Ковалев В.В.

Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты..... 62

Социология здоровья и медицины

Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З.

Агенты и условия формирования социального доверия в российском здравоохранении 78

Молодежный формат

Соколова Н.А.

Социологический подход к оценке социальных ресурсов территориальной общности (на примере г. Таганрога, Ростовская область) 88

Казанцев О.А.

«Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы..... 96

Поливанова К.А., Рак В.В.

Роль общественного мнения в сохранении культурно-исторических объектов г. Ростова-на-Дону 104

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 117

CONTENTS

SOCIOLOGY OF YOUTH

Klimenko L.V., Aleksov R.T.

Societal Content of Economic Values of Student Youth
in the South of Russia..... 8

Ponamaryov A.B.

About the impact of "Film Lessons" on the values of schoolchildren 18

Shakhbanova M.M.

Russian identity of Dagestani youth: state and trends..... 28

ECONOMIC SOCIOLOGY, DEMOGRAPHY AND MIGRATION

Zagirova E.M.

Voluntary childlessness: attitude and assessment
in the public consciousness of the Dagestani population 40

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Kokodey T.F., Mikhailov M.A.

Restructuring the strategy of research process management
in a Russian university 52

SOCIOLOGY OF CULTURE

Kovalev V.V.

Renaissance of Cossacks in modern Russia: socio-cultural,
organizational and military-service aspects 62

SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE

Vyalykh N.A., Bepalova A.A., Zarbaliev V.Z.

Agents and conditions for formation of social trust in Russian healthcare system..... 78

YOUTH FORMAT

Sokolova N.O.

Sociological approach to assessing the social resources
of the territorial community (on the example of Taganrog, Rostov Region) 88

Kazantsev O. A.

"Managerization" of school education: towards formulation of the problem 96

Polivanova K.A., Rak V.V.

The role of public opinion in the preservation of cultural
and historical objects of Rostov-on-Don 104

INFORMATION FOR AUTHORS..... 117

Социология молодежи

Научная статья

УДК 316.7 316.752

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.1

EDN ESXRJO

**Социетальное содержание экономических ценностей
студенческой молодежи Юга России****Людмила В. Клименко¹**

¹Институт туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: lucl@yandex.ru

Руслан Т. Алкесов²

²Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия
e-mail: rta5593@mail.ru

Аннотация

Введение. Необходимость наращивания конкурентоспособности человеческого капитала как залога экономической безопасности и развития современной России предполагает отслеживание характера и вектора динамики экономических ценностей молодежи. В условиях выраженной социально-экономической, этнокультурной и конфессиональной фракционности Юга России достаточно сильно может отличаться социетальное содержание экономических ценностей студенческой молодежи. Экономический прогресс и интеграция многосоставных регионов в общероссийскую динамику предполагают универсализацию и модернизацию экономических ценностей молодежи.

Методы. Прикладное этносоциологическое исследование было проведено в 2020 г. среди студентов пяти субрегионов Юга России (Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана). Методом онлайн-анкетирования было опрошено 2670 студентов. Динамика экономических ценностей изучалась на основе результатов аналогичного по содержанию опроса, проведенного в 2010 г. среди вузовской молодежи Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии (всего опрошено 556 человек).

Результаты и их обсуждение. Материалы повторно-сравнительных исследований (2010–2020 гг.) выявляют устойчивые этнорегиональные различия и одновременно противоречия социетального содержания экономических ценностей молодежи Юга России. На общем фоне роста ценностного одобрения рыночных принципов (частная собственность, конкуренция, свобода предпринимательства) увеличивается и поддержка административного регулирования экономики, а также относительно невысока нацеленность на конкуренцию в личных экономических стратегиях. Выявляется большая выраженность у молодежи экономически более модернизированных субрегионов (Ростовская область, Ставропольский край) экономических ценностей рыночно-индивидуалистского типа. Среди студентов республик Северного Кавказа с демодернизированной экономикой чаще встречаются патерналистские экономические установки. Несовпадение социетального содержания экономических ценностей этнорегиональных подгрупп молодежи Юга России может препятствовать интенсивному экономическому развитию и макроуровневой интеграции региона.

Ключевые слова: экономические ценности; студенческая молодежь; социетальная интеграция; Юг России; республики Северного Кавказа.

Для цитирования: Клименко Л.В., Алкесов Р.Т. (2023). Социетальное содержание экономических ценностей студенческой молодежи Юга России. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 8–17. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.1>

Societal Content of Economic Values of Student Youth in the South of Russia**Liudmila V. Klimenko¹**

¹Institute of Tourism, Service and Creative Industries
of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: lucl@yandex.ru

Ruslan T. Aleksov²²Adyghe State University, Maykop, Russia

e-mail: rta5593@mail.ru

Abstract

Introduction. The need to increase the competitiveness of human capital as a guarantee of economic security and development of modern Russia involves tracking the nature and vector of the dynamics of the economic values of young people. In the conditions of pronounced socio-economic, ethno-cultural and confessional factionalism in the South of Russia, the societal content of the economic values of student youth can differ quite a lot. Economic progress and the integration of multi-component regions into the all-Russian dynamics presuppose the universalization and modernization of the economic values of young people.

Methods. An applied ethno-sociological study was conducted in 2020 among students from 5 sub-regions of the South of Russia (Rostov Region, Stavropol Region, Adyghea, Kabardino-Balkaria and Dagestan). 2670 students were interviewed using the online survey method. The dynamics of economic values was studied on the basis of the results of a similar survey conducted in 2010 among university youth in the Rostov Region, Stavropol Territory, Adyghea and Karachay-Cherkessia (a total of 556 people were surveyed).

Results and its discussion. The materials of repeated comparative studies (2010–2020) reveal stable ethno-regional differences and, at the same time, contradictions of societal content in the economic values of the South of Russia. Against the general background of the growth of value approval of the basic principles of a market economy (private property, competition, freedom of enterprise), support for administrative regulation of the economy is also increasing, as well as a relatively low focus on competition in personal economic strategies. A greater manifestation of economic values of the market-individualist type is revealed among young people from socio-economically more modernized subregions (Rostov Region, Stavropol Region). Among the students of the republics of the North Caucasus, paternalistic economic attitudes are more common. The discrepancy between the societal content of the economic values of the ethno-regional subgroups of the youth of the South of Russia can hinder the intensive economic development and macro-level integration of the region.

Keywords: economic values; student youth; societal integration; South of Russia; republics of the North Caucasus.

For citation: Klimenko L.V., Aleksov R.T. (2023). Societal Content of Economic Values of Student Youth in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 8–17. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.1>

Постановка проблемы

В условиях санкционного давления и необходимости масштабного импортозамещения как никогда остро стоит задача интенсификации экономического развития России. В то же время устойчивый экономический рост не только обеспечивается модернизацией экономических технологий и инфраструктуры, но зависит во многом от качества человеческого капитала. Другими словами, ценностные установки и модели поведения в социально-трудовой сфере играют важнейшую роль в обеспечении экономического прогресса. Поэтому необходимо регулярно исследовать содержание экономических ценностей и установок студенческой молодежи. Представители данной социально-демографической группы еще не являются полноценными участниками экономических отношений, но уже сейчас составляют основной потенциал человеческого капитала страны. На этапе студенческого обучения складываются экономические ориентации и модели профессионально поведения, которые в ближайшем будущем будут реализовываться в потребительских и социально-трудовых практиках молодого поколения.

Ценностное сознание российской молодежи неоднородно, что определяется различиями в социально-экономических и этнокультурных условиях социализации в регионе проживания, а также в стратификационных диспозициях семьи и индивидуальном опыте (Инглхарт, Вельцель, 2011). Разные территории нашей страны имеют неодинаковый уровень и потенциал социально-экономического развития. Особенно выраженной региональной дифференциацией отличается Юг России, в котором соседствуют экономически развитые субрегионы с модернизированной инфраструктурой (Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области) и территории с демо-

дернизированной экономикой и более низкими показателями уровня жизни (большая часть республик Северного Кавказа).

Специалисты отмечают, что в северокавказских республиках значимым коррелятом экономических ценностей и моделей поведения могут выступать этнические традиции и кавказская молодежь зачастую демонстрирует этническую специфику социально-экономических установок (Денисова и др., 2013; Клименко, Ермишина, Будаев, 2020; Труд и экономическая жизнь..., 2019). В то же время успешная экономическая интеграция территорий с различными социально-экономическими и этнокультурными характеристиками в общероссийскую динамику предполагает универсализацию экономических ценностей населения. А также залогом наращивания экономического потенциала выступает усиление достижительности и активизма социально-экономических стратегий молодого поколения. В данном контексте особенно важно исследовать социетальное содержание экономических ценностей молодежи полиэтничного Юга России.

Теоретические рамки и эмпирическая база исследования

Согласно исследованиям ученых Института социологии ФНИСЦ РАН, значимым индикатором фракционности и разобщения в российском обществе выступает «отношение к двум экономико-политическим системам – социально-административной и рыночной» (Горшков, Шереги, 2019, 218). Анализ региональных различий нашей страны, проведенный Е.В. Антоновым и его коллегами, выявляет, что наибольшая степень дифференциации наблюдается по параметрам выраженности индивидуализма или коллективизма, дистанции власти и избегания неопределенности (Антонов и др., 2019, 7).

Под ценностями в социологии чаще всего понимают «социально одобряемые и разделяемые большинством людей убеждения относительно целей, к которым необходимо стремиться» (Смелзер, 1994, 660). Соответственно, экономические ценности могут трактоваться как устойчивые ориентации, связанные с потребностями и интересами в сфере социально-экономических отношений. Однако экономические ценности разнообразны и могут включать в себя убеждения, не только напрямую связанные с производством, распределением и обменом (богатство, трудолюбие, предприимчивость, представления об успехе, карьере и пр.), но и такие ценности, как доверие, свобода, благополучие, партнерство, образующие социетальную платформу ценностного сознания. Результаты международных исследований под руководством Г. Хофстеда показывают, что, например, универсальные ценности индивидуализма и самовыражения сопряжены с экономическим ростом. Тогда как ценностная дистанция власти и избегание неопределенности сопряжены с невысокими показателями экономического прогресса (Javed, Masuda, Kohda, 2017).

Кроме того, в качестве теоретической основы исследования также используется социетальный подход к анализу сплоченности многосоставных социумов. В частности, механизмами социетальной интеграции выступают процессы генерализации и универсализации ценностей в обществе, а также принятие и поведенческая реализация этих ценностей на групповом уровне (Клименко, 2016, 21). В этнокультурно и экономически сегментированных территориях традиции этноса могут выступать важным фактором содержания социально-экономических убеждений. Однако в исследованиях Р. Инглхарта и его коллег аргументируется, что хотя определенные традиционные нормы долгое время присутствуют в жизни социума, но общая логика экономического прогресса все-таки сопряжена с распространением целерациональных ценностей модернового типа общества (Inglehart, Baker, 2022).

Эмпирической базой анализа выступают результаты прикладного социологического исследования, проведенного в 2020 г. среди студентов Юга России. В онлайн-опросе приняли участие 2670 студентов Юга России (в Ростовской области – 450 человек, в Ставропольском крае – 706, в Адыгее – 480, в Дагестане – 722, в Кабардино-Балкарии – 312 человек). Исследование осуществлялось при финансовой поддержке гранта РФФИ. Для отслеживания трансформации экономических ценностей студентов используются данные социологического опроса, проведенного в 2010 г. среди вузовской молодежи Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии (всего опрошено 556 человек).

Результаты прикладного исследования

В нашем проекте социетальное измерение ценностного сознания студенческой молодежи включает анализ ценностных установок по таким базовым для социально-экономической системы параметрам, как административная или рыночная регуляция экономики, коллективизм (патернализм) или индивидуализм, пассивность или активизм экономических установок.

В российском обществе уже более 30 лет назад произошел переход от административно-плановой к рыночной экономике. Этот переход сопряжен с институционализацией частной собственности, поощрением экономического активизма и предпринимательской инициативы. Вместе с тем эксперты указывают, что процесс рыночных трансформаций еще далек от завершения (Баранов, Бессонов, 2018). С одной стороны, за прошедшие годы социализировалось новое поколение молодежи, ценностное восприятие которого адаптировано к рыночным принципам. С другой стороны, современные социологи продолжают дискутировать о том, «сформировалась ли у молодого поколения рыночная мотивация, предпринимательские ориентации, готовность работать в частном секторе экономики и брать на себя инициативу и ответственность» (Андрианова, Тарасова, Печеркина, 2018, 325).

Общероссийские исследования фиксируют существование возрастных различий экономических ориентаций, когда «молодое поколение более индивидуалистично, в меньшей степени апеллирует к попечительской роли государства и в большей – делает ставку на собственные усилия, возможности и способности» (Горшков, Шереги, 2019, 218). Однако особенности современного развития Северного Кавказа определяют повышенную остроту для республиканской молодежи проблем межрегионального социально-экономического неравенства, безработицы, ограниченности жизненных перспектив (Авдеев, Воробьев, 2021, 115).

Результаты социологического исследования 2020 г. среди молодежи Юга России показывают, что доминирующее число студентов из различных этнотерриториальных групп поддерживает ценности частной собственности и свободы предпринимательства (от 81 до 91% опрошенных). Тогда как принцип конкуренции уже в меньшей степени разделяется вузовской молодежью Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Ставропольского края (от 68 до 75% респондентов) (рис. 1).

Государственная регуляция экономики поддерживается студентами Юга России реже. Меньше всего положительных оценок встречается среди ростовской (40%) и ставропольской (46%) молодежи. Тогда как среди студентов республик Северного Кавказа показатели одобрения заметно выше (от 51 до 56%). Можно также увидеть, что около трети опрошенных нейтрально относятся к вмешательству государства в рыночные процессы (за исключением респондентов Ростовской области, где наибольший процент отрицательных оценок) (рис. 2).

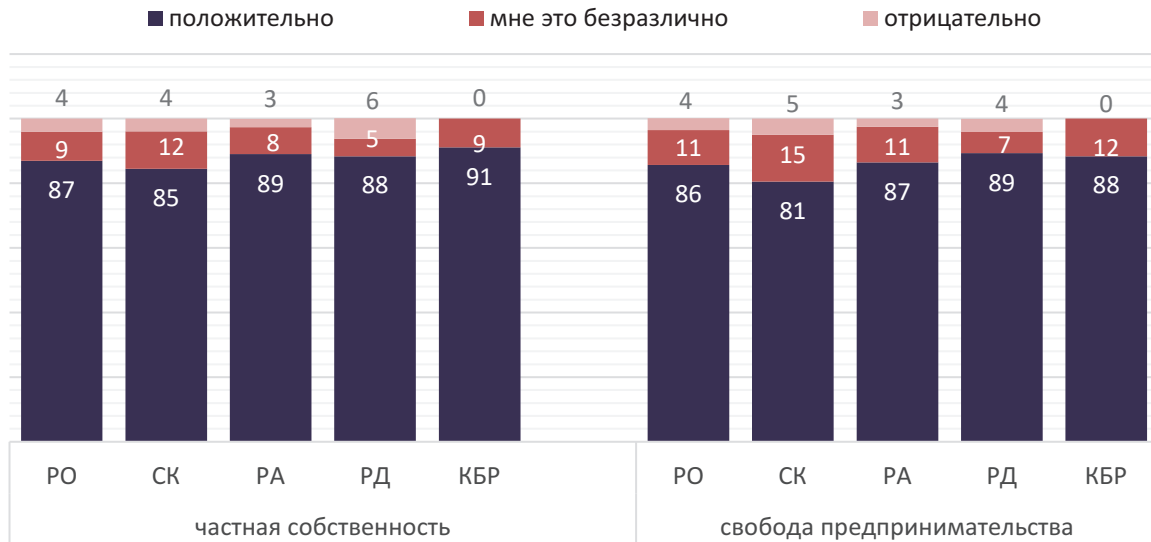

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к следующим принципам функционирования российского общества?», % (опрос 2020 г.)

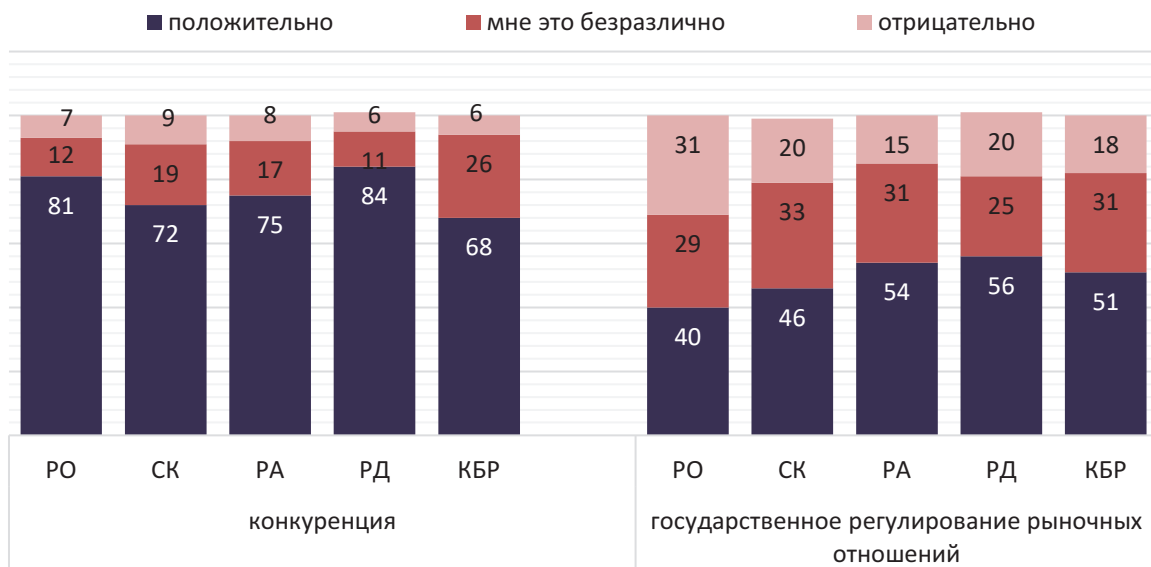

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к следующим принципам функционирования российского общества?», % (опрос 2020 г.)

Если сопоставить результаты опросов молодежи Юга России 2010 и 2020 гг., то можно увидеть, что в предшествующее десятилетие также фиксировалось преимущественное одобрение студентами базовых принципов рыночной экономики (ценностная поддержка частной собственности – от 80 до 87%, свободы предпринимательства – от 76 до 86%). Однако процентные показатели одобрения на первом этапе опроса были в среднем ниже, чем аналогичные десятилетие спустя. Хотя государственное регулирование экономики в исследовании 2010 г., наоборот, в среднем получало уже большую поддержку среди южнороссийских студентов, чем в 2020 г. (от 58 до 71%) (рис. 3).

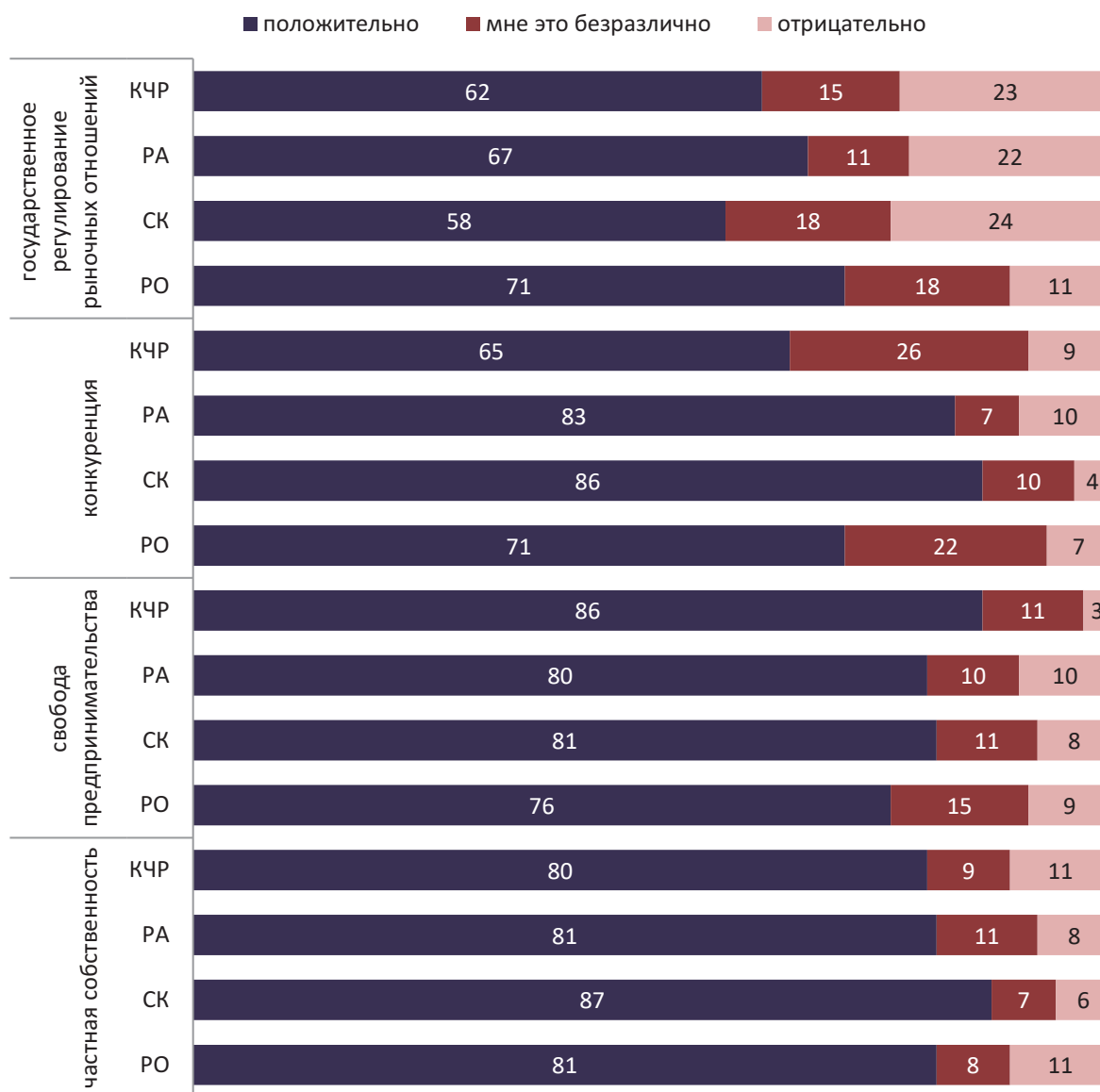

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к следующим принципам функционирования российского общества?», % (опрос 2010 г.)

Ценности индивидуализма (личный выбор и ответственность) или коллективизма/патернализма (ориентация на поддержку семьи, государства) в сознании студенчества Юга России измерялись посредством серии вопросов-утверждений, с которыми респонденты выражали степень своего согласия. Результаты исследования демонстрируют, что далеко не все молодые люди ощущают субъектность в выстраивании жизненных траекторий. Более уверены, что они управляют своей жизнью, ростовские студенты (7,3 среднего балла), а менее всего – адыгейские и кабардино-балкарские студенты (6,9 среднего балла).

В ходе опроса университетской молодежи также предлагалось оценить, насколько сами люди или государство несут ответственность за жизненное обеспечение населения в обществе. Полученные эмпирические данные позволяют увидеть неуверенность студентов в приоритете индивидуальной ответственности. Однако и сильная степень патернализма в этом вопросе тоже не проявляется. Оценки, скорее, срединные. На этом фоне больше ожидают от государства заботы об обеспечении лю-

дей учащиеся вузов Дагестана и Кабардино-Балкарии (6,3 и 6,4 среднего балла соответственно) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Куда бы вы поместили свое мнение на этой шкале?» (опрос 2020 г.)

	РО	СК	РА	РД	КБР	
Я совсем не влияю на ход своей жизни	7,3	7,1	6,9	7,1	6,9	Я сильно влияю на ход своей жизни
Люди сами должны нести ответственность за то, чтобы себя обеспечить	5,4	5,9	6,1	6,3	6,4	Государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все люди были обеспечены

Примечание. 1 – максимальное согласие с утверждением, помещенным справа, 10 – с помещенным слева) (в средних баллах).

К социетальному содержанию экономических ценностей в исследовании относятся убеждения относительно экономического неравенства. Опрос 2020 г. показывает, скорее, срединную позицию с уклоном в поддержку утверждения «разница в доходах не должна быть очень большой» (от 5,8 до 6,6 среднего балла). По утверждению «доля частной собственности в бизнесе и производстве должна быть увеличена» также выявляется промежуточная позиция молодежи с небольшим перевесом в сторону согласия (от 6 до 6,6 среднего балла) (рис. 4).

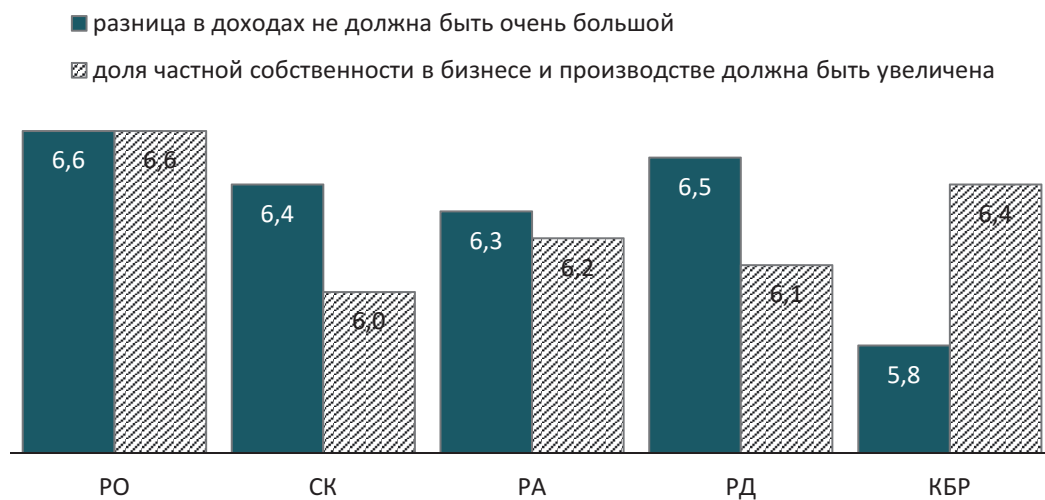

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените по десятибалльной шкале степень своего согласия со следующими утверждениями, где 1 – абсолютно не согласен, а 10 – полностью согласен», средние баллы (опрос 2020 г.)

На разных этапах этносоциологического исследования студентам Юга России задавался вопрос не только об отношении к конкуренции в целом, но и о личной готовности к соревновательности в трудовой сфере. Количественные данные демонстрируют, что от 2010 к 2020 г. в целом увеличивается доля молодежи, выражающая готовность принимать участие в профессиональной конкуренции. Вместе с тем одобрение и готовность к такой соревновательности не являются преобладающей установкой в ценностном сознании опрошенной молодежи. Проявляются также этнокультурные особенности: конкурентный тип отношений на практике уже в большей

степени импонирует северокавказским студентам (54% в РО и 44% в СК против 60% в РД и 63% в КБР). Вузовская молодежь Адыгеи по характеру ответов больше тяготеет к ростовским респондентам (рис. 5).

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к конкуренции в профессиональной деятельности?», %

Заключение

Содержательный характер и вектор трансформации ценностных установок молодежи многосоставных с точки зрения этнического состава и уровня социально-экономического развития территорий России является показателем перспектив интеграции в общую экономическую и социокультурную динамику нашего общества. В общем виде экономический прогресс предполагает переход от традиционного типа регуляции к модернистским моделям взаимодействия. Анализ материалов повторно-сравнительных социологических исследований показывает ориентацию большей части студентов Юга России на ценности рыночной экономики (частная собственность, свобода предпринимательства, конкуренция). Динамика в этом отношении положительная: за десять лет (с 2010 по 2020 г.) выросло ценностное одобрение данных экономических принципов. С другой стороны, увеличиваются показатели одобрения молодежью регулирования экономики со стороны государства, а также относительно невысока нацеленность на конкуренцию в личных экономических стратегиях. Это особенно заметно среди студентов вузов Северного Кавказа. Среди республиканской молодежи также немного больше выражены патерналистские ценности. В итоге несовпадение социетального содержания экономических ценностей этнотерриториальных подгрупп молодежи Юга России может препятствовать эффективному экономическому развитию и макроуровневой интеграции региона.

Литература

Авдеев, Е.А., Воробьев, С.М. (2021). Трансформация традиционных и современных ценностей полиэтничной молодежи Северного Кавказа. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (68), 74–80. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-107-116.

- Андрианова, Е.В., Тарасова, А.Н., Печеркина, И.Ф. (2018). Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 324–343. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.17.
- Антонов, Е.В., Аузан, А.А., Брызгалин, В.А. и др. (2019). Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: Институт национальных проектов.
- Баранов, Э.Ф., Бессонов, В.А. (2018). Взгляд на российскую экономическую трансформацию. *Вопросы экономики*, 11, 142–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-142-158.
- Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. (2019). Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН.
- Денисова, Г.С., Бинева, Н.К., Денисова, А.В. и др. (2013). Студенческие практики конструирования стратегий и стилей жизни: социологические очерки. Ростов н/Д: ИПО ЮФУ.
- Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Клименко, Л.В. (2016). Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение: (автореферат докторской диссертация). Майкоп, 2016.
- Клименко, Л.В., Ермишина, А.В., Будаев, П.Е. (2020). Динамика экономических установок молодежи Юга России в контексте интеграции полиэтничного региона. *Экономика: теория и практика*, 3, 27–32.
- Смелзер, Н. (1994). Социология. М.: Феникс.
- Труд и экономическая жизнь в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (2019). Х.В. Дзугев (ред.). М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ.
- Inglehart, R., Baker, W. (2000). Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2 (65), 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
- Javed, A., Masuda, H., Kohda, Y. (2014). Value analysis of Islamic banking and conventional banking to measure value co-creation. *International Journal of Social, Human Science and Engineering*, 8(2), 85–93. DOI: 10.1177/239496431562725.

References

- Avdeev, E.A., Vorobyov, S.M. (2021). Transformation of traditional and modern values of multi-ethnic youth of the North Caucasus. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3 (68), 74–80. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-107-116.
- Andrianova, E.V., Tarasova, A.N., Pecherkina, I.F. (2018). Motives and labor values of youth: paradoxes of development. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, 3, 324–343. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.17.
- Antonov, E.V., Auzan, A.A., Bryzgalin, V.A. et al. (2019). Sociocultural factors of innovative activity of the population. Moscow: Institute of National Projects.
- Baranov, E.F., Bessonov, V.A. (2018). A look at Russian economic transformation. *Questions of Economics*, 11, 142–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-142-158.
- Denisova, G.S., Bineeva, N.K., Denisova, A.V. et al. (2013). Student practices in designing strategies and lifestyles: sociological essays. Rostov-on-Don: SFedU.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2019). Russian youth in the context of sociological analysis. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
- Inglehart, R., Baker, W. (2000). Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2 (65), 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
- Inglehart, R., Welzel, K. (2011). Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence. Moscow: New publishing house.
- Javed, A., Masuda, H., Kohda, Y. (2014). Value analysis of Islamic banking and conventional banking to measure value co-creation. *International Journal of Social, Human Science and Engineering*, 8(2), 85–93. DOI: 10.1177/239496431562725.
- Klimenko, L.V. (2016). Dynamics of the societal sphere in the South of Russia: sociocultural dimension: (doctoral dissertation abstract). Maykop.
- Klimenko, L.V., Ermishina, A.V., Budaev, P.E. (2020). Dynamics of economic attitudes of the youth of the South of Russia in the context of the integration of a multi-ethnic region. *Economics: theory and practice*, 3, 27–32.
- Labor and economic life in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation Kh.V. Dzutsev (Ed.). Moscow: Institute of Socio-Political Research of the RAS; Vladikavkaz: Publishing and Printing Center of the North Ossetian State University.
- Smelser, N. (1994). *Sociology*. Moscow: Phoenix.

Дата получения рукописи: 19.02.2023
Дата окончания рецензирования: 05.03.2023
Дата принятия к публикации: 06.03.2023

Информация об авторах

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, доцент, профессор, Институт туризма, сервиса и креативных индустрий, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lucl@yandex.ru

Алкесов Руслан Темботович – аспирант, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, e-mail: rta5593@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Klimenko Liudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Institute of Tourism, Service and Creative Industries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lucl@yandex.ru

Aleksov Ruslan Tembotovich – Graduate student, Adygea State University, Maykop, Russia, e-mail: rta5593@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.2

EDN WZKRAY

О влиянии «Киноуроков» на ценности школьников**Александр Б. Понамарёв¹**

¹Южно-российский институт управления, филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kalvarus94@gmail.com

Аннотация

Введение. В данном исследовании предпринимается попытка оценить воспитательный и профориентационный потенциал короткометражных фильмов, представленных проектом «Киноуроки». Применение телекоммуникационных технологий становится важной частью образовательного процесса в школах, а их результативность в качестве инструмента социальной инженерии остается под вопросом и недостаточно изучается научным сообществом. Автор сконцентрировал внимание на воспитательном аспекте применения короткометражных воспитательных фильмов и попытался выявить сильные и слабые места данного подхода.

Методы. Было реализовано разведывательное панельное социологическое исследование, в рамках которого были опрошены школьники Приморского края. Первая волна опроса проводилась до просмотра фильмов, а вторая – через две недели после просмотра. Респондентам задавались вопросы, связанные с их восприятием «успешного человека», их взглядами на репродуктивную стратегию (сколько необходимо иметь детей в счастливой семье), отношением к волонтерскому труду и готовностью выбрать социально полезные профессии (врач, учитель и т.д.).

Результаты и их обсуждение. результаты исследования позволяют рельефно определить, на какие ценности и установки возможно оказать влияние, а на какие затруднительно. Более глубокие ценностные ориентиры, вроде отношения к рождению детей, достаточно трудно изменить, а лежащие на поверхности, вроде выбора профессии и иерархии факторов, влияющих на ее выбор, изменить возможно. Воспитательные художественные короткометражные фильмы не смогут стать важнейшим драйвером социальных преобразований и главным инструментом социальной инженерии, но могут занять свое место в более широком профориентационном комплексе, направленном на ориентацию российской молодежи в сторону более общественно полезного мышления.

Ключевые слова: «Киноуроки»; воспитание школьников; профориентация; волонтерство; многодетные семьи.

Для цитирования: Понамарёв А.Б. (2023). О влиянии «Киноуроков» на ценности школьников. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.2>

About the impact of “Film Lessons” on the values of schoolchildren**Alexander B. Ponamarev¹**

¹South Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: kalvarus94@gmail.com

Abstract

Introduction. This study attempts to evaluate the educational and career guidance potential of short films presented by the Kino Lessons project. The use of telecommunication technologies is becoming an important part of the educational process in schools, and their effectiveness as a tool for social engineering remains questionable and insufficiently studied by the scientific community. We focused our attention on the educational aspect of the use of short educational films, and tried to identify the strengths and weaknesses of the approach.

Methods. An exploratory panel sociological study was implemented, which surveyed schoolchildren of Primorye Territory. The first wave of the survey was conducted before watching the movies, and the second wave was conducted two weeks after watching the movies. In this study, respondents were asked questions related to their perception of a “successful person”, their views on reproductive strategy (how many children

to have in a happy family), about their attitude to volunteer work and their readiness to choose socially useful professions (doctor, teacher, etc.).

Results and its discussion. The results of the study allow us to clearly identify which values and attitudes are possible to influence, and which are difficult to influence. More “deep” value orientations like attitudes towards having children are quite difficult to change, while “lying on the surface” like the choice of profession and the hierarchy of factors influencing its choice is possible to change. Educational feature films cannot become the most important driver of social change and the main instrument of social engineering, but they can take their place in a broader career-guidance complex aimed at directing Russian youth toward a more socially useful way of thinking.

Keywords: “Film Lessons”; schoolchildren education career guidance; volunteering; large families.

For citation: Ponamaryov A.B. (2023). About the impact of “Film Lessons” on the values of schoolchildren. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.2>

Введение

Актуализация современных методов обучения и приведение их в соответствие с актуальными стандартами является важным элементом современной педагогики. Основная тенденция развития общего образования неразрывно связана с таким понятием, как цифровизация. Образовательные технологии трансформируются и приобретают более современные черты, связанные в первую очередь с применением телекоммуникационных технологий. Иными словами, компьютеры и видеоматериалы становятся все более популярными в образовательном пространстве. В современной российской школе имеется два направления: непосредственно образовательное и воспитательное. Польза применения информационных технологий, обеспечивающих увеличение наглядности представляемых материалов, очевидна и неоспорима, но в научном сообществе отсутствует консенсус насчет эффективности воспитания в общеобразовательных учреждениях, даже вне контекста применения современных технологий. Классический метод воспитательной деятельности в российской школе – классный час и лекция. Из этого следует, что воспитательный процесс в школе является однонаправленным, идущим сверху вниз – от преподавателя к обучающемуся. Вышеописанный подход достаточно часто критикуется опытными педагогами, а в центре внимания оказывается потенциал познавательно-развивающей парадигмы, в которой обучающийся обладает намного большей субъектностью, чем обычно (Герасимов, Лубский 2014). Сегодня этот подход постепенно популяризируется, и в данной работе мы предпримем попытку оценить эффективность одного из главных методов современного обучения – посредством просмотра видеоматериалов. При этом мы сконцентрируем наше внимание не на усвоении учебного материала, а на воспитательном потенциале. Иными словами, нас интересует ответ на следующий вопрос: обладают ли телекоммуникационные технологии воспитательным потенциалом? Для этого мы обратим наше внимание на достаточно проработанный и продвигаемый проект под названием «Киноуроки» (Киноуроки. Официальный сайт) и используем его как базу для социологического исследования. Работы, написанные по теме воспитательных фильмов, либо носят обзорный характер и расписывают потенциал данного метода (Вострикова, 2011), либо концентрируются на образовательном, а не на воспитательном аспекте. Особенно часто это связано с иностранными языками. Складывается впечатление, что большинство авторов сходится во мнении о том, что именно для изучения иностранных языков фильмы показывают себя наиболее эффективно (Форопонова, Чернышёва, 2022). В научном дискурсе отсутствуют современные социологические исследования, связанные с получением эмпирических данных об оценке обучающимися эффективности фильмов, а также с попытками выяснить, оказали ли подобные фильмы влияние на ценностные ориентиры молодых людей. В данном исследовании мы предпримем попытку заполнить эту лакуну.

Авторы проекта «Киноуроки» занимаются распространением короткометражных кинофильмов, рекомендованных Министерством просвещения РФ и входящих в программу «Культура для школьников». Из этого следует, что исследуемые нами короткометражные фильмы – не простая низовая инициатива, обладающая сомнительным качеством, а воспринимается как эффективный и полезный воспитательный инструмент на федеральном уровне. Приведем слова руководителей проекта, которые могут исчерпывающе описать их взгляд на свой проект: «Воспитание поколений выпускников школ 2030–2040 гг. со сформированной широкой библиотекой этических качеств, высоким уровнем нравственной, социальной и интеллектуальной компетентности. Поколения, воспитанные на духовных ценностях исторического и культурного наследия, станут мощной опорой для развития и укрепления государства». Как следует из вышеприведенной цитаты, воспитание детей, разделяющих созидательные и общественно полезные ценности, по сути, является одним из направлений социальной инженерии, реализуемой властным истеблишментом Российской Федерации. С точки зрения социологии нас интересует ответ на вопрос: оказал ли просмотр фильмов из проекта «Киноуроки» реальное влияние на мировосприятие молодых людей?

Методы. Исследование реализовано в формате панельного социологического опроса, проводившегося в две волны – до и после просмотра короткометражных воспитательных фильмов. Опрос проводился среди школьников Приморского края посредством анкетирования непосредственно перед просмотром и через две недели. Данный опрос носит разведывательный характер и направлен на подтверждение или опровержение гипотетического предположения о том, что короткометражные фильмы могут оказать позитивное влияние на морально-нравственное развитие молодых людей. Двухнедельная пауза между волнами опроса позволяет обеспечить достаточно долгое время для рефлексии и гарантировать, что ответы респондентов не контаминированы непосредственным впечатлением после недавнего просмотра. Школьникам были показаны три фильма: – «Дом», «Чистодей» и «5 дней».

В фильме «Чистодей» продвигается идея счастливой многодетной семьи, в которой семейное счастье, достигаемое путем обладания крепкой и сплоченной семьей, превышает по значению любой материальный достаток и престиж. Этот посыл становится особенно актуальным во времена спада рождаемости на фоне снижения желания молодых людей заводить семьи.

В фильме «5 дней» продвигается идея активного гражданского общества, выстроенного на взаимопомощи и совместном участии в социально полезной деятельности (субботники, древонасаждения, помощь пожилым людям и т.д.). Эта идея очень актуальна в современных реалиях, так как современная российская молодежь в целом очень атомизирована и заиклена на собственных проблемах. При этом очевидно, что активное вовлечение наших сограждан в созидательные инициативы приведет к повышению всеобщего благосостояния населения России.

В фильме «Дом» продвигается идея так называемой жизни ради других – паттерна социального поведения, ориентированного на приоритет общественной полезности любой деятельности и коллективного начала перед индивидуальным. Актуализируется идея выбора профессии, приносящей пользу социуму, и важности своей малой родины.

Сформулировав вышеописанные лейтмотивы и художественные замыслы каждого из фильмов, мы разработали три задачи исследования:

1. Выявить динамику отношения молодых людей к ценностям многодетной семьи до и после просмотра фильма «Чистодей».

2. Определить отношение молодых людей к добровольческой деятельности, активному вовлечению в созидательные общественные инициативы до и после просмотра фильма «5 дней».

3. Установить влияние фильма «Дом» на профессиональную ориентацию молодых людей, в частности на стремление выбирать социально полезные профессии.

Результаты и их обсуждение

Начнем с анализа общих вопросов.

По ответам на вопрос «Какие личные качества в человеке вы цените больше всего?» наблюдается заметная позитивная динамика общественно полезной направленности. Во-первых, доброта, отзывчивость и стремление помогать людям были выбраны в 37% случаев после просмотра (24% до просмотра, рост на 13 п.п.), честность и порядочность выбирались в 31% случаев (23% до просмотра, рост на 8 п.п.), ответственность выбиралась в 23% случаев (до просмотра 15%, рост на 8 п.п.). Особенно интересно то, что после просмотра фильмов «независимость», бывшая самым популярным ответом до просмотра фильмов (28%), значительно потеряла в популярности после просмотров (15% после просмотра, снижение на 13 п.п.) (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Какие личные качества в человеке вы цените больше всего?», %

Вывод следующий: просмотр фильмов оказал значительное влияние на восприятие школьниками наиболее общественно ценных личных качеств и можно констатировать смещение их интересов от независимости в сторону социально полезных личных качеств. Можно сказать, что открытые, добрые и положительные пер-

сонажи фильмов запомнились школьникам и оказали влияние на ответы во второй волне опроса.

Далее респондентам было предложено выбрать из предложенных характеристик понятия «жизненный успех» именно те характеристики, которые являются для них наиболее подходящими (рис. 2).

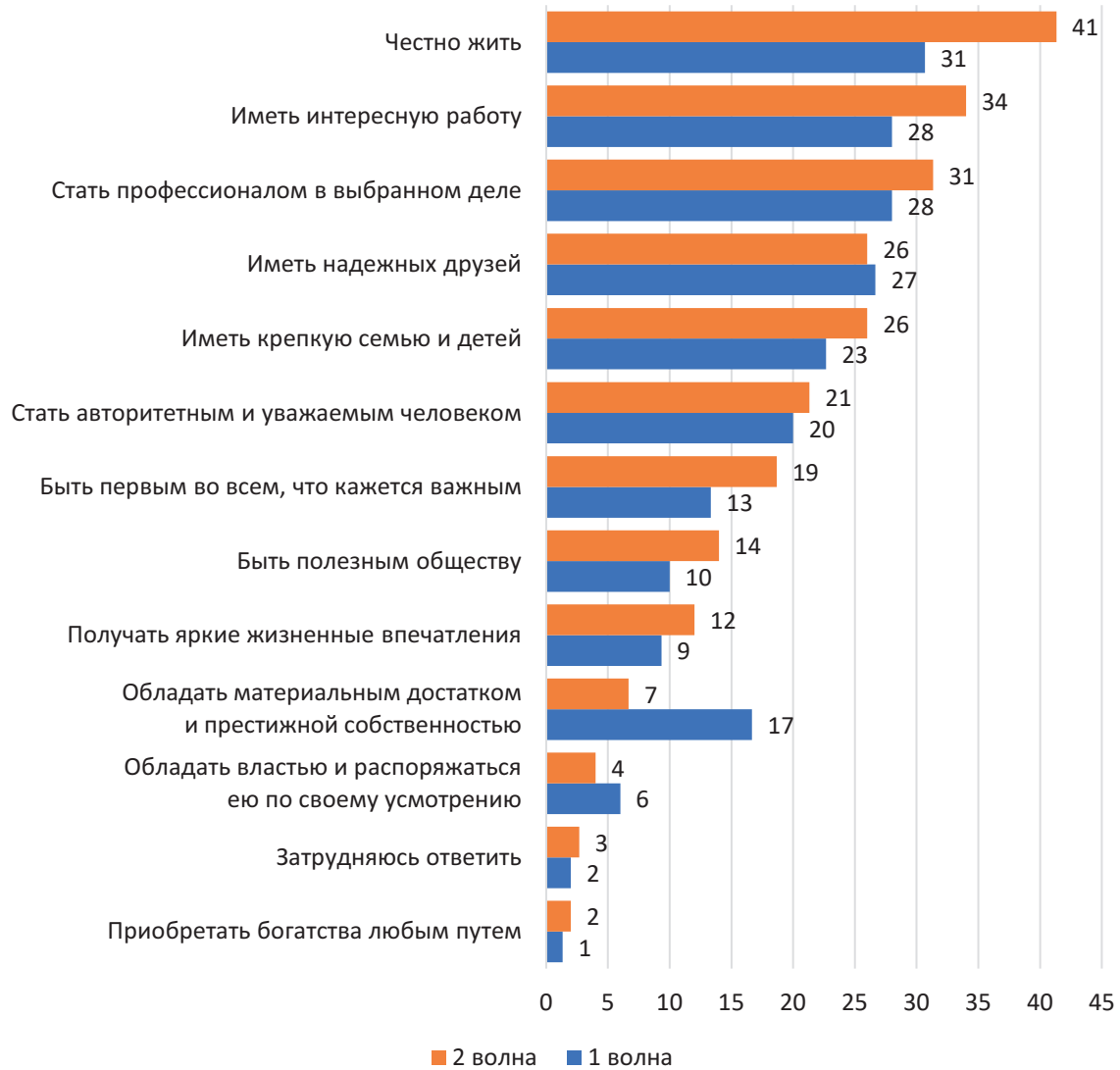

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Выберите из предложенных характеристик понятия “жизненный успех” именно те характеристики, которые являются для вас наиболее подходящими» (множественный выбор), %

В случае школьников просмотр фильмов не столько изменил их приоритеты, сколько укрепил. Проявляется это в том, что первые три жизненных приоритета, определяющие «успешного человека», не поменялись местами, но стали более популярными. Такими ответами считаются «честно жить», «иметь интересную работу» и «стать профессионалом в выбранном деле». Остальные изменения в распределении ответов регистрируются в рамках статистической погрешности. Вывод следующий: просмотр фильмов не изменил представление школьников об успешном человеке, но укрепил уже укорененные в них позитивные, созидательные и конструктивные идеалы.

Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, сколько должно быть детей в семье для счастливой жизни?» представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как вы думаете, сколько должно быть детей в семье для счастливой жизни?» (%)**

Вариант ответа	Волна 1	Волна 2
Только один ребенок	29	22
Два или три ребенка	14	11
Зависит от доходов семьи	11	28
В счастливой семье вообще не должно быть детей	7	5
Каждая семья должна ответить на этот вопрос самостоятельно	11	7
Чем больше детей, тем счастливее семья	1	3
Затрудняюсь ответить	26	25

Наиболее заметную динамику демонстрирует вариант ответа «только один ребенок», выбранный в 22% случаев после просмотра фильма (29% до просмотра, снижение на 7 п.п.) и «зависит от доходов семьи», который был выбран в 28% случаев после просмотра фильма (11% до просмотра). Отметим, что в данном вопросе очень высока доля затруднившихся ответить, так как школьники редко задумываются о вопросах деторождения стратегически. Интересно, что просмотр фильма оказал совершенно неожиданное влияние на выбор ответа «зависит от доходов семьи». Содержание фильма выстроено таким образом, что должно снижать степень рациональности и расчетливости в репродуктивной стратегии и придать рождению детей больше идейного, нравственно-морального и социально-полезного контекста, но после просмотра фильма школьники стали относиться к этому вопросу намного рациональнее. Насколько это совпадает с замыслом авторов, остается под вопросом, но мы можем констатировать, что фильм заставил школьников как минимум задуматься об этом вопросе и выбрать самый рациональный ответ. Вывод следующий: просмотр фильма не оказал влияния на оценку репродуктивной стратегии школьников, не зародил в них интереса стать многодетными родителями, но повысил степень рациональности в выборе количества детей.

Распределение ответов в табл. 2 демонстрирует положительную динамику отношения к волонтерству. Однозначно положительный ответ был выбран в 47% случаев после просмотра фильмов (23% до просмотра, рост на 24 п.п.). Вариант ответа «положительно, но во многих ситуациях люди должны справляться самостоятельно», демонстрирующий сдержанное отношение к волонтерству, был выбран в 24% случаев после просмотра фильмов (41% до просмотра, снижение на 17 п.п.). Вывод следующий: просмотр фильмов оказал заметное влияние на позитивное восприятие волонтерства среди школьников.

Распределение ответов на вопрос «Что лежит в основе вашей карьерной стратегии и выбора будущей профессии?», представленное на рис. 3, демонстрирует, что стремление добиться высокого дохода и качества жизни остаётся основой карьерной стратегией (29%), но количество тех, кто готов выбрать профессию исходя из ее востребованности, увеличилось с 16% до просмотра до 24% после просмотра. Вывод следующий: это один из индикаторов того, что просмотренные фильмы обладают потенциалом вносить изменения в систему приоритетов, используемую школьниками при выборе профессий.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Выскажите свое отношение к добровольческим инициативам, волонтерству,
безвозмездной помощи людям в трудных ситуациях» (%)**

Варианты ответа	Волна 1	Волна 2
Однозначно положительно, мы все должны помогать друг другу	23	47
Положительно, но во многих ситуациях люди должны справляться самостоятельно	41	24
Скорее отрицательно, так как в нашей стране есть специальные службы, оказывающие поддержку профессионально	14	11
Отрицательно, в обществе каждый должен быть сам за себя	9	4
Затрудняюсь ответить	13	15

Рисунок 3. «Что лежит в основе вашей карьерной стратегии и выбора будущей профессии?», %

Вышеприведенные результаты также были верифицированы прямым вопросом: «Оказал ли просмотр фильмов влияние на ваше отношение к труду и общественно полезным профессиям?». Распределение ответов представлено на рис. 4.

21% опрошенных указали в ответе, что просмотр фильмов повысил их интерес к социально полезным профессиям; Для 37% опрошенных эти профессии были интересны и до фильмов; 19% опрошенных посчитали, что фильмы не смогли повысить их интерес. Итак, можно сказать, что предположительно 21% респондентов восприняли фильм не просто положительно, но смогли осознать и воспринять его контент, что, по их мнению, оказало влияние на их карьерную стратегию.

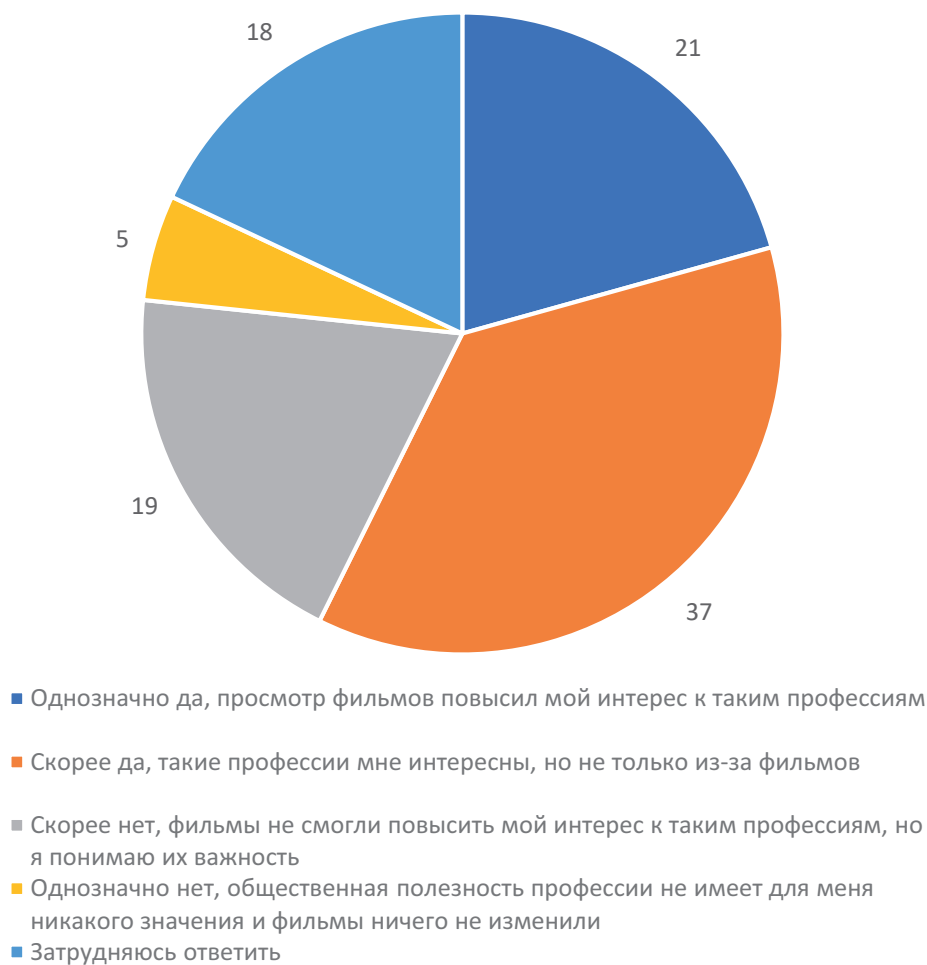

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Оказал ли просмотр фильмов влияние на ваше отношение к труду и общественно полезным профессиям?», %

Мы считаем, что мотивирующие фильмы, очевидно, не смогут стать краеугольным камнем, меняющим мировосприятие молодых людей и оказывающим прямое влияние на их карьерную стратегию, но они могут стать важным элементом более расширенного профориентационного комплекса, так как просмотр фильмов может дать кумулятивный эффект, усиливающий и акцентирующий идеи, продвигаемые в рамках других профориентационных мероприятий. В общем и целом 21% – это достаточно существенная цифра, и данные фильмы, по мнению опрошенных, обладают важным профориентационным и воспитательным потенциалом.

Заключение

Резюмируем полученные данные и подведем итоги по задачам социологического исследования. Начнем с того, что понятие «жизненный успех» для опрошенных школьников по всем параметрам совпадает с образом представителя западного среднего класса. Они желают обладать крепкой семьей, хорошими друзьями, достойным заработком и востребованной квалификацией. Подобная референтная модель по своей сути наполнена неолиберальными ценностями и стремлением к индивидуализму. В настоящий момент воспитательным трендом является привитие школьникам идей приоритета коллективного перед индивидуальным и пользы общества

перед собственным благосостоянием. Исследованные фильмы, по своей сути, применяют средства художественной суггестии для влияния на зрителей. Иными словами, «Киноуроки» – один из инструментов социальной инженерии, а наша исследовательская задача – определить эффективность этих инструментов. Воспитательный потенциал у короткометражных фильмов имеется, но он достаточно ограничен.

Повлиять на репродуктивную стратегию, а именно повысить социальный престиж многодетной семьи не представляется возможным посредством фильмов. В-первых, высокая степень затруднившихся ответить позволяет сказать, что школьники редко задумываются о деторождении, во-вторых, современные российские школьники стремятся к рационализации своей жизненной стратегии, следовательно, попытки суггестивно повлиять на нее посредством просмотра художественных короткометражных фильмов не могут привести к значительным результатам. Мы считаем, что стратегия повышения рождаемости в России в условиях экономических и социально-политических потрясений направлена на снижение рациональности и стратегического мышления молодых людей и привитие им чувства долга. Результаты исследования свидетельствуют об инстинктивном сопротивлении этому. Вместо увеличения доли ответов, связанных с многодетностью, самым преобладающим во второй волне стал ответ «зависит от доходов семьи». Количественный анализ позволяет предположить, что ученики почувствовали, что на них стараются повлиять, и выбрали ответ, демонстрирующий сопротивление. Стоит отметить, что именно этот вопрос оказался самым сложным для анализа и потребует дальнейшей проработки посредством качественных исследований в виде глубинных интервью. Таким образом, фильм, направленный на продвижение идеи многодетности, достиг прямо противоположной цели – заставил школьников, не задумывавшихся о таком вопросе, заняться рефлексией и задуматься о рационализации своей репродуктивной стратегии.

Фильм, направленный на продвижение идеи волонтерства, оказал позитивное влияние на восприятие этой идеи среди опрошенных школьников. До просмотра фильма самой популярной идеей была «помогать людям хорошо, но чаще они должны сами о себе заботиться», а после просмотра доминирующей идеей стала «да, мы все должны помогать друг другу», что свидетельствует о достигнутой суггестивной задаче. Идея помощи другим людям, как нам кажется, всегда воспринимается положительно, но реальные примеры взаимопомощи могут послужить вдохновляющим стимулом для того, чтобы осознанно стать волонтером или более открытым к убеждению в необходимости участия в волонтерской деятельности.

Продвижение идеи «жить ради других» посредством короткометражного фильма, показанного школьникам, возымело достаточно интересный эффект. В-первых, «социально полезные» варианты ответов, такие как «честно жить», «быть полезным обществу», приобрели заметную популярность у школьников во второй волне опроса, а во-вторых, ответ «востребованность профессии в обществе» стал более популярным, а значение «престижности профессии» снизилось. Это означает, что на профориентацию возможно гибко влиять посредством правильных инструментов художественной суггестии. Наше заключение таково: идею стремления к обладанию общественно востребованной профессией можно и нужно продвигать посредством воспитательных художественных фильмов.

Общий итог следующий: результаты исследования позволяют рельефно определить, на какие ценности и установки возможно оказать влияние, а на какие очень трудно. Более глубокие ценностные ориентиры, вроде отношения к рождению детей, достаточно трудно изменить, а лежащие на поверхности, вроде выбора профессии и иерархии факторов, влияющих на ее выбор, изменить возможно. Мы не считаем, что

воспитательные художественные короткометражные фильмы могут стать важнейшим драйвером социальных преобразований и главным инструментом социальной инженерии, но они могут занять свое место в более широком профориентационном комплексе, направленном на направление российской молодежи в сторону более общественно полезного мышления.

Литература

- Герасимов, Г.И., Лубский, А.В. (2014). Диалог о познавательно-развивающей парадигме высшего образования. *Гуманитарий Юга России*, 2, 107–122.
- Вострикова, Е.Л. (2011). Использование информационно-коммуникативных технологий в начальной школе. *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*, 2, 19–22.
- Форопонова А.А., Чернышёва Л.А. (2022). Мультипликационный фильм «Двенадцать месяцев» на уроке русского языка как иностранного (методические разработки). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(61), 162–167.
- Киноуроки – официальный сайт. Режим доступа: <https://kinouroki.org>.

References

- Foroponova A.A., Chernysheva L.A. (2022). Multiplication film “Twelve Months” at the lesson of the Russian language as a foreign language (methodological development). *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 1 (61), 162–167.
- Gerasimov, G.I., Lubsky, A.V. (2014). Dialogue on the cognitive-developing paradigm of higher education. *Humanitary of the South of Russia*, 2, 107–122.
- Vostrikova, E.L. (2011). The use of information and communication technologies in the elementary school. *Municipal Education: Innovations and Experiment*, 2, 19–22.
- Film Lessons – official website. Available at: <https://kinouroki.org>

Дата получения рукописи: 20.03.2023

Дата окончания рецензирования: 18.04.2023

Дата принятия к публикации: 19.04.2023

Информация об авторе

Пономарёв Александр Борисович – кандидат социологических наук, старший преподаватель, Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalvarus94@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ponomarev Alexander Borisovich – Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer, South Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalvarus94@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.3

EDN VBOPJD

Российская идентичность дагестанской молодежи: состояние и тенденции**Мадина М. Шахбанова¹**

¹Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время в российском обществе актуализирован вопрос формирования государственно-гражданской идентичности, причем повышению интереса к данному феномену способствовали происходящие в общественном сознании процессы. На государственном уровне обозначена необходимость укрепления позиций российской идентичности в массовом сознании при параллельном формировании патриотических установок.

Теоретическое обоснование. В постсоветский период обострились этнические процессы, и закономерным был рост национального самосознания российских народов. Естественным было проявление, причем в основном в деструктивной форме, национальной проблематики в полиэтнических административных образованиях, в которых длительное время накапливалось множество проблем, которые имели этнический оттенок. Обострению национального вопроса способствовала деятельность этнолидеров, которые вышли на региональную политическую сцену под лозунгами защиты и сохранения этнокультурной самобытности национальных образований. Усиление роли и значения этнического компонента в многонациональном российском социуме закономерно провоцирует центробежные векторы, угрожающие национальной безопасности Российского государства.

Методы. Эмпирическое исследование проведено в 2022 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступает российская идентичность дагестанской молодежи. Место проведения опроса – г.г. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Левашинский районы Республики Дагестан. N = 543.

Результаты и их обсуждение. Анализ российской идентичности дагестанской молодежи показывает, что маркерами ее воспроизводства для опрошенных являются единое государство, единый язык коммуникации (русский язык) и общая территория проживания. При этом позиции гражданского компонента («ответственность за дела в стране») российской идентичности в сравнении с иными параметрами выглядят слабее. Осознание себя россиянином для дагестанской молодежи заключается в наличии российского гражданства и проживании на территории России, при этом полиэтничность и консолидационные компоненты в их установках уходят на второй план.

Основные положения.

Российская идентичность является очень важным консолидационным ресурсом, который позволяет сохранить стабильность и позитивный межнациональный климат в современном дагестанском обществе.

Обозначенное дагестанской молодежью стремление показать свое единство с россиянами и осознание себя частью российского общества позволяет утверждать, что в общественном сознании молодого поколения дагестанцев наблюдается усиление государственно-гражданской идентичности при одновременном ослаблении этнической самоидентификации.

В области формирования российской идентичности и укрепления позиций индикаторов ее воспроизводства необходимо осуществлять политику, направленную на развитие мировоззренческой и идеологической систем, которые будут способствовать улучшению ситуации во всех социальных сферах.

Ключевые слова: дагестанская молодежь; государственно-гражданская идентичность; межнациональная коммуникация; межэтническая сфера; российская идентичность; этнические процессы; этнические установки.

Для цитирования: Шахбанова М.М. (2023). Российская идентичность дагестанской молодежи: состояние и тенденции. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 28–38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.3>

Russian identity of Dagestani youth: state and trends

Madina M. Shakhbanova¹

¹Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. At present, the issue of the formation of state-civil identity has been actualized in Russian society, and the processes taking place in the public consciousness have contributed to the increased interest in this phenomenon. At the state level, the need to strengthen the positions of the Russian identity in the mass consciousness with the parallel formation of patriotic attitudes is indicated.

Theoretical justification. In the post-Soviet period, ethnic processes intensified and the growth of national consciousness of the Russian peoples was natural. The national problems were particularly pronounced in the multinational administrative entities and the strengthening of this issue was facilitated by the activities of ethno-leaders who entered the political scene of some regions under the slogans of protecting and preserving the ethno-cultural identity of national entities. The strengthening of the role and importance of the ethnic component in the multinational Russian society naturally provokes centrifugal vectors that threaten the national security of the Russian state.

Methods. An empirical study was conducted in 2022 by random selection. The object of the study is Dagestani youth. The subject of the study is the Russian identity of Dagestani youth. The place of the survey is Makhachkala, Derbent, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Kazbekov, Kizlyar, Levashinsky districts of the Republic of Dagestan. $N = 543$.

Results and its discussion. The analysis of the Russian identity of Dagestani youth shows that the markers of its reproduction for the respondents are a single state, a single language of communication (Russian) and a single territory of residence. At the same time, the positions of the civil component (“responsibility for affairs in the country”) the Russian identity, in comparison with other parameters, looks weaker. The awareness of being a Russian for Dagestani youth is the presence of Russian citizenship and residence in Russia, while polyethnicity and consolidation components in their attitudes fade into the background.

The main provisions.

Russian identity is a very important consolidation resource that allows us to maintain stability and a positive interethnic climate in modern Dagestani society.

The desire indicated by Dagestani youth to show their unity with Russians and awareness of themselves as part of Russian society allows us to assert that in their public consciousness there is a strengthening of state-civil identity while weakening ethnic self-identification.

In the field of the formation of Russian identity and strengthening the position of indicators of its reproduction, it is necessary to implement a policy aimed at the development of ideological and ideological systems that will contribute to improving the situation in all social spheres.

Keywords: Dagestani youth; state-civil identity; interethnic communication; interethnic sphere; Russian identity; ethnic processes; ethnic attitudes.

For citation: Shakhbanova M. M. (2023). Russian identity of Dagestani youth: state and trends. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 28–38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.3>

Введение

Вопрос формирования государственно-гражданской идентичности как консолидационного ресурса актуализировался на фоне заметного усиления значения и веса этнической идентичности в установках российского населения, причем наиболее яркое ее (этнической идентичности) проявление наблюдалось у нерусского населения. Разумеется, как и любое социальное явление, этническая самоидентификация может развиваться как по позитивной, так и по негативной траектории. По нашему мнению, с одной стороны, рост этнической идентичности, способствовал решению замалчивавшихся в советский период проблем национального образования, с другой – на этой волне появились национальные лидеры, которые своей деятельностью дестабилизировали ситуацию в полиэтнических регионах, противопоставляли друг другу народы, соответственно, провоцировали этноконфликты, пытались интерпретировать многие исторические события через призму собственного видения и т.д. Все это в совокупно-

сти формировало в общественном сознании российского населения интолерантные установки, которые отражались на этническом поведении в отношении представителей другого национального образования, несмотря на отсутствие до этого каких-либо разногласий и проблем в процессе личностного взаимодействия. В ряде российских субъектов принимались региональные законы, противоречащие федеральным, более того, экономически развитые регионы пытались влиять на центральную власть, чтобы иметь различные преференции в определенных социальных сферах. Не вызывает сомнения, что такая политика региональной власти, сопряженная с активизацией этнического фактора, угрожала национальной безопасности Российского государства. Поэтому, немного оправившись от двух чеченских кампаний, смягчив межнациональное противостояние и относительно улучшив экономическую ситуацию в стране, федеральная власть в числе приоритетных обозначила необходимость укрепления позиций государственно-гражданской идентичности в массовом сознании россиян. Не вызывает сомнения, что российская идентичность рассматривалась как интеграционный ресурс, соответственно, была провозглашена национальная идея, а также принципы патриотического воспитания населения. Однако, по нашему мнению, многие продекларированные идеи и проекты так и остались нереализованными, о чем свидетельствуют современные реалии в российском обществе.

Типы социальной идентичности, которые формировали разные векторы развития Российского государства и очень часто конфликтовали между собой, закономерно обусловили появление потребности в консолидации общества, что вынудило политиков и общественных деятелей обозначить приоритет принципов единства и межнационального согласия в российском социуме. Ключевая роль в реализации данных мер принадлежит государственно-гражданской, в данном контексте – российской идентичности. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что «современная российская идентичность формировалась в условиях распавшегося государства (СССР) и рухнувшей социальной системы (советской) – “культурной травмы” (П. Штомпка). В ситуации неопределенности, неуверенности у людей, как правило, усиливается потребность в идентификации с чем-то более близким, привычным. Такими на фоне национальных движений и постконфликтных трудностей стали этническая, региональная и локальная идентичности» (Дробижина, 2020, 37).

Теоретические основы исследования

Кто выступает актором формирования государственно-гражданской (русской) идентичности? Несомненно, что активную роль в данном процессе выполняет официальная власть: «дискурс власти содержит идеологемы, касающиеся как общегражданской идентичности, взаимодействия людей различных национальностей, так и связанные с русскостью» (Арутюнова, 2019, 110).

Если перейти к анализу понимания роли российской идентичности как интегрирующего фактора, а также процесса ее формирования, то вопрос образования общероссийской гражданской общности обозначил В.А. Тишков, приводя следующий довод: «Представление о едином народе-нации является ключевым моментом обеспечения стабильности и согласия в обществе и залогом крепости государства не в меньшей степени, чем Конституция, армия и охраняемые границы...» (Тишков, 2008, 121).

Начиная с нулевых годов в отечественной науке велись дискуссии на тему определения национальной политики и обозначения ее базовых постулатов, способных консолидировать российское общество, ибо полиэтничность Российского государства требовала учета национальных интересов всех этнических образований. Поэтому при обсуждении доктрины национальной политики сторонники так назы-

ваемого цивилизационного проекта придерживались позиции, что «органичной для России политико-культурной моделью является модель «государства-цивилизации» (Проект «Государство-цивилизация»...). Данная позиция была критически встречена с аргументацией, что «исторические закономерности... побуждают политологов прогнозировать неизбежную трансформацию нынешней Российской Федерации с ее (по Конституции) нелепым «многонациональным народом» в русское национальное государство» (Севостьянов, 2008, 86). Наряду с вышеприведенными подходами имело место и обозначение российского сознания как фактора интеграции, в частности понимания национальной идентичности как общеразделяемого представления «граждан о своей стране, ее народе и как чувства принадлежности к ним. Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, Конституция, армия и другие институты» (Тишков, 2009, 109).

Мы разделяем позицию А.Г. Саниной, которая рассматривает российскую идентичность «с гражданско-государственной точки зрения как осознание индивидами и этносоциальными группами причастности к сообществу граждан России, основанное на когнитивной и эмоциональной привязанности, символических структурах, а также на прозрачной структурированности в отношении прав и обязательств между властью и гражданином» (Санина, 2012, 63).

Отечественные этносоциологи акцентируют внимание на том, что российская идентичность может по-разному трактоваться общественным сознанием по объективным историческим традициям, в частности как государственное и гражданское самосознание. Формирование первого осуществляется благодаря целенаправленной государственной политике и деятельности политического лидера и элиты. Иными словами, оно конструируется акторами политической власти и фиксируется в государственных актах. Ситуация с гражданской идентичностью, вернее, формирование в массовом сознании именно ее, – процесс более сложный, ибо заключается в воспитании у граждан определенных установок (ответственности за судьбу государства, чувства гордости и патриотизма, активной гражданской и политической позиции, осознания общности и стремления защищать интересы страны). Однако вышесказанное и такой раздельный анализ государственной и гражданской идентичностей не свидетельствуют об их автономности, более того, они находятся в тесной увязке и дополняют друг друга: «В случае гражданской идентичности... это национально-гражданская идентичность, которая включает отождествление с гражданами страны, солидарность, ответственность и чувства, переживаемые людьми (гордость, обида, пессимизм или энтузиазм); здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы – готовность к действию во имя этих представлений и переживаний» (Дробижина, 2013, 75).

Таким образом, по нашему мнению, в рамках изучения этнической идентичности дагестанской молодежи актуально: а) установление веса российской идентичности в сопоставлении с другими типами социальной идентичности; б) определение выраженности российской идентичности в массовом сознании молодого поколения дагестанцев; в) выявление российской идентичности у разных социально-демографических групп; г) изучение индикаторов воспроизводства российской идентичности и эмоционального аспекта в идентификационном процессе.

Методы исследования

Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в г.г. Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском районах Республики Дагестан

($N = 543$). Распределение по национальной принадлежности: аварцы – 24,9%, даргинцы – 18,6%, кумыки – 12,3%, лакцы – 10,5%, лезгины – 19,2%, русские – 5,7%, чеченцы – 4,7%, другие – 4,1%; по образованию: среднее – 29,8%, среднее специальное – 37,8%, высшее – 32,4%; по возрасту: 0–20 лет – 36,4%, 21–25 лет – 22,7%, 26–30 лет – 20,8%, 31–35 лет – 20,1%; по полу: мужчины – 48,8%, женщины – 51,2%.

Результаты исследования

Какие интеграторы российской идентичности востребованы в массовом сознании дагестанской молодежи? Этот вопрос является ключевым в рамках изучения этнической идентичности, потому что позволяет выявить маркеры консолидации и определить место каждого из них в иерархии индикаторов воспроизводства государственно-гражданской идентификации опрошенных. Поэтому важным при измерении российской идентичности является установление параметров, консолидирующих представителей разной национальной, религиозной, профессиональной, гендерной и иной принадлежности, потому что «гражданское сознание молодого поколения включает в себя совокупность социальных норм поведения, характер которых обусловлен его представлениями о взаимоотношениях с государством. Это и ожидания, и эквивалентные им обязательства личности. Ядро гражданского сознания, а вместе с этим первичный уровень взаимоотношения личности и государства – соответствие ее идентичности системообразующей модели государства» (Горшков, Шереги, 2020, 131).

Иными словами, значимость (вес) каждого из интеграторов российской идентичности показывает выраженность центростремительного или же центробежного вектора развития нашего общества (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что вас объединяет с россиянами?» (%)

Социально-демографический параметр	Вариант ответа										
	Общее государство	Ответственность за страну	Родная земля, общая территория проживания	Политические символы (герб, гимн, флаг)	Общее историческое прошлое, историческая память	Общие государственные праздники	Русский язык – как язык межнационального общения	Общая российская культура	Схожесть национальных традиций, обычаев	Единая правовая система	Ничего не объединяет
Национальность											
Аварцы	68,5	27,0	44,0	13,5	11,5	11,0	46,5	10,0	2,0	22,5	2,0
Даргинцы	68,6	35,7	30,0	22,9	25,7	17,1	58,6	7,1	1,4	27,1	2,9
Кумыки	79,7	22,0	35,6	18,6	15,3	25,4	59,3	10,2	1,7	22,0	5,1
Лезгины	72,0	34,4	39,8	22,6	22,7	21,5	64,5	16,1	5,4	26,9	3,2
Лакцы	50,0	18,8	59,4	9,4	34,4	9,4	46,9	21,9	9,4	25,0	6,3
Русские	63,6	54,5	45,5	18,2	54,5	18,1	45,5	36,4	9,1	18,2	0
Чеченцы	63,6	30,3	24,2	18,2	12,1	12,2	30,3	3,0	0	33,3	9,1
Другие	75,0	31,3	40,6	15,6	12,5	18,8	43,8	9,4	3,1	25,0	12,5

Окончание табл. 1

Социально-демографический параметр	Вариант ответа										
	Общее государство	Ответственность за страну	Родная земля, общая территория проживания	Политические символы (герб, гимн, флаг)	Общее историческое прошлое, историческая память	Общие государственные праздники	Русский язык – как язык межнационального общения	Общая российская культура	Схожесть национальных традиций, обычаев	Единая правовая система	Ничего не объединяет
Возраст, лет											
0–20	71,4	26,6	34,7	21,4	16,9	18,1	56,9	10,1	4,0	27,0	7,7
21–25	63,7	32,7	39,8	15,0	15,0	17,7	48,7	14,2	0,9	26,5	3,5
26–30	65,0	27,6	46,3	10,6	13,8	4,9	42,3	9,8	0,8	19,5	0
31–35	76,6	40,6	40,6	17,2	32,8	21,9	48,4	18,8	6,3	23,4	1,6
Образование											
Среднее	74,4	32,3	33,8	23,3	21,8	18,0	60,2	13,5	4,5	27,1	2,3
Среднее специальное	67,1	26,3	36,9	14,9	12,5	9,8	43,5	7,8	2,0	20,8	5,5
Высшее	69,2	33,6	46,6	15,8	22,6	24,0	56,8	16,4	2,7	28,8	2,7
Всего	69,0	29,7	39,1	17,2	17,7	15,5	50,9	11,9	2,9	24,8	4,4

Верификация эмпирики показывает, что важнейшим маркером воспроизводства российской идентичности дагестанской молодежи является общее государство, – он отмечен подавляющей частью респондентов. Анализ материала по разным параметрам показывает, что в этническом разрезе на данный признак указывает меньшая часть опрошенных лакцев и большая – в подгруппе кумыков. Логичным является определение респондентами в качестве интегратора с россиянами русского языка, который в современном российском обществе является, во-первых, государственным языком, во-вторых, языком межнационального общения. Как известно, приобретение русским языком статуса языка межнациональной коммуникации представляется явлением исторически обусловленным, потому что для полноценного функционирования полиэтнического образования жизненно необходим единый язык ведения делопроизводства, обучения и т.д. Роль русского языка как индикатора объединения с согражданами отмечена подавляющей частью представителей даргинской, кумыкской, лезгинской подгрупп, одной второй частью аварцев, лакцев, русских, и меньше таковых среди респондентов-чеченцев (каждый третий). Внутригрупповое сравнение по социально-демографическим параметрам показывает превалирование доли придерживающихся данной позиции в подмассивах 0–20 лет и имеющих среднее образование. Наше предположение о существовании отличий в определении места русского языка в иерархии идентификаторов воспроизводства российской идентичности по месту проживания респондентов подтверждается данными исследования: так, 54,2% горожан и заметно меньшая часть сельского населения (48,1%) подчеркивают индикатор «русский язык» как объединяющий их с россиянами параметр. Можно утверждать, что в современном дагестанском обществе, которое в той или иной

степени ощущает на себе влияние глобализации и информатизации, очень важным является владение русским языком как языком, предоставляющим широкие возможности для получения необходимой информации различного характера (научная, профессиональная, медицинская, историческая и т.д.). Поэтому можно согласиться с мнением, что «язык как связующее звено для мультиязычного когда-то общества – это то, что по факту стало (и единственное, что могло стать) естественной основой общероссийской идентичности и языком российского государства, это элемент, который нельзя удалить из уравнения, если мы говорим о современной России» (Арутюнова, 2022, 104). Далее, одна треть респондентов указывает на важность признака «общая территория проживания (родная земля)», которая, как известно, является священной для любого человека. В сравнении с другими этническими подгруппами отметивших данное суждение больше среди лакцев, в возрастном интервале 26–30 лет и в когорте с высшим образованием. Мы полагаем, что в идентификационных процессах очень важную роль играет ответственность за страну, которая может выражаться в самых разных формах. Оказание помощи в критической ситуации, готовность взять на себя ответственность и решать злободневные вопросы, в частности защиты Отечества, отстаивания его национальных интересов и т.д., представляются индикаторами измерения выраженности патриотических установок в общественном сознании. Обращает на себя внимание, что данная позиция ближе опрошенным русским, возрастному разрезу 31–35 лет и имеющим высокий образовательный статус. Важность единой правовой системы при самоидентификации с согражданами подчеркнута одной четвертой частью по всему массиву; внутри него можно выделить даргинцев, чеченцев, возрастные подгруппы до 25 лет включительно и с небольшой разницей имеющих среднее и высшее образование. Если в процессе этнической идентификации для опрошенных определен вес имел исторический аспект (23,9%), то его позиции заметно снижены при обозначении российской идентичности. Чем это обусловлено? По нашему мнению, причина кроется в том, что дагестанские народы, в отличие от русского народа, в своей истории, даже в постсоветской, имели сложные периоды, связанные с завоеваниями, боевыми действиями (в частности, Кавказская война, первая и вторая чеченские кампании, депортация чеченского и других народов в советский период, репрессии). Очень болезненно местное население воспринимало репрессии в отношении религиозного духовенства, ибо в дореволюционный период конфессиональный компонент был ключевым в жизнедеятельности людей, особенно исповедующих мусульманство. Иными словами, время не может стирать из исторической памяти народа как позитивные, так и негативные факты и события, они независимо от своего оттенка будут долгое время важнейшими в процессе воспроизводства не только российской, но и этнической идентичности. Менее 20% опрошенной дагестанской молодежи отметили варианты ответов «политические символы (герб, гимн, флаг)», «общее историческое прошлое, историческая память», «общие государственные праздники» и «общая российская культура». Здесь обращает на себя внимание, что последние два параметра могли бы, по нашему мнению, играть очень важную роль в воспроизводстве российской идентичности. Их востребованность в массовом сознании способна заметно укрепить позиции российской идентичности в структуре социальной идентичности. По сравнению с другими этническими подгруппами выделяется подмассив русских, одна треть которых подчеркивает важность общероссийской культуры в иерархии элементов государственно-гражданской идентичности. Институт культуры в целом и знакомство с инонациональной культурой способны консолидировать опрошенных с остальными россиянами, ибо «ключевой идеей формирования российской идентичности в аспекте культуры стало возрождение лучшего культурного наследия всех народов страны: музыки, живописи, литературы. Общероссийская культура объединяет великих деятелей всех национальностей. В Стратегии государственной национальной политики

указывается, что российское общество «объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации» (Фадеев, 2021, 54). Суждение «ничего не объединяет» подчеркнуто статистически небольшой частью опрошенной дагестанской молодежи, и можно выделить чеченцев и возрастной разрез до 20 лет включительно.

Таким образом, интеграторы российской идентичности имеют разный вес и значение для опрошенной дагестанской молодежи. Выделенные респондентами маркеры воспроизводства государственно-гражданской идентичности существенных отличий при обозначении их места в данной структуре по социально-демографическому и национальному признакам не имеют – практически равные части опрошенных подчеркивают одни и те же признаки. Мы полагаем, что слабость позиции суждения «ответственность за страну», которое является одним из важнейших параметров гражданственности, свидетельствует о незначимости данного компонента для опрошенной дагестанской молодежи, поэтому российскую идентичность можно рассматривать в совокупности с другими признаками консолидации опрошенной дагестанской молодежи с россиянами. Кроме того, полученный по этой позиции материал позволяет сделать и другой вывод – об отсутствии у респондентов ярко выраженных и сформированных принципов патриотизма и патриотических установок. Также несколько зыбким выглядит позиция индикатора «общее государство», несмотря на его доминирование над другими маркерами. Данный вывод основан на том, что мы исходим из тезиса об отсутствии у опрошенной дагестанской молодежи осознания смысла и содержания данного признака, который включает в себя многие аспекты социально-экономического, политического, духовного и мировоззренческого наследия страны. Формальное обозначение данного маркера, к сожалению, не несет какой-либо смысловой нагрузки. Кроме того, как ранее было отмечено, несмотря на мощное патриотическое воспитание в нашем обществе, важность исторического наследия и тесно связанной с ним исторической памяти в массовом сознании дагестанской молодежи также выглядят не очень выразительно.

Какое значение в личностном плане для дагестанской молодежи имеет российская идентичность? Возникновение этого вопроса вполне естественно, ибо показывает действительное значение для респондентов ассоциации себя с россиянами (табл. 2).

Эмпирический материал показывает, что личностное осознание единства с согражданами для опрошенной дагестанской молодежи заключается в наличии российского гражданства, и данная позиция с заметным преимуществом превалирует как по всему массиву, так и по социально-демографическим подгруппам. Так, важность российского гражданства подчеркнута почти равными долями респондентов во всех этнических, возрастных и образовательных подмассивах, хотя наблюдается уменьшение процентных показателей среди русского населения, в разрезе 26–30 лет и в подгруппе с высшим образованием. На второй позиции располагается вариант ответа «жить на территории России», и он является ключевым для более чем 50% опрошенных в подгруппах даргинского, кумыкского, лезгинского и русского населения, каждого второго в подмассиве аварцев и чеченцев; доля лакцев меньше – одна треть. Фактор многонациональности Российского государства важен для каждого третьего опрошенного по всему массиву, среди них выделяются респонденты-лезгины (одна вторая часть); по социально-демографическим параметрам данный тезис ближе почти равным частям в каждой из подгрупп. Российская идентичность очень ярко проявляется через определенное эмоциональное отношение человека к своей Отчизне. Так, для каждого третьего опрошенного по всему массиву российская идентичность

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Что для вас лично означает «быть россиянином?»» (%)

Социально-демографический параметр	Вариант ответа									
	Иметь российское гражданство	Жить на территории России	Ощущать свою причастность к судьбе современной России	Чувствовать гордость за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе	Чувствовать свою причастность к российской истории	Ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы	Чувствовать свое отличие от представителей других стран	Воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза	Чувствовать себя европейцем	Ничего не означает
Национальность										
Аварцы	60,0	43,5	21,0	26,0	8,0	27,5	4,5	6,0	1,0	4,5
Даргинцы	61,4	57,1	24,3	21,4	12,9	30,0	7,1	7,2	4,3	5,7
Кумыки	64,4	61,0	16,9	27,1	11,9	32,2	8,5	6,8	1,7	0
Лезгины	64,5	51,6	25,8	36,6	19,4	40,9	9,7	6,5	2,2	4,3
Лакцы	59,4	37,5	37,5	28,1	15,6	34,4	0	3,1	0	3,1
Русские	54,5	54,6	45,5	27,3	36,4	36,5	18,2	0	0	0
Чеченцы	69,7	48,5	15,2	21,2	12,1	30,3	6,1	3,0	3,1	9,1
Другие	59,4	59,3	21,9	28,1	3,1	18,8	3,1	6,3	6,4	9,4
Возраст										
0–20	65,7	54,4	16,1	28,6	9,7	29,8	6,5	5,6	2,0	6,9
21–25	62,8	48,7	19,5	27,4	10,6	31,9	9,7	4,4	2,7	3,5
26–30	53,7	40,7	31,7	23,6	15,4	28,5	1,6	7,3	1,6	3,3
31–35	59,4	50,0	43,8	34,4	18,8	28,1	10,9	9,4	1,6	3,1
Образование										
Среднее	71,4	49,6	21,8	34,6	9,0	36,1	8,3	8,3	3,0	3,0
Среднее специальное	60,0	48,6	16,9	18,4	7,5	25,9	5,1	2,4	1,2	7,5
Высшее	56,2	51,4	36,3	37,0	21,9	30,8	6,8	10,3	2,7	2,1
Всего	61,7	49,6	23,5	27,9	12,2	29,7	6,6	6,2	2,0	4,9

заключается в испытании чувства гордости за успехи россиян в спорте, искусстве, литературе. По этнической принадлежности данную позицию разделяет каждый третий из подмассива лезгин, одна четвертая часть аварцев, кумыков, лакцев и русских, каждый пятый в даргинской и чеченской подгруппах. Обращает на себя внимание, что данный вариант разделяет заметно большая часть в возрасте 31–35 лет, а также респонденты со средним и высшим образованием (каждый третий). Далее одна

восьмая часть по всему массиву обозначает важность сопричастности к российской истории и культуре при личностном проявлении российской самоидентификации; данный индикатор более значим для опрошенных русских (одна треть), возрастной подгруппы 31–35 лет и имеющих высшее образование. При этом варианты ответов «чувствовать свое отличие от представителей других стран», «воспринимать Россию как правопреемницу Советского Союза» и «чувствовать себя европейцем» отмечены менее чем 10% опрошенной дагестанской молодежи. Также обращает на себя внимание, что если на отсутствие этнообъединяющих параметров указала статистически незначимая часть (2,4%), то процентные показатели придерживающихся суждения «ничего не объединяет с россиянами» в – два раза больше.

Заключение

Анализ социологического материала позволяет сделать следующие выводы: интеграторами воспроизводства российской идентичности дагестанской молодежи являются «общее государство», «русский язык – как язык межнационального общения», «родная земля, общая территория проживания», «ответственность за страну» и «единая правовая система» при сравнительно низких значениях других признаков: «политические символы (герб, гимн, флаг)», «общее историческое прошлое, историческая память», «общие государственные праздники», «общая российская культура». Иными словами, вышеперечисленные параметры для дагестанской молодежи выступают консолидирующими их с россиянами факторами, хотя приоритет каждого из них в массовом сознании опрошенных имеет разный вес. При конкретизации вопроса для дагестанской молодежи политический аспект (иметь российское гражданство) превалирует над иными признаками. Исторический элемент (история государства и т.д.) менее востребован в массовом сознании молодого поколения дагестанцев, хотя такой эмоциональный компонент, как чувство гордости за достижения россиян, имеет огромное значение. Последний фактор играет важную роль в формировании патриотизма и патриотических установок в общественном сознании, однако обозначение истории как объединяющего компонента слабо присутствует в массовом сознании дагестанской молодежи, что вызывает тревогу. В связи с этим установление причин такой позиции, выработка определенной политики и мероприятий в данном направлении, по нашему мнению, должны быть ключевыми в воспитательном процессе.

На формирование российской идентичности огромное влияние оказывают такие параметры, как образование, возраст, место проживания, региональные отличия, состояние межнациональной сферы, удовлетворенность/неудовлетворенность человека своим материальным положением, государственная социальная политика, при которой население чувствует себя защищенным. Возникает вопрос о влиянии материального фактора на типы социальной идентичности: на первый взгляд, между этими двумя сферами нет никакой связи, но реалии показывают, что обострению межнациональной ситуации может способствовать именно экономический параметр, низкий уровень жизни населения, отсутствие необходимой для полноценной жизни социальной инфраструктуры. Следовательно, мощная экономическая основа государства способна улучшить межнациональные взаимоотношения, формировать в общественном сознании принципы толерантности, чувства гордости за Россию. Вместе с тем российская идентичность и укрепление ее позиций в массовом сознании не свидетельствуют об ущемлении этнического компонента, принижении его роли и значения в общественных процессах. Только согласованность между этнической и государственно-гражданской идентичностями способна обеспечить стабильное и мирное развитие Российского государства.

Литература

- Арутюнова, Е.М. (2022). Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(1), 95–109, DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8863.
- Арутюнова, Е.М. (2019). Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений. *Социологическая наука и социальная практика*, 4, 108–118, DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6804.
- Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. (2020). Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
- Дробижева, Л.М. (2020). Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*, 8, 37–50.
- Дробижева, Л.М. (2013). Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития. *Социологическая наука и социальная практика*, 1, 74–85.
- Санина, А.Г. (2012). Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход. *Социологические исследования*, 12, 57–65.
- Севостьянов, А. (2008). Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? *Политический класс*, 41, 85–100.
- Тишков, В. (2009). Национальная идентичность (о смысле дебатов). *Вестник российской нации*, 1(3), 107–117.
- Тишков, В. (2008). Нация и национальная идентичность в России. *Вестник российской нации*, 1, 120–128.
- Фадеев, П.В. (2021). Историко-культурные представления как консолидирующий компонент российской гражданской идентичности. *ИНАБ. Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19*, 1, 46–57, DOI: 10.19181/INAB.2021.1.6
- Проект «Государство-цивилизация». Режим доступа: <http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm>.

References

- Arutyunova, E.M. (2022). Analysis of the ideas about the Russian language in Russian identity: expert discourse. *Sociological Science and Social Practice*, 10(1), 95–109. DOI:10.19181/snsp.2022.10.1.8863.
- Arutyunova, E.M. (2019). State-civil and ethnic identity of Russian youth in the Republic of Sakha (Yakutia): dynamics of representations. *Sociological Science and Social Practice*, 4, 108–118, DOI:10.19181/snsp.2019.7.4.6804.
- Drobizheva, L.M. (2013). Russian Identity: Integration factors and development problems. *Sociological Science and Social Practice*, 1, 74–85.
- Drobizheva, L.M. (2020). Russian identity: the search for definition and the dynamics of distribution. *Sociological Research*, 8, 37–50.
- Fadeev, P.V. (2021). Historical and cultural representations as a consolidating component of Russian civic identity. *INAB. Interethnic relations and Russian Identity in the difficult conditions of the COVID-19 pandemic*, 1, 46–57. DOI:10.19181/INAB.2021.1.6
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2020) Youth of Russia in the Mirror of Sociology. To the results of long-term research. Moscow: FNISTC RAS, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
- Sanina, A.G. (2012). The Formation of Russian identity: a civil-state approach. *Sociological Research*, 12, 57–65.
- Sevostyanov, A. (2008). The Russian national state: “a paradise for its own” or “a shop of funny horrors”? *The Political Class*, 41, 85–100.
- Tishkov, V. (2009). National identity (on the meaning of debates). *Bulletin of the Russian Nation*, 1(3), 107–117.
- Tishkov, V. (2008). Nation and national identity in Russia. *Bulletin of the Russian Nation*, 1, 120–128.
- The State-Civilization project. Available at: <http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm>.

Дата получения рукописи: 30.01.2023

Дата окончания рецензирования: 10.02.2023

Дата принятия к публикации: 15.02.2023

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр, г. Махачкала, Россия, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ,
ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.4

EDN UGASPA

**Добровольная бездетность: отношение и оценка
в общественном сознании дагестанского населения****Эльвира М. Загирова¹**¹Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия,

e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Аннотация

Введение. Движение добровольной бездетности (чайлдфри) появилось в западном обществе как результат кризиса традиционной семьи и утраты ею своих базовых функций. Несмотря на существование когорты, которой ближе модель демографического поведения в форме сознательного отказа иметь детей, в недавнем прошлом она не имела широкого распространения в российском обществе. Ухудшение социально-экономической ситуации в России, снижение качества оказываемых государством в сфере образования и медицинского обслуживания услуг, игнорирование базовых положений семейной политики выразились в изменении репродуктивного поведения российского населения, уменьшении рождаемости при росте смертности. Среди множества деструктивных явлений в демографической сфере особое место занимает добровольная бездетность, тревогу вызывает ее пропаганда среди подрастающего поколения, что актуализирует необходимость осмысления природы данного явления и установления существующей в общественном сознании дагестанского населения оценки.

Теоретическое обоснование. В современной западной и отечественной науке большое внимание уделяется исследованию добровольной бездетности, ее природы, причин распространения. Осознанный отказ иметь детей способствует уменьшению численности населения, которое отражается на национальной безопасности Российского государства в виде нехватки человеческого капитала во всех социальных сферах (политической, военной, культурной и т.д.). Российские исследователи добровольную бездетность рассматривают как закономерный результат экономического кризиса, который повлиял на материальное благосостояние семьи при отсутствии комплексной семейной государственной политики. Преобразования кардинально изменили ценностно-символическую систему, и для россиян приоритетными стали материальное благополучие, карьерный успех, сохранение личной свободы и нежелание нести ответственность за партнера, которые выражаются в отсутствии потребности иметь детей.

Методы. Предметом исследования выступает добровольная бездетность и ее оценка дагестанским населением. Проблема чайлдфри была затронута в рамках изучения демографического поведения дагестанского населения. Социологический опрос проведен в 2023 г. в городах (Дербент, Кизляр, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Левашинский, Хасавюртовский) Дагестана ($N = 529$). Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины 249 чел. (47,1%), женщины – 280 чел. (52,9%); б) возраст: 18–25 лет – 134 чел. (25,3%), 26–35 лет – 149 чел. (28,2%), 36–50 лет – 128 чел. (24,2%), старше 50 лет – 118 чел. (22,3%); в) семейное положение: замужем/женат – 271 чел. (51,2%); разведен(-а) – 101 чел. (19,1%); холост (не замужем) – 157 чел. (29,7%) г) образование: среднее – 192 чел. (36,3%), среднее специальное – 171 чел. (32,3%), высшее – 166 чел. (31,4%); д) отношение к религии: верующий – 458 чел. (86,5%), неверующий – 12 чел. (2,3%), колеблющийся – 59 чел. (11,2%).

Результаты и их обсуждение. Исторически дагестанская семья была многодетной, соответственно, высокая рождаемость и ориентация на большую семью считались нормой в демографическом поведении населения. Характерные для российской семьи в целом негативные тенденции, которые были обусловлены объективными причинами, не обошли и дагестанскую семью: распространение получила исторически не характерная форма брачного союза – полигамия, увеличилось количество разводов, появились иные формы гендерных взаимоотношений, которые естественно, выразились в ориентации на малодетную семью.

Основные положения.

Эмпирический материал показывает доминирование когорты дагестанского населения, которая негативно характеризует чайлдфри с аргументацией ключевой функции института семьи как наличия детей. Одновременно с отрицательной характеристикой данного типа семейного поведения в обще-

ственном сознании имеет место и положительная оценка добровольной бездетности, аргументируемая тем, что это «личное дело каждой семьи».

Причинами добровольной бездетности выступает целый спектр нерешенных социальных вопросов, с которыми сталкивается семья: низкий уровень материального обеспечения, отсутствие шаговой доступности дошкольных и школьных учреждений, низкий уровень образовательных и медицинских услуг, неуверенность опрошенного дагестанского населения в собственном материальном и психологическом потенциале, отсутствие перспектив для детей.

Результаты исследования показывают существование явно выраженного гендерного отличия при оценке добровольной бездетности: среди женщин, по сравнению с мужчинами, больше позитивно воспринимающих чайлдфри. Процентное превалирование в подмассиве женщин обусловлено большей ответственностью их за будущее детей, осознанием важности и сложности роли матери.

В массовом сознании опрошенного дагестанского населения имеет место осуждение добровольной бездетности женщины. Аналитика по социально-демографическим параметрам показывает, что на неприятие чайлдфри в поведении женщины заметное влияние оказывает социальный статус и отношение к религии респондентов: в поведении связанных брачными узами и идентифицирующих себя как верующие больше порицающих такую модель поведения.

Ключевые слова: добровольная бездетность; чайлдфри; дагестанская семья; демографическое поведение; семейная политика; карьерная семья; дети; супруги; семейные ценности; гендер.

Для цитирования: Загирова Э.М. (2023). Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 41–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>

Voluntary childlessness: attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population

Elvira M. Zagirova¹

¹Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre
of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Abstract

Introduction. The movement of voluntary childlessness (childfree) appeared in Western society as a result of the crisis of the traditional family and its loss of its basic functions. Despite the existence of a cohort that is closer to the model of demographic behavior in the form of conscious refusal to have children, in the recent past it has not been widely used in Russian society. The socio-economic disadvantage of the post-Soviet period and its preservation over a long period naturally affected childbearing, changes in the rate of reproduction of the population, a decrease in the birth rate with an increase in mortality. Among the many destructive phenomena in the demographic sphere, voluntary childlessness occupies a special place, its propaganda among the younger generation is alarming, which actualizes the need to comprehend the nature of this phenomenon and establish the assessment existing in the public consciousness of the Dagestani population.

Theoretical justification. In modern Western and domestic science, much attention is paid to the study of voluntary childlessness, its nature, and the causes of its spread. The deliberate refusal to have children contributes to a decrease in the population, which naturally affects the national security of the Russian state as a lack of human capital in all social spheres (political, military, cultural, etc.). Russian researchers consider voluntary childlessness as a natural result of the economic crisis, which affected the material well-being of the family in the absence of a comprehensive family state policy. The study states the priority of the material component in the attitudes of respondents, they see the achievement of a high level of well-being in a good career. The hierarchy of life principles, in which the factor of material well-being prevails, is capable of leveling other values, in particular, the value of the family, the consequences of which negatively affect the demographic situation and changes in reproductive behavior.

Methods. The subject of the study is voluntary childlessness and its assessment by the Dagestani population. The problem of childfree was touched upon as part of the study of the demographic behavior of the Dagestani population. The sociological survey was conducted in 2023 in the cities (Derbent, Kizlyar, Makhachkala, Khasavyurt) and districts (Botlikh, Derbent, Levashinsky, Khasavyurt) of Dagestan ($N = 529$). The research method is a mass standardized survey. The distribution by socio-demographic parameters of respondents is as follows: a) gender: 249 men (47,1%), 280 women (52,9%); b) age: 18–25 years – 134 people (25,3%), 26–35 years – 149 people (28,2%), 36–50 years – 128 people (24,2%), over 50 years of age – 118 people (22,3%); c) marital status: married – 271 people (51,2%); divorced – 101 people (19,1%); single (not married) –

157 people (29,7%) d) education: secondary – 192 people (36,3%), specialized secondary – 171 people (32,3%), higher – 166 people (31,4%); e) attitude to religion: believer – 458 people (86,5%), unbeliever – 12 people (2,3%), hesitant – 59 people (11,2%).

Results and its discussion. Historically, the Dagestan family had many children, respectively, a high birth rate and orientation to a large family were considered the norm in the demographic behavior of the population. The negative trends characteristic of the Russian family as a whole, which were due to objective reasons, did not bypass the Dagestan family either: polygamy, a historically unusual form of marriage union, became widespread, the number of divorces increased, and other forms of gender relations, which naturally expressed themselves in orientation towards a small family.

The main provisions.

Empirical material shows the dominance of the cohort of the Dagestani population, which negatively characterizes childfree with the argumentation of the key function of the institution of the family to have children. Simultaneously with the negative characterization of this type of family behavior, there is also a positive assessment of voluntary childlessness in the public consciousness of respondents, considering procreation as a “personal matter of each family”.

The reasons for voluntary childlessness are a whole range of unresolved social issues faced by the family: low level of financial situation, lack of walking distance to preschool and school institutions, low level of educational and medical services, uncertainty of the surveyed Dagestani population in their own material and psychological potential, lack of prospects for children.

The results of the study show the existence of a pronounced gender difference in the assessment of voluntary childlessness: among women, compared with men, there are more positive perceptions of childfree. The percentage prevalence in the sub-group of women is due to their greater responsibility for the future of their children, awareness of the importance and complexity of the role of the mother.

In the mass consciousness of the surveyed Dagestani population, there is condemnation of the voluntary childlessness of a woman. Analysis of socio-demographic parameters shows that the rejection of childfree in a woman's behavior is significantly influenced by the social status and attitude to religion of respondents: in the behavior of those who are married and identify as believers, in comparison, more disapprove of such a model of behavior.

Keywords: voluntary childlessness, childfree; Dagestan family; demographic behavior; family policy; career family; children; spouses; family values; gender.

For citation: Zagirova E.M. (2023). Voluntary childlessness: attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 41–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>

Введение

Фамилисты отмечают тесную взаимосвязанность и взаимовлияние процессов, которые протекают в разных социальных сферах, и констатируют преобразования в институте семьи в соответствии с протекающими процессами «в истории, обществе, и это неизбежно. Меняется мир, отношения между людьми, меняется отношение к семье. Но, несомненно, остаются главные жизненные ценности, такие как семья, дети...» (Бичарова, Морозова, 2016, 8). К изменениям в институте семьи можно отнести распространение, более того, и предпочтительность «гражданского брака», т.е. совместного проживания и ведения общего быта мужчиной и женщиной, которые в законодательном аспекте не предусматривают каких-либо обязательств друг перед другом. Нахождение в гражданском браке партнеры мотивируют «желанием узнать друг друга поближе», «проверкой отношений», эмоциональными переживаниями (любовь) и т.д. По нашему мнению, приведенные выше причины вряд ли имеют под собой веские основания. Иными словами, гражданский брак есть сожителство, в русле модернистского направления его рассматривают как «закономерный результат эволюции брачного поведения, расширение границ личной свободы, способствующее появлению новых форм семейных отношений и социальных норм» (Лактюхина, Антонов, 2015, 84).

Изменение в современном обществе понимания содержания института семьи выражается в трансформации тесно связанных с ней явлений, в частности гендера и гендерной принадлежности. Примером является широкое обсуждение вопроса гендерной принадлежности человека, и, к сожалению, под лозунгами толерантности навязывается искусственное и выдуманное представление о множественности гендеров, пропа-

гандируются ценности нетрадиционной сексуальной ориентации, и в данный процесс вовлечены дети, которые в силу возраста не способны понимать и иметь собственную точку зрения на те или иные идеи. Особую тревогу вызывает навязывание таких идей подрастающему поколению, что мы видим на примере западных государств, когда в детских учебных заведениях организуют встречи с носителями нетрадиционной сексуальной ориентации. Не менее чудовищной является пропаганда среди детей допустимости менять пол: фиксируется свобода такого выбора для детей, даже без извещения об этом родителей. Многие «новшества» во взаимоотношениях полов, провозглашение гендерной множественности в западных странах и т.д., на первый взгляд, не угрожают традиционной семье, семейным ценностям, не будут влиять на репродуктивные установки. К сожалению, реалии свидетельствуют об изменении демографического поведения россиян. И на фоне такой картины с целью препятствования распространению в нашем обществе деструктивного восприятия репродуктивной функции семьи были приняты законодательные акты о запрете ЛГБТ-пропаганды среди подростков. По нашему мнению, акцентирование властью внимания на таких явлениях, видимо, свидетельствует о понимании ответственными лицами негативных последствий для эмоционального и психического здоровья подрастающего поколения, которое есть будущее России. Отрицательное влияние на воспроизводство населения в современном российском обществе имеет увеличение масштабов асоциального поведения (наркомания, алкоголизм, игромания), ранний сексуальный опыт, концепт добровольной бездетности, который в западной науке получил названия «чайлдфри» (не желающие иметь детей) и «чайлдхейт» (ненавидящие детей). Естественно, что все эти тенденции отражаются на демографической сфере, провоцируют снижение рождаемости, утрату семейных ценностей, доминирование сожительства над официально заключенным брачным союзом. Таким образом, не вызывает сомнения, что в семейно-брачной сфере происходят далеко не позитивные преобразования, появляются новые модели семейного поведения, и одной из них является добровольная бездетность, или чайлдфри.

Следует отметить, что в традиционном дагестанском обществе изначально не допускалось появление такой формы семейного поведения, ибо рождение детей считалось важнейшей функцией семьи. Соответственно, добровольная бездетность не представляла интерес для дагестанских этнографов. На фоне преобразований постсоветского периода многие вопросы стали предметом научного анализа. В частности, внимание специалистов привлекла добровольная бездетность, которая, по нашему мнению, является деструктивным явлением. Среди фундаментальных исследований демографической проблемы, различных ее аспектов, репродуктивного поведения, трансформации семейных ценностей и отношений, доминирующего в современной России типа семьи необходимо отметить труды А.В. Верещагиной (Верещагина, 2012; Верещагина, 2014; Верещагина, 2016), А.И. Антонова (Антонов, 1996; Антонов, 1998; Антонов, 2014), В.Н. Архангельского (Архангельский, 2013; Архангельский, 2015), А.Г. Вишневого (Вишневский, 2006), С.И. Голода (Голод, 1996; Голод, 2008), М.А. Клупта (Клупт, 2014).

Исследование Аналитического центра НАФИ (2020 г.) показывает демографическое поведение россиян: «почти половина россиян молодого и среднего возраста (46% опрошенных в возрасте от 18 до 45 лет) не намерены заводить детей, мотивируя это неустойчивым материальным положением или **отсутствием такого желания** (выделено нами. – Э.З.)... Среди тех, кто не планирует заводить детей, женщин больше, чем мужчин (51% против 41%)» (Исследование: почти половина россиян..., 2023). Иными словами, сама идеология чайлдфри в большинстве случаев привлекает внимание именно молодежи, у которых пока еще нет четких сформулированных взглядов на брачно-семейные отношения, а то, что уже есть на данный момент, может быть легко

испорчено «красивой историей» представителей чайлдфри, вещающих о том, как хорошо без детей и забот жить для себя. «Явление чайлдфри, наряду с другими модными трендами, такими как гражданский брак, однополый брак, гостевой брак, становится нормальным явлением, успешно находящим все новых сторонников и приверженцев этой идеологии в кругах современной молодежи» (Бичарова, Морозова, 2016, 7).

Об актуальности проблемы чайлдфри в нашем обществе свидетельствует внесение в Государственную Думу России законопроекта, запрещающего пропаганду идей чайлдфри среди подрастающего поколения. В пояснении к данному проекту внимание акцентируется на том, что «сторонники идеологии “чайлдфри” распространяют идеи, формирующие основу деструктивного социального поведения, базирующегося на добровольном отказе от рождения детей, что идет вразрез с традиционными семейными ценностями и государственной политикой Российской Федерации» (Проект закона..., 2023).

Что такое чайлдфри? По мнению О.Г. Исуповой, «буквальный перевод этого слова – “свободные от детей” – то есть люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них при этом не рождались дети. Причем – не рождались не в данный период жизни, а вообще никогда» (Исупова, 2010). Иными словами, чайлдфри подразумевает, «во-первых, людей, которые не имеют детей по причине бесплодия; во-вторых, это люди, которые заявляют, что отсутствие детей – это их свободный и обдуманый выбор. Для России характерно понимание чайлдфри только во втором смысле» (Романова, 2014, 89), т.е. «население становится все менее семейным и все менее заинтересованным в повышении рождаемости и устранении угрозы депопуляции. Отсюда центральной проблемой просемейной политики становится фактический внесемейный настрой населения, его безразличие по отношению к фамилистическим и наталистическим призывам инициаторов стимулирующей рождаемость политики государства» (Антонов, 2014, 71).

Явление чайлдфри в отечественной науке активно разрабатывается в исследованиях Ю.А. Антоновой (Антонова, 2013), М.М. Бичаровой и О.В. Пиценко (Бичарова, Пиценко, 2013), С.М. Вильдановой (Вильданова, Граничная, Мингалиева, Саляхиева, 2017), Л.А. Грицай (Грицай, 2013), М.В. Казачихиной (Казачихина, 2014), М.А. Полутовой и О.О. Жанбаз (Полутова, Жанбаз, 2015); в зарубежной можно отметить Дж.Э. Виверс (Veervers, 1980), Л. Чанси (Chancey, 2009) и Дж. Мур (Moore, 2015). Также следует отметить, что в западной науке, в частности в английской, имеет место различное восприятие содержания понятия «чайлдфри». Так, российские исследователи определяют *without children* (без детей), *childless* (бездетный), *nonmother* (не мать) как «отклонение от установленной нормы, то есть не существует терминологической единицы, которая подразумевает равноправие между выбором становиться или не становиться матерью» (Григорьева, Дюпра-Куштанина, Чубарова, Яковлева, 2012, 13).

Методы исследования

Эмпирическую базу составляет авторский социологический опрос по изучению демографического поведения дагестанского населения. Опрос проведен в 2023 г. в городах и районах Республики Дагестан ($N = 529$). Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины – 249 чел. (47,1%), женщины – 280 чел. (52,9%); б) возраст: 18–25 лет – 134 чел. (25,3%), 26–35 лет – 149 чел. (28,2%), 36–50 лет – 128 чел. (24,2%), старше 50 лет – 118 чел. (22,3%); в) семейное положение: замужем/женат – 271 чел. (51,2%); разведен(-а) – 101 чел. (19,1%); холост (не замужем) – 157 чел. (29,7%) г) образование: среднее – 192 чел. (36,3%), среднее специальное – 171 чел. (32,3%), высшее – 166 чел.

(31,4%); д) отношение к религии: верующий – 458 чел. (86,5%), неверующий – 12 чел. (2,3%), колеблющийся – 59 чел. (11,2%).

Обсуждение результатов исследования

Что такое добровольная бездетность? Какова мотивация нежелания иметь детей? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо отметить, что в общественном сознании складывается ошибочное мнение, что в основном мужчины не хотят иметь детей. Как правило, среди мужчин встречаются те, которые по тем или иным причинам не готовы стать родителями. И аргументами для такого типа демографического поведения для мужского населения чаще всего выступают низкий уровень доходов, отсутствие жилья, возраст, в определенной степени эгоизм – «хочу пожить для себя». В отношении женщин рассмотрение добровольной бездетности позволяет выделить следующие категории «1) женщины, способные иметь детей, но не желающие этого делать; 2) женщины, способные стать матерью, но отдавшие предпочтение стерилизации; 3) взрослые женщины, которые в более молодом возрасте могли стать матерью, но не захотели», хотя имеют место «*временно бездетные*» и «*недобровольно бездетные*» (Романова, 2014, 91).

Прежде чем изложить результаты авторского опроса, хотелось бы отметить, что С.М. Вильданова и ее коллеги провели исследование чайлдфри среди респондентов, которым ближе идеи добровольной бездетности. На основе полученного материала они пришли к выводу, что «основная часть движения концентрируется в интернет-пространстве; нелюбовь к детям – не единственная причина принятия идеологии чайлдфри, сторонникам движения комфортно быть свободными и находиться в среде своих единомышленников; чайлдфри вступило в стадию идеологической борьбы с системой традиционных ценностей» (Вильданова и др., 2017, 198).

С целью выяснения отношения дагестанского населения к добровольной бездетности был задан вопрос «Как вы относитесь к супругам, которые добровольно ориентированы на бездетность?». Результаты опроса показывают доминирование негативной оценки такой установки в общественном сознании опрошенного дагестанского населения с доводом «в семье обязательно должны быть дети» (35,3%). Анализ по гендерной принадлежности показал, что придерживающихся отрицательного отношения больше среди мужчин, чем среди женщин, – 40,6 и 33,7% соответственно. Обращает на себя внимание, что на формирование отношения к добровольной бездетности влияет семейный статус респондентов: так, в подмассиве связанных семейными узами больше доля недопускающих сознательный отказ от детей; доля таковых среди разведенных составляет 31,4%, и с разницей в сотые – среди не состоящих в браке (31,8%). Анализ через отношение к религии показывает, что среди позиционирующих себя как верующих доля противников чайлдфри в два раза больше в сравнении с неверующими – 37,1 и 18,2% соответственно.

Положительно оценивают добровольную бездетность 30,4% респондентов, среди них в два раза больше женщин (34,2%) по сравнению с мужчинами (18,8%). Следует отметить, что доля разделяющих данную позицию уменьшается с возрастом с 48,9% в интервале 18–25 лет до 14,3% у представителей возрастной когорты старше 50 лет. В чем причина позитивного восприятия чайлдфри молодым поколением дагестанцев? Видимо, в том, что «типичный молодой человек находится в плену антисемейного информационного контента, формирующего моду на внесемейный образ жизни» (Носкова, 2012, 67). Такая же картина прослеживается и по семейному положению: позитивно относящихся к бездетности больше в подгруппе разведенных (50%) и не состоящих в браке (42,4%) и существенно меньше среди связанных брачными узами (24%). Далее,

18,7% респондентов по всему массиву осуждают такой тип демографического поведения, таковых больше среди мужчин (25%) в противовес 16,7% женщин, состоящих в браке (22,9%) против разведенных (11,4%) и не связанных узами брака (7,1%). Анализ через призму отношения к религии показывает, что в подмассиве данный вариант разделяют 36,4%, среди верующих и колеблющихся таковых меньше – 19% и 22,7%, соответственно. Одна восьмая часть опрошенного дагестанского населения аргументом оправдания чайлдфри считает страх и неуверенность в будущем, вызванные отсутствием необходимой инфраструктуры. Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что среди молодежи превалирует доля разделяющих данное суждение – 18,5% в возрасте 18–25 лет и 16,9% в интервале 26–35 лет, а также среди семейных пар (14,6%).

Выявление отношения к чайлдфри предполагает установление демографического поведения женщины. Результаты ответов на вопрос «Как вы думаете, должна ли каждая женщина стать матерью?» показывают, что, по мнению опрошенного населения, материнство обязательно, но при существенном уточнении: «если состояние здоровья позволяет женщине иметь детей» (55,2%). По гендерной принадлежности: важность физического здоровья подчеркнули 62,5% мужчин; женщин заметно меньше (52,9%). Наблюдается различие по семейному положению: придерживающихся данного суждения больше в подмассиве разведенных (61,4%), и можно предположить, что отсутствие детей явилось причиной распада семьи, хотя и среди состоящих и не состоящих в браке доля таковых также существенная – 57,7 и 40,1%, соответственно. При этом важность уважения женщины и модели ее демографического поведения прослеживается через суждение «нет, так как это личный выбор каждой женщины, нельзя «заставлять» женщину иметь детей, если она этого не хочет» (26,3% по всему массиву). Естественно, что среди женщин (28,2%) больше подчеркивающих необходимость учета мнения супруги (женщины) по сравнению с мужской подгруппой (20,3%). Анализ ответов по семейному положению респондентов свидетельствует об отличиях внутри подгрупп: 23,7% находящихся в брачном союзе, 22,9% разведенных и заметно большая часть не состоящих в браке (38,8%).

Существование в обществе проблем брошенных детей, детей, воспитывающихся в детских домах, убийства нежелательных детей, детского насилия, вернее, агрессии и жестокости в отношении младенцев, и ряда других негативных тенденций в семейной сфере требует рассмотрения вопроса материнства под иным углом зрения. То есть вопрос в том, стоит ли поощрять рождаемость с целью улучшения демографической ситуации в стране, если государство в полной мере не способно обеспечить необходимые условия для детей – детские дошкольные учреждения, качественное медицинское обслуживание и т.д. Поэтому имеет право на существование мнение, что не каждая женщина обязана быть матерью. Как правило, нежелательная беременность или же подростковая беременность не всегда имеют позитивные последствия. Очень часто отсутствие помощи со стороны отца ребенка, психологическая незрелость, случайные брачные связи являются причинами убийства детей, причем наиболее беззащитных (младенцев). В связи с этим вполне оправданной является позиция «нет, лучше будет, если женщина не родит, чем будет рожать и оставлять детей на улице, убивать младенцев, отдавать в детдома», разделяемая 12,9% по всему массиву (по полу: 10,9% мужчин и 13,5% женщин). По социально-демографическому разрезу почти равные части в подмассивах по образованию, семейному положению, отношению к религии, возрасту придерживаются данного варианта ответа. Хотя по возрасту можно выделить подмассив старше 50 лет, среди которых меньше разделяющих эту позицию (7,1%).

Рассмотрение добровольной бездетности, выявление ее природы и причин закономерно ставят вопрос о влиянии данной модели семейного поведения на инсти-

тут в целом. Мы разделяем мнение, что «в нашей стране... произойдет разделение на приверженцев традиционной семьи и идей чайлдфри. Однако феномен не окажет значительного влияния на институт семьи, и последователей чайлдфри будет меньше, чем приверженцев традиционных ценностей. Большинству участников... чайлдфри видится лишь определенным этапом развития общества, молодежным течением, но не модой» (Вильданова и др., 2017, 199). Иными словами, обоснованным является утверждение Т.С. Тарасевич о том, что «потенциально многие молодые люди готовы принять традиционные для нашей культуры ценности, но они просто их не знают. Современная молодежь подвергается безальтернативному навязыванию антисемейных ценностей эгоцентризма, гедонизма, разврата и вседозволенности со стороны СМИ, желтой прессы, беллетристики и т.д.» (Тарасевич, 2014, 193).

Установление отношения дагестанского населения к добровольной бездетности логически требует выявления отношения к женщине, которая разделяет идеи добровольной бездетности. Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к женщинам, которые сознательно отказываются от детей?» показывают доминирование с большим перевесом осуждения добровольной бездетности (49,7%). Анализ по социально-демографическому разрезу свидетельствует, что в мужской подгруппе доля таковых больше (54%), чем в женской (48,1%); с возрастом увеличиваются процентные показатели подмассива негативно характеризующих такую установку: с 31,5% в возрастном интервале 18–25 лет до 65,3% в группе старше 50 лет. При этом можно констатировать различие по семейному статусу опрошенного населения: осуждают нежелание иметь детей 54,4% состоящих в браке, 45,7% разведенных и 31,8% не связанных брачными узами. Как известно, вероучение в отношении семьи и деторождения демонстрирует консерватизм, считая грехом искусственное прерывание беременности. Православная церковь неоднократно предпринимала попытки на государственном уровне запретить аборт. Так, по мнению патриарха Кирилла, «большой моральной проблемой является и наличие абортов в системе ОМС, и их финансирование из государственного бюджета. Он предложил стимулировать рождаемость с помощью пособий для беременных» (Патриарх Кирилл призвал запретить..., 2022). Решение не иметь детей в разрезе отношения к религии показывает, что осуждающих сознательную бездетность больше в подмассиве верующих (51,3%), среди неверующих таковых 36,4%, 22,7% среди колеблющихся. Одна треть по всему массиву затруднилась выразить свою позицию. Безразличие характерно для 10,2% по всему массиву; по признаку пола среди женщин придерживающихся данной позиции таковых больше (11,5% против 6,3% мужчин); по семейному статусу – 12,9% разведенных и 14,1% не состоящих в браке против 9,2% семейных. Вместе с тем 6% опрошенных по всему массиву «понимают» добровольную бездетность, с возрастом доля таковых снижается с 8,7% в возрасте 18–25 лет до 5,1% среди тех, кому за 50; среди верующих «понимающих чайлдфри» меньше в сравнении с неверующими и колеблющимися – 5,7%, 9% и 9,1% соответственно. Одобряет добровольную бездетность статистически незначимая часть респондентов (0,8% по всему массиву), среди них 1% женщин, 3,3% в возрастном интервале 18–25 лет и 1,4% разведенных.

Что способствует формированию в массовом сознании населения «одобрения» добровольной бездетности? По мнению А.В. Носковой, «поток “семейной грязи”, льющийся на неокрепшее сознание молодых людей, провоцирует чувство неприязни к семейному образу жизни. Но где же положительные примеры? Их почти не видно. Как альтернатива беспросветной семейной жизни в мягкой форме навязывается иной, свободный от семьи и детей образ жизни с его лозунгом “бери от жизни все” и со свободными сексуальными отношениями» (Носкова, 2012, 67). Таким образом, можно в полной мере согласиться с мнением А.И. Антонова, что «отказ от перефокусировки обще-

ства на семьецентризм как фундамент гуманизма приведет не только к ценностному вырождению и демографическому вымиранию отдельных наций, но и к дальнейшему хаосу общественно-экономической жизни, обусловленному активизацией реликтов радикально-либеральных и экстремистских деклараций» (Антонов, 2014, 74).

Заключение

Проблема добровольной бездетности является актуальной, причем из года в год только обостряется. Поэтому в западной и отечественной фамилистике она широко рассматривается, ибо реалии свидетельствуют о заметной трансформации демографического поведения населения. Как правило, уменьшение рождаемости имеет негативные последствия для любого государства, потому что ослабляется его экономический, научно-технический, военный, культурный потенциал. Особое место в ухудшении демографической ситуации играет чайлдфри, или добровольная бездетность, – сознательный выбор супружеской пары или одного из супругов не иметь детей. Мотивация бывает разной: от эгоистических принципов (желание вести праздный образ жизни, не обремененный теми или иными проблемами) до объективных причин, в частности нестабильности общества, страха и фрустрации. Авторский опрос по изучению типов демографического поведения дагестанских народов показывает превалирование в их общественном сознании отрицательного отношения к чайлдфри, доводов важности продолжения рода, вернее, рассмотрения в качестве основной цели семьи наличия детей. Кроме того, эмпирика показывает, что, несмотря на подчеркивание опрошенными приоритетности статуса матери, они одновременно подчеркивают важность уважительного отношения к выбранной женщиной модели демографического поведения. Авторская гипотеза о влиянии религиозного фактора, в данном случае мусульманского, на демографическое поведение дагестанского населения не подтверждается: респонденты независимо от ассоциации с вероисповеданием (верующий/неверующий) подчеркивают важность свободы личностного выбора женщины иметь детей исходя из состояния ее физического здоровья. При этом анализ материала в разрезе отношения к религии показывает, что заметная часть респондентов во всех подмассивах (одна треть) подчеркивает недопустимость «принуждения» женщины стать матерью, если она не планирует такой шаг, и выделяется здесь когорта, самоидентифицирующаяся как неверующие. Далее, конкретизация вопроса показывает существование в общественном сознании дагестанского населения отрицательной оценки приверженности женщин идее добровольной бездетности и осуждения такой формы семейного поведения. На порицание чайлдфри заметное влияние оказывает религиозный компонент: доля не одобряющих такую установку существенно больше в подгруппе самоидентифицирующихся как верующие. Решение демографического вопроса должно базироваться на пропаганде семейных ценностей, ценности детей и осуществлении семейной политики, направленной на внедрение в массовое сознание в качестве ключевой потребности семьи в продолжении рода, ценности материнства и родительства. Наряду с этим необходимо решать вопросы материального благосостояния семьи, обеспечить доступность учреждений дошкольного и школьного образования, содействовать решению жилищного вопроса молодой семьи, ибо ситуация, сложившаяся в демографической сфере, непростая и одними точечными действиями ее вряд ли возможно улучшить.

Литература

- Антонов, А.И. (1998). Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. М.: Nota Bene.
- Антонов, А.И. (2014). Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики. *Экономические стратегии*, 5(121), 68–74.

- Антонова, Ю.А. (2013). Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма. *Политическая лингвистика*, 2(3), 170–176.
- Архангельский, В.Н. (2015). Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности. *Социологические исследования*, 3, 56–64.
- Архангельский, В.Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2, 129–136.
- Бичарова, М.М., Морозова, О.В. (2016). Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей. *Глобальный научный потенциал. Психология и педагогика*, 12(69), 7–10.
- Верещагина, А.В. (2012). Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования. *Гуманитарий Юга России*, 4, 82–93.
- Верещагина, А.В. (2014). Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности. *Социологическая наука и социальная практика*, 3(7), 47–59.
- Верещагина, А.В. (2016). Молодая семья в России в условиях демографического кризиса. М.: РУСАЙНС.
- Вильданова, С.М., Граничная, А.А., Мингалиева, А.Р., Саляхиева, Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13.
- Вишневецкий, А.Г. (2006). Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство.
- Голод, С.И. (1996). Современная семья: плюрализм моделей. *Социологический журнал*, 3/4, 99–108.
- Голод, С.И. (2008) Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*, 1, 40–49.
- Григорьева, Н.С., Дюпра-Куштанина, В.А., Чубарова, Т.В., Яковлева, И.В. (2012). Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований. *Государственное управление. Электронный вестник*, 35, 1–22.
- Грицай, Л.А. (2013). Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри». *Культура и образование*, 2. С. 1–12.
- Исупова, О.Г. (2010). «Чайлдфри», или Добровольная бездетность. *Демоскоп Weekly*, 427–428.
- Казачихина, М.В. (2014). «Чайлдфри как одна из форм современной семьи». *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, 3, 10–14.
- Клупт, М.А. (2014). Парадигмы и оппозиции современной демографии. *Демографическое обозрение*, 1/1, 34–56.
- Лактюхина, Е.Г., Антонов, Г.В. (2015). «Мы просто живем вместе»: сожителство в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVIII, 4 (81), 82–95.
- Носкова, А.В. (2012). Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости. *Социологические исследования*, 8, 60–71.
- Полутова, М.А., Жанбаз, О.О. (2015). Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 1(116), 89–98.
- Романова, И.В. (2014). Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 12 (115), 89–97.
- Тарасевич, Т.С. (2014). Динамика демографических процессов: причины депопуляции. *Христианское чтение*, 1, 183–196.
- Chancey, L. (2009). Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. *Journal of Family History*, 34/2, 206–223.
- Moore, J., Kienzle, J., Flood Grady, E. (2015). Discursive struggles of tradition and nontradition in the retrospective accounts of married couples who cohabited before engagement. *Journal of Family Communication*, 15, 95–112.
- Veevers, J.E. (1980). *Childless by choice*. Toronto: Butterworth.
- Исследование: почти половина россиян от 18 до 45 лет не хотят заводить детей. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9598459>.
- Патриарх Кирилл призвал запретить аборт в частных клиниках. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2022/6283b4939a79470a2663a4c5>.
- Проект закона о запрете пропаганды чайлдфри среди детей внесли в Госдуму. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/02/27/childfree/>.

References

- Antonov, A.I. (1998). *Microsociology of the family: methodology of research of structures and processes*. Moscow: Nota Bene.
- Antonov, A.I. (2014). Modern trends in family childhood and the goals of family demographic policy. *Economic Strategies*, 5(121), 68–74.
- Antonova, Yu.A. (2013). Communicative strategies in texts representing the ideology of childfree: on the verge of extremism. *Political Linguistics*, 2(3), 170–176.
- Arkhangelsky, V.N. (2015). Assistance to families with children in Russia: assessment of demographic effectiveness. *Sociological Research*, 3, 56–64.
- Arkhangelsky, V.N. (2013). Reproductive and mating behavior. *Sociological Research*, 2, 129–136.

- Bicharova, M.M., Morozova, O.V. (2016). Childfree ideology and its influence on the modern system of family values. *Global scientific potential. Psychology and Pedagogy*, 12(69), 7–10.
- Chancey, L. (2009). Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. *Journal of Family History*, 34/2, 206–223.
- Golod, S.I. (1996). Modern family: pluralism of models. *Sociological Journal*, 3/4, 99–108.
- Golod, S.I. (2008). Socio-demographic analysis of the state and evolution of the family. *Sociological Research*, 1, 40–49.
- Grigorieva, N.S., Dupra-Kushtanina, V.A., Chubarova, T.V., Yakovleva, I.V. (2012). Marriage and parenthood in the context of the evolution of the modern family: a review of international studies. *Public administration. Electronic Bulletin*, 35, 1–22.
- Gritsai, L.A. (2013). Some aspects of the scientific study of the phenomenon of «childfree». *Culture and education*, 2, 1–12.
- Kazachikhina, M.V. (2014). Childfree as one of the forms of the modern family. *Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 3, 10–14.
- Klupt, M.A. (2014). Paradigms and oppositions of modern demography. *Demographic Review*, 1/1, 34–56.
- Laktyukhina, E.G., Antonov, G.V. (2015). «We just live together»: cohabitation in modern Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVIII, 4 (81), 82–95.
- Moore, J., Kienzle, J., Flood Grady, E. (2015). Discursive struggles of tradition and nontradition in the retrospective accounts of married couples who cohabited before engagement. *Journal of Family Communication*, 15, 95–112.
- Noskova, A.V. (2012). Social aspects of solving the demographic problem of low fertility. *Sociological Research*, 8, 60–71.
- Polutova, M.A., Zhanbaz, O.O. (2015). Value and motivational attitudes of the childfree community from the standpoint of postmodernism. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 1(116), 89–98.
- Romanova, I.V. (2014). Childfree in the context of transformation of family relations. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 12 (115), 89–97.
- Tarasevich, T.S. (2014). Dynamics of demographic processes: causes of depopulation. *Christian Reading*, 1, 183–196.
- Vereshchagina, A.V. (2012). Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: methodological matrix of the study. *Humanities of the South of Russia*, 4, 82–93.
- Vereshchagina, A.V. (2014). Interethnic family in the North Caucasus in the context of the new Russian civilizational reality. *Sociological Science and Social Practice*, 3(7), 47–59.
- Vereshchagina, A.V. (2016). A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: RUSAINS.
- Veevers, J. E. (1980). Childless by choice. Toronto: Butterworth.
- Vildanova, S.M., Borzhnaya, A.A., Mingalieva, A.R., Salakhieva, L.M. (2017). Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the family institution. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13.
- Vishnevsky, A.G. (2006). Demographic modernization of Russia: 1900–2000. Moscow: New Publishing House.
- A draft law banning childfree propaganda among children has been submitted to the State Duma. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/02/27/childfree/>.
- Isupova, O.G. (2010). «Childfree», or voluntary childlessness. *Demoscope Weekly*, 427–428. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php>.
- Patriarch Kirill called for banning abortions in private clinics. Available at: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2022/6283b4939a79470a2663a4c5>.
- Research: almost half of Russians aged 18 to 45 do not want to have children. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/9598459>.

Дата получения рукописи: 04.03.2023

Дата окончания рецензирования: 10.04.2023

Дата принятия к публикации: 12.04.2023

Информация об авторе

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

The author has no conflicts of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 378:001.8

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.5

EDN XHUIJKI

**Реструктуризация стратегии управления исследовательским процессом
в российском вузе****Татьяна А. Кокодей¹**

¹Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия
e-mail: takokodey@mail.sevsu.ru

Михаил А. Михайлов²

²Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия
e-mail:m@crimpro.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются получившие распространение в последние годы негативные тенденции имитации исследовательской деятельности в отечественных вузах. Безукоризненные для неспециалистов, идеально документально оформленные, снабженные всеми атрибутами наукообразности и прочашие серьезные перспективы проекты на самом деле оказываются лишь ширмой, скрывающей меркантильную мотивацию их авторов. Эта проблема системы высшего образования вредна не только единичными проявлениями в различных отраслях знаний. Возникла тенденция формирования целой прослойки вузовских работников, не желающих и не способных заниматься этой деятельностью, но вынужденных это делать в силу административного давления или в целях получения материального поощрения.

Целью данной публикации является рассмотрение сущности и причин указанных явлений, а также основные направления их корректировки.

Методы. Методологическую базу исследования составляют исторический и социологический подходы в сочетании с такими методами, как критический анализ, сравнение.

Результаты и их обсуждение. Выявлена сущность явления, основные причины возникновения в современных условиях, пути разоблачения лжеисследовательских методов и противодействия им в вузовской науке. Бездумная монетизация научной деятельности, непродуманное внедрение сомнительных наукометрических показателей привели к появлению среди научно-педагогических коллективов и отдельных ученых «специалистов», стремящихся не к достижению эффективных результатов своих исследований, а к использованию пробелов и несовершенства положений о поощрении научно-исследовательской работы для получения вознаграждения, вовсе не обусловленного успехами их исследовательского труда. Обращается внимание на то, что если критерий количественных показателей научной работы более или менее разработан, то качественно оценить содержание того или иного проекта очень непросто. Рассматривается необходимость реформирования стратегий управления исследовательской деятельностью в высших учебных заведениях страны, ухода от участия в надуманных рейтингах и соревнованиях, противоречащих целям и задачам исследовательской деятельности. Проблема представлена в тесной связи с негативными процессами подобного рода, поразившими образовательную деятельность вузов, превращающими ее в некую платную услугу, облегченную псевдопреимуществами электронного и дистанционного образования.

Ключевые слова: имитация в исследованиях; экономика знаний; монетизация науки; манипуляция наукометрией; управление исследованиями; рейтинги вузов; дистанционное обучение; электронное образование.

Для цитирования: Кокодей Т.А., Михайлов М.А. (2023). Реструктуризация стратегии управления исследовательским процессом в российском вузе. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 52–60. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.5>

Restructuring the strategy of research process management in a Russian university

Tatiana A. Kokodey¹

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
e-mail: takokodey@mail.sevsu.ru

Mikhail A. Mihailov²

²Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
e-mail: m@crimpro.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the negative trends of imitation of research activities that have become widespread in recent years in domestic universities. Irreproachable for non-specialists, ideally documented, equipped with all the attributes of science-likeness and promising serious prospects, projects, in fact, turn out to be just a screen hiding the mercantile motivation of its authors. This problem of the higher education system is harmful not only by single manifestations in various branches of knowledge. A trend has emerged to form a whole stratum of university employees who are unwilling and unable to engage in this activity, but are forced to do so due to administrative pressure or in order to receive financial incentives.

The purpose of this publication is to consider the nature and causes of these phenomena, as well as the main directions for their correction.

Methods. The methodological basis of the study is the historical and sociological approach in combination with such methods as critical analysis and comparison.

Results and its discussion. The essence of the phenomenon, the main causes of its occurrence in modern conditions and the ways of exposing and counteracting pseudo-research methods in university science are revealed. The thoughtless monetization of scientific activity, the ill-considered introduction of dubious scientometric indicators have led to the emergence among scientific and pedagogical teams and individual scientists, "specialists" who are striving not to achieve effective results of their research, but to use the gaps and imperfections of the Regulations on the encouragement of research work to obtain remuneration, not at all conditional on the success of their research work. Attention is drawn to the fact that if the criterion of quantitative indicators of scientific work is more or less developed, then it is very difficult to qualitatively assess the content of a project. The necessity of reforming the strategies for managing research activities in higher educational institutions of the country, avoiding participation in far-fetched ratings and competitions that contradict the goals and objectives of research activities is considered. The problem is presented in close connection with the negative processes of this kind that hit the educational activities of universities, turning it into a kind of paid service, facilitated by the pseudo-advantages of electronic and distance education.

Keywords: imitation in research; knowledge economy; monetization of science; manipulation of scientometrics; research management; university rankings; distance learning; e-education.

For citation: Kokodey T.F., Mihailov M.A. (2023). Restructuring the strategy of research process management in a Russian university. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 52–60. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.5>

Введение

По данным одного из крупнейших международных рейтингов, на сегодняшний день только 16 российских вузов считаются значимыми на международной арене, т.е. входят в топ-1000 мирового рейтинга университетов (World University Rankings, 2021). Данная ситуация сама по себе представляет одну из ключевых проблем современной системы высшего образования. Одной из значимых причин является широко распространенный ныне феномен имитации научной деятельности в российских вузах, требующий серьезного изучения и искоренения путем серьезной модификации существующих стратегий управления исследовательским процессом в высшей школе. Целью данной публикации является рассмотрение сущности и причин этих явлений, а также основные направления их корректировки.

Методы

Изучение феномена имитации научно-исследовательской деятельности и необходимости в изменении в связи с его существованием, стратегий управления этой

функцией отечественного вуза строилось путем ознакомления с историческим российским и зарубежным опытом, анализа публикаций, касающихся этой проблемы, и выяснения приемлемости для российских учебных заведений предлагаемых путей и методов их решения.

Результаты и обсуждение

Рассматривая функции науки в целом (Соколов, Титаев, 2013), можно отметить, что для исследователей наука является делом жизни и способом организации мыслей, при этом ученый напрямую отождествляет себя с исследовательским процессом. Цели развития науки и техники, как и конкурентоспособность в мировом контексте, выходят на первый план для государства.

Управленцу в исследовательском университете, во-первых, необходимо учитывать внешние обстоятельства и тенденции, а также должным образом интегрироваться в схемы распределения ресурсов; во-вторых, от него требуется умение сопоставлять внешние условия с темами личных и групповых исследований, внутренними научными заделами (Волянская, 2021).

Статус исследовательского университета в своей основе предполагает достаточно простое условие: в вузе большая часть преподавателей должна на регулярной основе заниматься исследовательской или проектной деятельностью. Преподавательскому составу не следует ограничиваться только передачей накопленных знаний, он должен системно внедрять в образовательный процесс результаты новых исследований и разработок (Радаев, 2010).

Управляющие наукой пытаются привязать вознаграждение ученых к их участию в дискурсе. Тем не менее команда, в которой половина преподавателей работает по трудовому договору, заключенному на один год, и не имеет прав штатного сотрудника или чувства причастности к данному университету, вряд ли будет творчески размышлять о будущем (Розовски, 2014). Необходимо учитывать, что в академической дискуссии также есть естественные ограничения на число тех, кто может в ней участвовать. Пятьдесят – это верхняя граница числа тех, за чьей работой исследователь может следить пристально. В то время как для того, чтобы «кумулятивность» существовала, нужно, чтобы все вели себя по правилам: держали в поле зрения все, что имеет отношение к их области, и фиксировали все значимые события в ней, а также своевременно оповещали остальных о своей работе (Соколов, Титаев, 2013).

Сегодня базой для распределения финансирования является рейтинг исследовательских направлений вузов: научная продуктивность фактически выражается через цифры и конкурентные таблицы, так называемое финансирование по результатам (*performance-based funding*) (Волянская, 2021). Такая система увеличивает разрыв между элитными вузами, традиционно занимающими высокие места в рейтинге, и прочими. Поэтому для активизации реальных исследований университет должен формировать собственные фонды и реализовывать собственную политику. Это не просто, что обусловлено многими факторами. Даже научные школы отдельные авторы классифицируют на «столичные», «провинциальные» и «туземные». Причем особенностью последних является то, что вместо оценки идей «провинциального» ученого и содержащихся в них новых научных заявлений там рассматривается ожидаемая реакция представителей столичной школы на этот доклад (Соколов, Титаев, 2013). В то же время даже «провинциальные» университеты результатами своей исследовательской и образовательной деятельности в силах оказать влияние на экономику региона (Kantor, Whalley, 2014)

Главной причиной имитации исследовательской деятельности является сугубо формализованная система оценки научной деятельности профессорско-преподавательского состава и научно-педагогических работников по количественным (в первую очередь) и полуколичественным показателям. Качественные показатели фиксируются, но оцениваются в третью очередь – в основном по квартилям издания и его рейтингу. При этом работник, опубликовавший больше статей в журналах с международным рейтингом цитирования (Web of Science, Scopus), имеет преимущество перед ученым, возможно, опубликовавшим более качественные труды в отечественных изданиях.

Очевидно, что руководство университета вынуждено отчитываться перед вышестоящим органом или учредителем по тем же самым формальным критериям, а потому и включает эти показатели в контракт преподавателей.

В существующей ныне системе оценки эффективности как вуза в целом, так и его ученых в частности в качестве универсальной, признанной международной характеристики исследовательской деятельности (как ее результат) выступает показатель цитируемости – индекс Хирша. В первые периоды времени индекс Хирша выполнял роль как показателя наукометрии, так и показателя публикационной активности профессорско-преподавательского состава. Работники научных учреждений и учебных заведений стали стараться «вырастить» индекс Хирша путем активной публикационной деятельности. Однако со временем пришло понимание, что, хорошо разобравшись в методике формирования указанного индекса, этим показателем можно эффективно манипулировать в корыстных целях. Например, выгоднее не столько активно писать и публиковать статьи, сколько «организовывать» ссылки на них в публикациях своих коллег. Таким образом, показатель публикационной активности в виде индекса Хирша под воздействием формальных требований сверху сам превратился в формальный показатель (Луценко, 2015).

Другой показатель эффективности исследовательской деятельности – объем средств, привлеченных университетом по грантам или хозяйственным договорам с предприятиями. Этот показатель более объективный и эффективный, хотя тоже не свободен от некоторой формализации. Здесь возможна ошибка экспертизы заявки, влияние «имени и статуса» коллектива авторов, влияние региональных или профессиональных лоббистов и т.п. Например, гранты выигрываются по конкурсной системе, и не прошедшая отбор заявка иногда по научной значимости и полезности совсем незначительно отличается от прошедших этот отбор. Относительно хозяйственных договоров внешнее влияние человеческого фактора проявляется незначительно, но имеется значительная зависимость от финансового состояния производственного партнера или от иных особых обстоятельств.

Исследовательская деятельность вуза (ее объемы и эффективность) в итоге служит повышению качества обучения, его имиджа как образовательного заведения, способствует его конкурентоспособности в системе высшей школы, повышает престижность вуза, привлекательность для абитуриентов. Достаточно полно это явление описано Г. Розовски, в прошлом исполнявшим обязанности ректора Гарвардского университета, который в своем анализе выделил шесть особенностей, дающих возможность исследовательскому университету добиться предоставления качественного образования (Розовски, 2014):

- совместное управление, делегируемое президентом и попечителем преподавателям в определении образовательной политики;
- академическая свобода в праве заниматься исследованиями, преподавать и публиковать свои результаты вне ограничений и контроля нанимателя;

- отбор по заслугам как студентов, так и преподавателей;
- значимое человеческое общение (трение умов), в отличие от виртуального;
- миссия сохранения и передачи культуры;
- статус некоммерческой организации, не ставящей целью извлечения прибыли.

Согласитесь, что перечисленные признаки в большинстве своем не только не присущи нашим отечественным университетам, но и прямо противоположны характеристикам, к которым мы стремимся вследствие тенденций последних лет. Эти различия вовсе не свидетельства преимуществ западной модели образования над российской, а результат проявления инерционности в их генезисе.

Негативные явления в отечественной науке и образовании: стремление к получению прибыли, предпочтение дистанционным формам обучения перед традиционными, монетизация результатов научной исследовательской деятельности – привели к появлению низкоэффективных, а порой и просто псевдодейственных методик организации образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Что касается последней, то можно говорить уже и об имитации исследовательской деятельности университета, причиной которой стали, на наш взгляд, следующие факторы:

- формализованный порядок отчетности нижестоящих перед вышестоящими и недостаточно эффективная система мотивации, в которой наказания имеют более широкий инструментарий, чем слабая система поощрений;
- сугубо коммерческая оценка исследовательской деятельности университета (кафедры, преподавателя, научного работника), выраженная в количественных показателях (рублях, штуках, заявках), что значительно проще и понятнее, чем оценка их качества управленческим звеном;
- загруженность исследователей преподавательской аудиторной нагрузкой;
- относительно низкая заработная плата, что, в свою очередь, порождает кадровый голод в преподавателях-ученых;
- практика заключения краткосрочных трудовых договоров (на один-два года) вместо пяти лет, как в прошлые периоды, затрудняющая проектирование длительных исследовательских целей, проектов и препятствующая формированию функционирующих на регулярной основе научных команд, мешающая наращиванию и полноценной реализации вузами научного потенциала;
- практика проведения конкурсных процедур замещения должностей, при которых основным критерием оценки работы преподавателя являются показатели, связанные с публикационной активностью и участием в финансируемых научно-исследовательских работах. При этом наукометрия становится главным критерием научной деятельности ученого, коллектива, университета в целом, что порождает целую индустрию подготовки «нужных» публикаций.

Отдельные авторы считают, что одной из основных причин публикационного мошенничества в науке является избыточная жесткость оценки этой деятельности со стороны государства. Ее снижение до требования двух-трех публикаций в год могло бы заметно повлиять на распространенность этих явлений (Еремченко, Кураков, 2016).

Что касается отраслей науки, наиболее зараженных «исследовательским мошенничеством», то лидером здесь считается экономика, за которой следуют педаго-

гика и право, затем медицина и политология, а вслед за ними технические и социальные науки (Ростовцев, 2016).

Следует отметить, что университетская стратегия в целом устойчива и эффективна, но в некоторых сферах требует серьезного обновления. Особенно остро стоит проблема имитации в исследовательской деятельности. Решение данного вопроса находится в следующем ракурсе: при формировании стратегии университет необходимо рассматривать одновременно и как образовательную, и как научную организацию. Это два основных вида деятельности вуза, оба должны осуществляться на профессиональной основе и являются в одинаковой степени важными. Таким образом, в идеале это означает равную компетентность профессорско-преподавательского состава как в преподавательской деятельности (преподаватель-лектор), так и в исследовательской работе (преподаватель-ученый).

В качестве стратегических рекомендаций по управлению исследовательской деятельностью в вузе можно использовать опыт Высшей школы экономики в организации Фонда фундаментальных исследований, в соответствии с которым возможно финансировать проекты научных институтов и лабораторий вуза, работающих по приоритетной и перспективной тематике.

Помимо этого, по программе научного фонда из внебюджетных средств университета возможна выплата академических надбавок за исследовательскую деятельность преподавателям и предоставление исследовательских грантов.

Возможно также поддерживать и одобрять подачу грантовых заявок на внешнее финансирование, так как активность в настоящее время в среднем достаточно низкая, при получении гранта университет мог бы удвоить его сумму из собственных средств (Радаев, 2010).

Необходимо мотивировать сотрудников на создание научных контактов и поездки на различные конференции и семинары, которые также можно финансировать на конкурсной основе из научного фонда или из средств стимулирующих фондов.

Как альтернативу повышения оплаты труда можно рассмотреть снижение учебной нагрузки преподавателей, что позволит им уделять больше времени подготовке к занятиям и творческой исследовательской активности.

В частности, в Высшей школе экономики внедрены творческие отпуска, предназначенные для исследовательской работы, с сохранением оплаты труда. Чтобы помочь преподавателям вести учебные дисциплины, на конкурсной основе привлекаются оплачиваемые ассистенты, которые освобождают ведущих преподавателей от большого количества рутинной работы. На 25% сокращается нормативная учебная нагрузка определенных категорий молодых преподавателей, в наибольшей степени подверженных избыточной аудиторной нагрузке (Радаев, 2010).

При этом анализ экспертных оценок показал, что отсутствует ядро одновременно высоконеобходимых и высокоразработанных технологий и форматов, с опорой на которые могла бы интенсивно развиваться исследовательская и инновационная деятельность высшей школы (Ефимов, 2012).

В стратегию классического университета в условиях ограниченных ресурсов и наличия научно-педагогических работников по широкому спектру научных специальностей и отраслей наук необходимо включить развитие приоритетного направления, востребованного в регионе, национальном масштабе или в мировой научной практике. При таком подходе исключается поголовное требование статей от всех НПР.

Также необходима более тесная интеграция университетской науки с отраслевой наукой и повышение востребованности получаемых в университете научных

результатов предприятиями реального сектора экономики. Зарубежный опыт показывает примеры государств, прибегающих к помощи фискальных инструментов для усиления интеграции корпоративного сектора с университетами.

Прежде всего, следует обратить внимание на подготовку молодых кадров. Анализ возрастного состава ученых вузов, занимающихся научными исследованиями мирового уровня, свидетельствует о том, что молодые ученые там представлены незначительно. Больше внимание стоит уделять вопросам участия студентов и аспирантов в реализации научно-исследовательских проектов университета. Преподаватель-лектор должен взять на себя функцию куратора научной работы и научных проектов студентов.

Необходимо способствовать реальной внутренней и внешней мобильности преподавателей для налаживания научных связей, обмена опытом между научными школами, привлечения зарубежных кадров. В случае реализации программ мобильности будет обеспечен процесс постоянного взаимодействия с внешним миром, обмена сотрудниками, научные исследования получают необходимую альтернативность.

Предложенные меры по перезагрузке науки в университетах предполагают радикальные преобразования. Фактически среднему университету следует сделать разворот к исследовательской деятельности, осуществляемой на профессиональной основе. При этом нужно не потерять позитивный опыт образовательной деятельности на всех уровнях подготовки обучаемых.

Заключение

Негативные явления в научной работе вузов требуют внимания как научной общественности, так и управленцев системы высшей школы. Получившая распространение практика имитации исследовательской деятельности должна получить достойное противодействие и должна быть искоренена, то минимизирована путем пересмотра критериев оценки этой сферы работы высших учебных заведений и преподавателей-ученых. Сегодня основным компонентом стратегии управления исследовательским процессом должно быть развитие интернационализации университетской науки хотя бы в масштабах Российской Федерации и ближнего зарубежья, т.е. преодоление распространенного формата «туземной школы», поскольку современный исследовательский университет должен пройти последовательную интернационализацию образовательных программ и включение в глобальное образовательное и исследовательское пространство. В результате вуз будет преобразован из замкнутой профессиональной системы в открытую, не только меняющую формы своей деятельности, но преобразующую собственное ядро и открывающуюся для других внешних сред, создавая дополнительные стимулы для своего развития. Высшее учебное заведение, активно занимающееся научно-исследовательской деятельностью, приносящей реальные результаты, не только увеличивает потенциал государства и развивает науку, но и работает на укрепление своего имиджа, повышает качество обучения специалистов, вовлекает обучаемых в занятия инновациями, готовит привлекательных для работодателя выпускников, имеющих реальные карьерные перспективы.

Литература

- Ефимов, В.С. (2012). Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад. Красноярск: Сибирский федеральный университет.
- Еремченко, О.А., Кураков, Ф.А. (2016). Проблема имитации научной публикационной активности в России и рекомендации по ее искоренению. *Экономика науки*, 2, 1, 35–45.

- Луценко, Е.В. (2015). Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации. *Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ*, 04(108), 1–29.
- Радаев, В.В. (2010). Пять принципов построения нового университета. *Pro et Contra*, 3, 6–18.
- Розовски, Г. (2014). Исследовательские университеты: американская исключительность? *Вопросы образования*, 2, 8–19.
- Ростовцев, А.А. (2016). Диссернет: проблемы масштабных фальсификаций российской науки. В Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций. М.: РАНХиГС, 250–253.
- Соколов, М.М., Титаев, К.Д. (2013). Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум*, 19, 239–275.
- Kantor, S., Whalley, A. (2014). Knowledge spillovers from research universities: evidence from endowment value shocks. *The Review of Economics and Statistics*, 96, 1, 171–88.
- Волянская, В. (2021). Управление наукой: тренды и вопросы: экспертный доклад. Режим доступа: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/1b369857-0e98-49a5-86a9-d59e432b038c/SKOLKOVO-SEDEC-Upravleniye-Naukoy-April-2021.pdf.
- World University Rankings: official site. (2021). Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats.

References

- Efimov, V.S. (2012). The future of higher education in Russia: an expert view. Foresight Study 2030: Analytical Report. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
- Eremchenko, O.A., Kurakov, F.A. (2016). The problem of imitation of scientific publication activity in Russia and recommendations for its eradication. *Economics of Science*, 2, 1, 35–45.
- Kantor, S., Whalley, A. (2014). Knowledge spillovers from research universities: evidence from endowment value shocks. *The Review of Economics and Statistics*, 96, 1, 171–88.
- Lutsenko, E.V. (2015). Hirshamania in assessing the results of scientific activity, its negative consequences and an attempt to overcome them using a multi-criteria approach and information theory. *Polythematic network electronic scientific journal KubSAU*, 04(108), 1–29.
- Radaev, V.V. (2010). Five principles for building a new university. *Pro et Contra*, 3, 6–18.
- Rosovsky, H. (2014). Research universities: American exceptionalism? *Questions of education*, 2, 8–19.
- Rostovtsev, A.A. (2016). Dissertation: problems of large-scale falsifications of Russian science. In Scientific publication of the international level – 2016: solving the problems of publishing ethics, reviewing and preparing publications. Moscow: RANEPa, 250–253.
- Sokolov, M.M., Titaev, K.D. (2013). Provincial and indigenous science. *Anthropological forum*, 19, 239–275.
- Volyanskaya, V. (2021). Science management: trends and issues: Expert report. Available at: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/1b369857-0e98-49a5-86a9-d59e432b038c/SKOLKOVO-SEDEC-Upravleniye-Naukoy-April-2021.pdf.
- World University Rankings: official site. (2021). Available at: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats.

Дата получения рукописи: 17.03.2023

Дата окончания рецензирования: 10.04.2023

Дата принятия к публикации: 18.04.2023

Информация об авторах

Кокодей Татьяна Александровна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии творческого развития, Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия, e-mail: takokodey@mail.sevsu.ru

Михайлов Михаил Анатольевич – доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Юридический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия, e-mail: m@crimpro.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kokodey Tatiana Alexandrovna – Doctor of Economical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Creative Development, Humanitarian and Pedagogical Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: takokodey@mail.sevsu.ru

Mikhailov Mikhail Anatolyevich – Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: m@crimpro.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 316.347

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.6

EDN UGASPA

**Возрождение казачества в современной России:
социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты****Виталий В. Ковалев¹**¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная ростом значения казачества как социальной группы в современных условиях. Ставится проблема, в соответствии с которой возрождению казачества препятствуют ряд социальных факторов, порожденных как историческим опытом взаимодействия данной социальной группы с государством, так и особенностями ее коммуникации с властью на современном этапе. Выдвигается гипотеза, согласно которой отсутствие ожидаемых результатов от процесса возрождения казачества вызвано неопределенностью его социального статуса.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением методов массового опроса и работы с документами. Объект – казачество как этносоциальная группа. Место проведения – 13 войсковых казачьих обществ Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что наибольшие успехи возрождения казачества достигнуты в фестивальных и декоративно-прикладных аспектах культуры. Есть проблемы в воспроизводстве социокультурных традиций. В наши дни для их развития нет социальных условий. Казачье самоуправление развивается как элемент гражданского общества. Оно не интегрировано в муниципальную власть и еще больше дистанцировано от власти региональной. Служебная деятельность казаков получила реализацию в форме создания реестровых войсковых казачьих обществ. Правоспособность казаков фактически и формально приравнена в статусу народных дружинников. Традиционная нацеленность казачества на военную службу также оказалась не достигнутой. Процесс возрождения выявил дефекты социокультурной идентичности, что препятствует развитию служебной функции. К настоящему моменту казачество сложилось как этносоциальная общность, имеющая некоторые признаки культурной автономии экстерриториального характера. Потенциал роста не исчерпан даже в рамках действующей модели. Но для получения чего-то большего требуется изменить концепцию взаимодействия власти и казачества.

Ключевые слова: казачество; возрождение; социокультурные основы; служебные функции; самоорганизация казачества; государство; казаки; казачьи общества.

Для цитирования: Ковалев В.В. (2023). Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 62–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.6>

**Renaissance of Cossacks in modern Russia: sociocultural, organizational,
and military aspects****Vitaly V. Kovalev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research, justified by the growing importance of the Cossacks as a social group in modern conditions, is defined. The article raises the problem, according to which a number of social factors, caused both by historical experience of interaction of this social group with the state and the specifics of its communication with the authorities at the present stage, impede the renaissance of the Cossacks. The hypothesis is put forward, according to which the lack of expected results from the process of Cossack renaissance is caused by the uncertainty of its social status.

Methods. The empirical study is conducted with the use of methods of mass survey and work with documents. The object – the Cossacks as an ethno-social group. The place of conducting – thirteen army Cossack societies of the Russian Federation.

The results and their discussion. The analysis showed that the greatest successes of Cossack renaissance have been achieved in festival and arts and crafts aspects of culture. There are problems in the reproduction of socio-cultural traditions. There are no social conditions for their development these days. Cossack self-government is developing as an element of civil society. It is not integrated into municipal authorities and distances itself even more from regional authorities. The service activity of Cossacks was realized in the form of creation of Registered Military Cossack Communities. Cossack legal capacity is in fact and formally equated to the status of people's vigilantes. The traditional focus of Cossacks on military service was not achieved either. The process of renaissance revealed the defects of the socio-cultural identity, which prevents the development of the service function. At present the Cossacks are an ethno-social community, which has some signs of cultural autonomy of an extraterritorial character. The growth potential is not exhausted even within the current model. But in order to achieve something greater, the concept of interaction between the authorities and the Cossacks must be changed.

Keywords: Cossacks; renaissance; socio-cultural foundations; service functions; self-organization of Cossacks; State; Cossack societies.

For citation: Kovalev V.V. (2023). Renaissance of Cossacks in modern Russia: socio-cultural, organizational and military-service aspects. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 62–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.6>

Введение

Проблема возрождения казачества, актуализированная на закате существования СССР, уходит корнями в политику репрессий, с которой казаки столкнулись в годы гражданской войны. Начало сосуществования казачества с советской властью ознаменовалось многочисленными конфликтами и острыми противоречиями. На первых порах, очевидно, имея опыт активной поддержки новой власти со стороны беднейшей части казаков, большевики были склонны к компромиссам (Долгов, 2008). Однако мир между казаками и новой властью продлился недолго. 24 января 1919 г. государство делает резкий крен в сторону ликвидации казачества. Партийные ячейки Дона и Урала получают письмо, подписанное Я.М. Свердловым, с которого начинается политика террора по отношению к казакам (Письмо-циркуляр..., 1989). Цель этой политики – разрушить социокультурную основу, исторически сложившиеся формы самоорганизации и особый характер служебной деятельности казаков. С обострением или затуханием остроты конфликта данная стратегия реализовывалась всеми руководителями советского государства.

Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» воскресила интерес к казачеству. И речь идет не только о восстановлении исторической памяти. Казачество вновь показало себя как значимую социальную силу, способную заявлять требования и отстаивать свои права. Следовательно, возрождение казачества нельзя рассматривать только как культурный феномен, сохранившийся в памяти потомков. Это реальная социальная сила нашего времени. Она способна действовать и проявлять себя как в историко-культурных формах, так и в процессе активного участия в социально-политической жизни страны, не исключая военную функцию, наиболее значимую из всех, которые традиционно возлагались на казачество.

Нам сейчас трудно сказать, каковы пределы возрождения казачества. Нужно ли достигнуть в полной мере существовавших ранее исторических границ и возродить старую сословную единицу с приписанными ей военно-охранительными задачами или стоит ограничиваться социокультурными рамками и адаптацией старых форм казачьего самоуправления к общероссийским стандартам муниципальной власти? Это покажет, и уже в скором времени, развитие событий. На этапе же постановки проблемы мы готовы определить лишь когнитивные рамки для исследования, имея в виду фиксацию внимания на трех аспектах возрождения казачества: социокультурном, самоорганизации казаков и их готовности к служебной деятельности.

Методы исследования

Эмпирическое исследование проведено с применением методов массового опроса и работы с документами.

Массовый социологический опрос проводился в сентябре–октябре 2022 г. в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования России на тему «Социальный и психологические портрет современного российского казачества». Место проведения – 13 войсковых казачьих обществ Российской Федерации. Опрос реализовывался на интернет-панели «Анкетолог» (anketolog.ru). Выборка составила 2480 респондентов. Критерии отбора респондентов определены по полу, возрасту и войсковым казачьим обществам.

В качестве документов привлекались действующие и утратившие юридическую силу нормативно-правовые акты, регулирующие правовой статус казачества.

Результаты исследования

Социокультурное возрождение казачества. С начала и до конца 1990-х гг. социокультурное возрождение казачества ориентировалось на стратегическую цель преодолеть образовавшийся во времена советской власти межпоколенческий разрыв. По времени это совпало с духовным вакуумом, пришедшим на смену советским ценностям и ритуалам. В каком-то смысле подобный шаг следует оценивать как искусственное воспроизводство традиций архаичного типа, что возможно лишь при наличии тех исторических условий, в рамках которых эти традиции сформировались. Очевидно, что реконструкция казачьего быта столкнулась с рядом проблем.

Это видно и с точки зрения презентации результатов процесса от самих казаков (табл. 1).

Таблица 1

Стадия возрождения казачества в России на современном этапе, %

Варианты ответов	Общие распределения	Пол		Возраст, лет				
		м	ж	18–23	24–35	36–50	51–65	Старше 65
Этот процесс в целом завершился	4,8	5,2	4,2	11,6	4,3	2,8	1,6	2,8
Этот процесс активно идет	41,5	35,3	49,7	50,0	46,5	35,8	39,6	34,9
Этот процесс только начинается	18,4	18,8	18,0	15,8	16,9	22,4	16,3	13,8
Трудно сказать: что-то возрождается, что-то – нет	20,2	20,7	19,4	15,7	21,2	22,0	21,9	16,5
В том виде, каким было казачество до революции, – его не возродить	15,1	20,0	8,7	6,9	11,1	17,0	20,5	32,1

Как видно по результатам, крайние позиции оказались наименее популярными. При этом позиция, в соответствии с которой казачество в своей аутентичной форме не может возродиться, превалирует над мнением, согласно которому процесс возрождения казачества уже завершился (15,1 и 4,8% соответственно). Однако придавать этому результату слишком большое значение не стоит. Подавляющее большинство респондентов исходят из того, что процесс возрождения казачества находится в активной фазе (41,5%), что-то в этом процессе достигает желаемых результа-

тов, а что-то нет (20,2%). И наконец, некоторую часть респондентов можно отнести к группе скептиков, так как, по их мнению, процесс возрождения казачества только начинается (18,4%). Очевидно, в этой группе наблюдается скептическое отношение к тому, что происходило вокруг казачества предыдущие три десятилетия, и позитивное к современным процессам.

Определенное движение по пути социокультурного возрождения было пройдено. Тем не менее к началу нового тысячелетия этот процесс входит в фазу инерции, приобретая в какой-то степени ритуально-имитационные очертания. О.В. Рвачова для характеристики периода двух последних десятилетий вводит, на наш взгляд, очень удачный термин – «музеефикация культуры» (Рвачова, Лабрюни, 2020). Под ним понимается резкая поляризация между исторической традицией и реальными культурными практиками. Возрождение казачества перемещается в пространство музеев, фестивалей, праздников, а повседневность модифицируется, модернизируется, развивается под влиянием иных культурных образцов, задаваемых потребностями современной жизни. Не случайно с начала 2000-х гг. интерес к казачеству среди широких масс отождествляется с участием в ритуально-праздничных формах. Среди них наиболее популярными стали такие мероприятия, как «Донская красавица», «Баклановский удар», «Шермиции», «Золотой щит – казачий спас», «Мы – внуки деда Ермака» и др. Для более эффективного и эффектного погружения в мир исторического прошлого в казачьих регионах широкий размах приобрело строительство этнопарков. Это «Кумжа», открытая в 2018 г. в Ростове-на-Дону, «Атамань», построенная на Кубани еще в 2009 г., «Эртиль» – этнопарк в Воронежской области, в городе с одноименным названием.

Все это, безусловно, очень важно, но если давать результирующую оценку рассмотренным вопросам, то в значительной степени социокультурное возрождение казачества трансформировалось в ритуально-праздничную реконструкцию казачьего быта и знаковых исторических событий. По мнению И.О. Тюменцева, в значительной степени это связано с исходными интенциями возрождения. На своей первоначальной стадии оно проходило в форме архаизации, т.е. намерения буквально воспроизвести исторически исчезнувшие культурные формы (Тюменцев, 2006). Это сыграло положительную роль в тяжелых 1990-х гг., когда был велик запрос на любые действенные инструменты культурной регуляции, но с улучшением общих условий жизни, переходом на новую стадию модернизации российского социума, пусть и не вполне успешную, потребность в прямой трансляции казачьей культуры из исторического прошлого на современность утратила свою самооценку. Для многих казачество становится игрой в прошлое, чем-то не вполне настоящим, разновидностью досуга как приятного времяпрепровождения.

Самоорганизация казачьего движения. Казачество – это не только социокультурный, находящийся в стадии возрождения (или реконструкции) феномен. Оно также обладает свойствами самоорганизованного сообщества. Данный дуализм казачьего мира отражен уже в двух первых документах, принятых российской властью применительно к казакам, – Законе РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и Указе Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов”». В них говорится о двух разных ипостасях казачества: культурно-этнической общности и казачьем обществе. Иными словами, закон и президентский указ постулируют, что, являясь этносом с присущими ему социокультурными признаками, казаки проявляют их через исторически выработанные формы самоорганизации.

Надо сказать, что самоуправление казаков претерпело серьезные изменения, эволюционируя в XVI–XVII вв. от казачьей республики со всеми атрибутами публичной власти к местному самоуправлению с расширенными полномочиями в начале XX столетия (Кусмарцев, 2009). Поэтому у казаков, особенно донских и кубанских, после распада СССР имелся широкий спектр возможностей для организации своего мира, вплоть до полного отделения от Российской Федерации.

Оценивая первые опыты возрождения казачьего самоуправления и характер массового сознания казаков рубежа 1980–1990-х гг., можно с максимальной уверенностью утверждать, что у радикальных планов большого количества сторонников не было. В этом контексте нелишним будет сказать, что первая инициатива по созданию казачьих сообществ оказалась реализованной в Москве. Центром самоорганизации казачества выступило Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Именно оно инициировало 5 января 1990 г. созыв учредительного круга Московского землячества казаков, на котором были приняты документы, сыгравшую большую роль в развитии казачьего движения. Казачье движение организационно стало оформляться сверху, постепенно распространяясь на свои исторические окраины.

На первом этапе движения одним из главных вопросов было установление критериев, на основе которых допускалось принимать в казаки. Первоначально предполагалось, что допуск мог быть дан только потомкам казаков, проживавших на исторических казачьих территориях, переселенцев в другие города России или зарубежных мигрантов. На то предоставлялись специальные разъяснения. Так, отвечая на многочисленные письма желающих вступить в казаки, член правления Большого Круга союза казаков А.Г. Ичев недвусмысленно указал на следующее: «Вступить в Союз может каждый, имеющий родовые корни в казачьих землячествах. Основанием для вступления являются указания о происхождении родителей из округов казачьих войск» (Горбунова, 2012). Однако уже спустя некоторое время политика по данному вопросу изменилась и принимать в казаки стали всех желающих. Достаточно было обязаться жить по казачьим законам, соблюдать традиции казаков и исповедовать православную веру. Желавшему вступить в ряды казаков отводилось три месяца на испытательный срок, а далее, если за него поручался Совет стариков и на круге голосовало не менее двух третей от всех присутствующих, то он считался принятым в казаки.

Дальнейшее развитие пошло по линии артикуляции органами казачьей власти своих требований. Максимально полно это было сделано на заседании атаманов Большого Круга союза казаков, состоявшегося в конце ноября 1990 г. в Краснодаре. В частности, предлагалось воссоздать казачье самоуправление, освободить казаков от налогообложения сроком на пять лет, ввести казачье землепользование, создать казачьи органы власти в федеральных структурах государства.

Большая часть идей, артикулируемых движением, легализована не была. Как раз наоборот, они признавались не соответствующими действующему законодательству. В то же время, несмотря на действия казаков в правовом вакууме, определенная часть КПСС, понимая, что власть ускользает, попыталась выстроить партнерские отношения с органами казачьего самоуправления с целью использовать казачество для подавления политических оппонентов. В частности, это выразилось в принятии 13 декабря 1990 г. Президиумом областного совета народных депутатов Ростовской области постановления «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству», в котором требования казаков о создании структур самоуправления, специализированных школ и казачьего землепользования были поддержаны. Руководствуясь указанным постановлением,

советско-партийные органы власти фактически постарались подчинить себе казачье движение, чтобы использовать его как ресурс для борьбы против набирающей все более широкую поддержку со стороны народа демократической оппозиции. Вследствие этого среди казаков уже на начальной стадии самоорганизации произошел раскол по причине отказа его части сотрудничать с коммунистами, виновными в политике расказачивания. «Раскольники» оказались в явном меньшинстве. Показательно, что московское руководство, СКОВД, Кубанская Рада на выборах Президента России выступили в поддержку Николая Рыжкова. За Бориса Ельцина призывали голосовать так называемые «белые» казаки, не имевшие на тот момент оформленных организационных структур.

События, произошедшие после августовского путча, привели к замене на подмостках истории основных участников, в том числе во главе Большого Круга Союза казаков, но не привели к пересмотру принципов взаимодействия с государством. На авансцену вышли другие руководители, аффилированные уже с демократами из окружения российского Президента. «Белые» казаки одержали верх над «красными», а сотрудничество с органами государства стало только укрепляться. Тому содействовала не только нестабильная политическая ситуация, но и отсутствие у организаций казаков политического статуса. Они по-прежнему действовали как элемент гражданского общества. Поэтому требования о создании казачьей республики были переадресованы новому российскому руководству.

Чтобы решить дилемму казачьего меньшинства и неказачьего большинства, 13 декабря 1991 г. руководством СКОВД был издан приказ № 35 «О регистрации казаков и приписке коренного населения области, считающего себя коренными жителями области войска Донского и разделяющего чаяния казаков о правопреемственности исторических, культурных и материальных ценностей ранее упраздненного казачье-национального образования», которым фактически обязали всех жителей Ростовской области зарегистрироваться казаками в течение двух месяцев (Дулимов, 2002). Истоки подобного посыла очевидны. Если всех (или подавляющее большинство) жителей Ростовской области записать в казаки, то появится основание потребовать передачи политических прерогатив от органов государственной власти к устоявшимся на тот момент структурам власти казаков. Новая столица Дона уже была перенесена из Ростова-на-Дону в Новочеркасск. Повторение подобного сюжета могло быть ожидаемым и в других казачьих регионах.

Такое развитие событий вызвало острую обеспокоенность в Москве. Указом Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов”» добровольно-принудительная запись в казаки запрещалась. Этим же актом были установлены границы казачьего самоуправления: хуторские, станичные, окружные и войсковые казачьи общества. Уставы, по которым эти общества действовали, утверждались местными администрациями, а устав войскового казачьего общества – лично Президентом РФ. Таким образом, казачье самоуправление не только не получило статуса государственного, а, напротив, само оказалось под административным контролем государства. В то же время нельзя не отметить, что указом допускалось создание традиционных форм казачьего самоуправления, что оставляло определенные лазейки для интеграции публичной и казачьей властей. Дополнительные разъяснения президентского указа были даны в последовавшем за ним Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества». Оно имеет юридическую силу даже сейчас. Применительно к организационному аспекту в п. 3 отмечается, что казаки имеют право на «установление терри-

ториального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных для казачества формах в соответствии с Законом Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации». В то же время дается специальное уточнение, в соответствии с которым положения, отраженные в п. 3, «не должны ущемлять права каких-либо других групп населения или отдельных граждан и не означают наделение казачества какими-либо привилегиями, которые могут толковаться как сословные».

Как видим, развитию казачьего самоуправления были поставлены жесткие границы, исключающие возможность его трансформации в органы власти, наделенные публичными полномочиями. Несмотря на это, в первой половине 1990-х гг. имели место даже военные столкновения между властями и казачьими формированиями.

Во второй половине 1990-х гг. вооруженное противостояние казаков и региональных властей сменилось сотрудничеством. По подсчетам А.Г. Масалова, только с 1995 по 1998 г. в администрации Президента РФ было подготовлено и принято 104 правовых акта, регулирующих отношения с казачеством (Масалов, 2003). В основном они касались привлечения казачества к служебной деятельности. Однако когда потребность в этой стороне сотрудничества перестала быть актуальной, наступило время охлаждения. Закономерным итогом стало упразднение в 1997 г. Совета по делам казачества при Президенте России. Последние годы правления Б.Н. Ельцина и первые годы президентства В.В. Путина показали намерение государства увеличить дистанцию взаимодействия с казаками.

Что касается собственно вопроса самоуправления, то с начала 2000-х гг. казачьи организации полностью исчерпали свой публичный потенциал на претензию к осуществлению государственных полномочий. Это произошло после резкого изменения государственной политики в отношении казачества. В годы правления Президента В.В. Путина борьба с любыми проявлениями сепаратизма начинает рассматриваться в качестве одного из наиболее главных приоритетов. Между тем казачество после событий середины 1990-х гг. стало идентифицироваться с фактором, нарушающим авторитет федерального центра. После издания ФЗ № 131 «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» федеральная власть наметила стратегию развития на нивелирование различий между региональными моделями управления. В основу был положен принцип унификации, в котором идеям о казачьем самоуправлении места не оказалось. Казачьи организации в своем правовом статусе окончательно уравниваются со всеми лишеными политических признаков общественными организациями. Их значение отныне рассматривается федеральной властью исключительно в контексте социокультурного возрождения казачества, прежде всего – как элемента общего патриотического воспитания молодежи.

Современное состояние дел по этому вопросу очень хорошо заметно на примере оценок самих казаков (табл. 2).

По переменной «самоуправление в местах компактного проживания казаков» ситуация в простых частотных измерениях показала наихудший по сравнению с социокультурными параметрами уровень веры в способность казачества к возрождению. Так, достаточным его признали 34,2% опрошенных, недостаточным – 42,3%, очень слабо реализованным – 19,4%, невозможным к восстановлению – 4,2%. Это ожидаемо, поскольку казакам так и не удалось добиться восстановления традиционных казачьих инструментов самоуправления в статусе реальных органов муниципальной власти. Современное законодательство России в данном аспекте имеет унифициро-

Таблица 2

**Оценка результатов возрождения самоуправления
в местах компактного проживания казаков, %**

Пол		Достаточно	Недостаточно	Очень слабо	Нельзя восстановить
Возраст респондентов мужского пола	18–23	59,4	31,2	7,5	1,9
	24–35	28,1	46,2	23,8	1,9
	36–50	15,6	45,8	31,7	6,8
	51–65	13,7	51,2	27,0	8,2
	Старше 65	14,8	42,0	32,1	11,1
	Всего	26,5	43,6	24,3	5,6
Возраст респондентов женского пола	18–23	61,5	31,2	5,4	1,9
	24–35	45,2	40,9	13,4	0,5
	36–50	36,7	46,7	14,2	2,4
	51–65	34,4	43,5	19,1	2,9
	Старше 65	57,1	25,0	7,1	10,7
	Всего	44,4	40,7	12,7	2,3

ванный характер, не делая поправок на исторические особенности, в том числе те, которые были в казачьих регионах.

Полученные негативные оценки заметно выделяются по гендерному признаку. Так, достаточным возрождение казачьего самоуправления посчитало лишь 26,5% мужчин против гораздо более оптимистичного мнения женщин – 44,4%. Столь сильный разброс в суждениях вызван, скорее всего, тем, что женщины исторически не выполняли в казачьей среде публичные функции. Отсюда то ли непонимание, то ли равнодушие к этому вопросу на современном этапе.

Гораздо более сильные опасения внушают различия по возрастному признаку у мужчин. 59,4% молодых казаков в возрасте 18–23 года убеждены в достаточности результатов возрождения самоуправления в местах компактного проживания казаков. Между тем, в возрастной когорте 36–50 лет таковых всего 15,6%, а в группе 51–64 года – и вовсе 13,7%. Столь значимое распределение позиций свидетельствует о том, что молодые казаки либо не очень хорошо понимают, что такое казачье самоуправление, либо удовлетворяются тем несколько бутафорным его образом, который сейчас сложился как формальный придаток к государственной власти.

Служебная деятельность казаков. Вопросы служебной деятельности казаков неразрывно связаны с двумя предыдущими аспектами заявленной проблематики, и следует признать закономерным, что внимание к этой стороне процесса возрождения казачества четко обозначилось еще на самых его ранних стадиях. Однако до определенного времени служба казаков находилась в тени социокультурного возрождения и организационного становления.

Все изменилось после распада СССР, но в первую очередь после актуализации угрозы того, что история России может пойти по такому же сценарию. В этих условиях казаки начинают заявлять о себе как о реальной силе, способной остановить развитие сепаратизма и предотвратить развал страны. Со всех казачьих

регионов казаки собираются в военные отряды и принимают активное участие в боевых столкновениях в горячих точках на территории бывшего СССР, а также за его пределами, на Балканах. Никакими правовыми документами это не обосновывалось, военного призыва со стороны руководства страны тоже не было. Казаками двигало внутренне осознанное стремление выполнять свою историческую миссию, которая на них возлагалась самим фактом становления казачества как военного сословия.

Таким образом, участие казаков в боевых столкновениях нужно рассматривать в качестве общего процесса возрождения казачества. Однако вопрос о том, какие векторы примет этот процесс, долгое время оставался открытым. Нормативной базы по использованию казачьих дружин в роли боевых отрядов, наряду с общевоинскими соединениями, не существовало. Настоятельная потребность в правовом регулировании службы казаков возникла лишь после того, как они в массовом порядке начали возвращаться с театра боевых действий и, обладая опытом использования оружия, а также самим оружием, стали предпринимать попытки легализации своего статуса силовым путем. Власть отреагировала принятием Указа Президента РФ от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» и разработанного на его основе «Временного положения о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».

Главным последствием этих актов стало разделение казачества на две основные группы: реестровых и нереестровых. Первые допускались к государственной службе; вторые действовали в рамках сложившихся форм гражданского общества. Главный недостаток перечисленных документов состоял в том, что ими не была установлена правовая природа казачьей службы. Они подробно обозначили механизм перехода казаков в реестровый статус, но не дали ясного понимания правоспособности казаков, участвующих в государственной службе. Частично этот пробел восполнялся принятым годом ранее (22 апреля 1994 г.) Постановлением Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству». В соответствии с ним идея реестровой службы строилась на исполнении казаками служебных обязанностей за получение налоговых льгот, определенных прав на землю и, в перспективе, за право на воссоздание исторически сложившегося у казаков самоуправления, т.е. отличного от действовавшего на территории всей остальной России (Мациевский, 2011). Так, в качестве одной из идей предлагалось регистрировать казачьи организации не в Минюсте, как это делалось для прочих структур гражданского общества, а в Министерстве по делам национальностей и региональной политики. Во исполнение всех перечисленных идей 20 января 1996 г. принимается Указ Президента РФ № 67 «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации» и ряд других нормативных актов. Подобный подход позволяет говорить о наличии на тот момент интенций на возрождение казачества как сословной группы, имеющей не только права, но и исключительные обязанности на несение различных форм государственной службы: военной, таможенной, пограничной, егерской, противопожарной, охраны общественного порядка и т.п. Однако, как отмечается в научной литературе, ничего из обещанного в плане предоставления льгот и привилегий властями выполнено не было (Озеров, 2003). Кроме того, сама идея о сословном характере казачьей службы встретила резкое неприятие со стороны одного из главных государственных институтов, куда она была по преимуществу направлена, – армии. Руководители вооруженных сил выступили резко против комплекции воинских соединений по территориальному принципу. По всей видимости,

власти всерьез и не рассчитывали выполнять свои обещания. Итогом стало существенное сокращение реестровой численности казачества.

Ситуация с возникшими противоречиями между устремлениями казаков и определяемыми властями ресурсными возможностями казачества стала разрешаться уже в годы президентства В.В. Путина. Прежде всего, произошел отказ от концепции возрождения казачьей службы на сословных основаниях. Показательна в этом плане «Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года» (утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789). В ней четко заявлялось, что казачество является составной частью гражданского общества, а его возрождение имеет социокультурный характер. Целью самого процесса возрождения определялось «содействие развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных и муниципальных задач...» (Стратегия развития...). При таком понимании выгоды казаков от участия в исполнении служебных функций государства заключались в том, что для казачества служебная деятельность объективно содействует его возрождению, а следовательно, не нуждается в какой-то дополнительной мотивации со стороны властей. В этой концепции казаки превращаются в гражданских активистов, участвующих в отправлении делегированных им государством функций по преимуществу на безвозмездной основе. Они заинтересованы в реализации государственной службы в большей степени, чем само государство, а следовательно, у казаков нет оснований требовать себе нечто большее, чем позволяют себе не казачьи элементы гражданского общества (Житенев, 2017).

Принятый 5 декабря 2005 г. Федеральный закон № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» полностью выстроен на представленных выше концептуальных основаниях. Служба казаков имеет разнонаправленный вектор применения, регулируется федеральным законодательством и осуществляется на контрактной основе. По сути, здесь нет никаких отличий от государственной службы обычных граждан. Кроме разве что реестровой принадлежности к одному из 11 войсковых казачьих обществ. При этом данная принадлежность не позволяет приобрести тот реальный объем полномочий, которыми пользуются федеральные государственные служащие. Например, при охране общественного порядка казаки не имеют права проводить задержания или выписывать постановления о штрафах. С принятием 2 апреля 2014 г. Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» казачьи дружины приобрели на равных основаниях с другими гражданами право проводить задержания, но их правоспособность осталась совершенно неэквивалентной прерогативам сотрудников полиции. Характер правовой защищенности казаков от понесенного в ходе исполнения служебных полномочий ущерба очень сильно разнится в зависимости от региона, что считаем необоснованным, так как возможности у региональных властей разные, да и распределение поддерживающих ресурсов часто зависит от субъективных представлений чиновников на местах.

Все эти проблемы также отчетливо отражаются в результатах проведенного социологического опроса (табл. 3).

В целом можно сделать вывод, что реализация служебной деятельности со стороны казачества не соответствует общему тренду на его возрождение. К настоящему моменту казачество представляет собой что-то вроде государственного резерва на неопределенный случай, но фактически не имеет ни мотивации для исполнения служебных функций, ни соответствующих полномочий, чтобы его государственная деятельность была эффективной. Казачьи организации растворились в структурах

Таблица 3

Оценка результатов возрождения готовности к государственной службе (не военной), %

Пол		Достаточно	Недостаточно	Очень слабо	Нельзя восстано- вить
Возраст респондентов мужского пола	18–23	72,1	21,8	4,2	1,9
	24–35	44,8	37,1	14,8	3,3
	36–50	31,0	48,3	19,4	1,3
	51–65	29,7	46,4	21,2	2,7
	Старше 65	29,6	48,1	16,0	6,2
	Всего	41,6	40,5	15,6	2,3
Возраст респондент- товженского пола	18–23	70,4	21,2	6,9	1,5
	24–35	59,7	36,6	3,8	0,0
	36–50	49,6	39,6	9,8	1,1
	51–65	52,2	36,8	10,5	0,5
	Старше 65	57,1	25,0	10,7	7,1
	Всего	57,2	33,6	8,2	1,0

гражданского общества и подобно другим его компонентам находятся в режиме ручного управления федеральной власти. При таких обстоятельствах рассчитывать на то, что казачество станет значимым фактором по исполнению служебных функций государства, не приходится.

Обсуждение результатов исследования

Т.С. Рудиченко и М.А. Рыблова считают, что возрождение казачества исходно находилось в невыгодных позициях, так как партийная номенклатура практически весь советский период занималась трансплантацией общероссийских обычаев и норм в среду казачьего быта, следствием чего стало практически полное его окрестьянивание уже к началу 1970-х гг. (Рудиченко, Рыблова, 2014). Таким образом, возрождение казаков проходило из обобщения сохранившегося индивидуального опыта, что привело к появлению многочисленных трудностей на этом пути.

Одна из них – утрата преемственности в межпоколенной социализации. Культура не может передаваться эффективно в условиях разрыва между поколениями. Применительно к казачьей среде не будет преувеличением сказать о насильственном разрыве. Был нарушен естественный механизм передачи социокультурного опыта. Поэтому с конца 1980-х гг. она во многом приобрела искусственный характер. Это дало основание С. Маркедонову говорить о так называемом неказачестве, пришедшем на смену исторически аутентичным казакам (Маркедонов, 2011). Введением в научный оборот нового термина С. Маркедонов подчеркивает наличие у современных казаков социокультурных качеств, которых не было у их исторических предшественников (Маркедонов, 2005). В подобном понимании возрождение казачества предстает более сложным явлением, чем простое воспроизводство исчезнувших образцов поведения.

Ряд ученых указывает на такой барьер казачьего ренессанса, как разрушение единого социального мира казаков, их растворение в неказачьей массе, широкий

разброс по разным регионам, а также вынужденная миграция (Водолацкий и др., 2011). Исторически казаки жили тесными, сплоченными сообществами, свято оберегающими свои территории от проникновения чужаков. В современных условиях казачья культура оказалась модернизированной, так как стала частью общего русского мира (Артамонова, 2014). Поэтому возрождение старых казачьих традиций дополнительно усложняется необходимостью реконструкции прежнего социального мира казаков.

Как это ни парадоксально, но возрождению казачества препятствует незрелость гражданского общества в России. Точнее сказать, казачье движение могло бы развиваться в едином русле с развитием гражданского общества. Но этого не происходит по универсальным причинам. Практически все социальные интеракции, в том числе реализуемые казаками, попадают под пристальный контроль органов государственной власти. Инициативность низов формализуется и выхолащивается. Из-за этого отсутствуют те социальные практики, в которых мог бы осуществляться тренинг образцов культуры, выработанных казаками в процессе своего исторического развития (Бугай, 2019).

Заключение

Если измерять процесс возрождения казачества в координатах исходного замысла и достигнутого результата, то успехи имеют крайне неоднородный характер.

Наибольшие достижения показаны в некоторых аспектах культуры: получили новую жизнь казачьи песни и пляски, интенсивно проводятся научные исследования, повсеместно создаются краеведческие музеи, этнопарки и т.п. Хуже обстоит дело с воспроизводством социокультурных традиций. Реконструкция казачьего уклада в повседневной социальной жизни входит в противоречие с многочисленными трендами современности. Старые казачьи традиции возникали в другом мире. В наши дни для их развития нет социальных условий. Из-за этого сам процесс возрождения приобретает в некотором роде имитационно-фестивальные очертания.

Казачье самоуправление на этапе замысла позиционировалось его инициаторами в несколько иных формах, чем оно в конечном итоге образовалось. Предполагалось, что будет создана казачья республика. Между тем функционирующие в настоящее время 13 казачьих воинских обществ по своему правовому статусу ничем не отличаются от прочих элементов гражданского общества. Они не интегрированы в муниципальную власть и еще больше дистанцированы от власти региональной. У них нет функций публичных органов власти, а любые контакты с государством проводятся по тем же правилам, которые адресованы другим общественным организациям.

Служебная деятельность казаков получила реализацию в форме создания реестровых войсковых казачьих обществ. Вступившие в реестр казаки приобретают право участвовать в реализации государственной службы, не получая, однако, полного объема полномочий и прерогатив, которые имеются у государственных служащих. Правоспособность казаков фактически и формально приравнена в статусу народных дружинников. Традиционная нацеленность казачества на военную службу также оказалась не достигнутой. В армии в настоящее время действует несколько соединений, имеющих в своем названии прилагательное «казачье», но численный состав казаков в них не превышает 5–10%. Такое положение отражает позицию Министерства обороны, которое выступает против комплектования вооруженных соединений по территориальному принципу.

Фундаментом общего возрождения казачества является его социокультурная идентичность. Какие бы векторы оно ни приобрело, без данного фундамента сама идея повисает в воздухе. Казак должен понимать, что его принадлежность к группе, пользующейся особыми правами, основывается на чем-то более основательном и лично для него более значимом, чем государственные программы и федеральные законы. У казаков должно быть культурное самосознание как прочная платформа для выполнения военно-служебных функций. Если в культурном плане казачество предстанет как фикция, исчезнувший в прошлом культурно-исторический феномен, то попытки привлечь казаков к служебной деятельности не будут иметь ожидаемой результативности.

Процесс возрождения казачества, безусловно, достиг определенных успехов. К настоящему моменту казачество сложилось как социальная общность, имеющая некоторые признаки культурной автономии экстерриториального характера. Потенциал роста не исчерпан даже в рамках действующей модели. Для получения чего-то большего требуется изменить концепцию взаимодействия власти и казачества.

Литература

- Артамонова, М.Г. (2014). Социокультурные проблемы возрождения современного казачества. *Уровень жизни населения регионов России*, 3, 152–164.
- Бугай, Н.Ф. (2019). Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 24(4), 148–163.
- Водолацкий, В.П., Волков, Ю.Г., Барков, Ф.А. и др. (2011). Аналитический доклад по проекту современной России (на примере донского казачества). Ростов н/Д: Южно-Российский филиал Института социологии РАН.
- Горбунова, Н.В. (2012). Самоорганизация казачьих сообществ России на начальном этапе движения за возрождение казачества. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 6, 50–54.
- Долгов, К.Е. (2008). Большевики и донское казачество в 1918–1920 гг. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 74–1, 164–170.
- Дулимов, Е.И. (2002). Их истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х годов. *Юристъ-Правоведъ*, 1, 79–85.
- Житенев, А.В. (2017). Возрождение казачества в конце XX – начале XXI в. *Альманах мировой науки*, 3–2, 27–32.
- Кусмарцев, К.М. (2009). Генезис казачьего самоуправления. В *Ars Administrandi*. Сборник статей. Пермь: ПГУ, 2009.
- Маркедонов, С.М. (2005). Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ). *Общественные науки и современность*, 1, 95–108.
- Маркедонов, С.М. (2011). Российское неоказачество. Поиски «золотого века». *Знамя*, 9, 214–218.
- Масалов, А.Г. (2003). Возрождение российского казачества: опыт политологического анализа. *Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 4, 44–48.
- Мациевский, Г.О. (2011). Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности. *Вестник КрасГАУ*, 10, 209–216.
- Озеров, А.А. (2003). Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект): (автореферат кандидатской диссертации). Ростов-на-Дону.
- Письмо-циркуляр Я.М. Свердлова от 24 января 1919 г. (1989). *Известия ЦК КПСС*, 6, 178.
- Программа возрождения казачества Волгограда. 1994 г. *Центр документации новейшей истории Волгоградской области*. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
- Рвачова, О.В., Лабрюни, П.Г. (2020). Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 25(5), 197–212.
- Рудиченко, Т.С. (2004). Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С.В. Рахманинова.
- Рудиченко, Т.С., Рыблова, М.А. (2014)ю Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. В *Очерки истории и культуры казачества Юга России*. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС.
- Табolina, Т.В. (1999). Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М.: ИЭиА РАН.

Тюменцев, И.О. (2006). К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ. В Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Сборник статей. Черкесск: Карач.-Черк. гос. тех. академия.

Щупленков, Н.О., Щупленков, О.В. (2018). Возрождение казачества в новых социальных условиях: многообразие подходов. *Геополитика и патриотическое воспитание*, 32, 8–19.

Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года (утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789). Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v/>.

References

- Artamonova, M.G. (2014). Sociocultural problems of the revival of modern Cossacks. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 3, 152–164.
- Bugay, N.F. (2019). Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships*, 24(4), 148–163.
- Dolgov, K.E. (2008). Bolsheviks and the Don Cossacks in 1918–1920. *Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia*, 74–1, 164–170.
- Dulimov, E.I. (2002). I histories of the Cossack revival movement and the restoration of Cossack autonomy in the first half of the 1990s. *Legal Lawyer*, 1, 79–85.
- Gorbunova, N.V. (2012). Self-organization of Cossack communities in Russia at the initial stage of the movement for the revival of the Cossacks. *Humanities and socio-economic sciences*, 6, 50–54.
- Kusmartsev, K.M. (2009). Genesis of Cossack self-government. In *Ars Administrandi. Collection of articles*. Perm: PSU.
- Letter-circular by Y.M. Sverdlov of January 24, 1919 (1989). *Izvestia of the CPSU Central Committee*, 6, 178.
- Markedonov, S.M. (2005). Cossacks: unity or Diversity? (Problems of Terminology and Typology of Cossack Communities). *Social Sciences and Modernity*, 1, 95–108.
- Markedonov, S.M. (2011). Russian Neo-Cossackism. The Quest for the Golden Age. *Znamya*, 9, 214–218.
- Masalov, A.G. (2003). Revival of the Russian Cossacks: the experience of political science analysis. *Bulletin of Universities. North Caucasus Region. Social Sciences*, 4, 44–48.
- Matsievsky, G.O. (2011). Revival of Russian Cossacks in the end of XX century: main sources and peculiarities. *Bulletin of KrasSAU*, 10, 209–216.
- Ozerov, A.A. (2003). Revival of the Cossacks: Ideas and Social Practice (Socio-Philosophical Aspect): (cfndidate's dissertation abstract). Rostov-on-Don.
- Program of the revival of the Cossacks in Volgograd. 1994. *Center for the Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region*, f. 1322, inv. 1, case 15, sh. 33.
- Rudichenko, T.S. (2004). Don Cossack song in historical development. Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rakhmaninov.
- Rudichenko, T.S., Ryblova, M.A. (2014)ю Main trends and factors of socio-cultural transformations in XX century. In *Essays of History and Culture of Cossacks in Southern Russia*. Volgograd: Volgograd Branch of RANEPА.
- Rvachova, O.V., Labryuni, P.G. (2020). Traditional and modern forms of Cossack culture at the end of the XX and the beginning of the XXI century. Revival, transformation and cultural construction. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*, 25(5), 197–212.
- Shchuplenkov, N.O., Shchuplenkov, O.V. (2018). Revival of the Cossacks in new social conditions: a variety of approaches. *Geopolitics and Patriotic Education*, 32, 8–19.
- Tabolina, T.V. (1999). Cossacks: the drama of revival. 1980–1990s. Moscow: IEIA RAS.
- Tyumentsev, I.O. (2006). On the question of the institutions of early Cossack communities. In *Multiformity and asymmetric development of regional economies of Southern Russia: risks of modernization and transformation mechanisms*. Collection of articles. Cherkessk: Karachay-Cherkessia State Technological Academy.
- Vodolatsky, V.P., Volkov, Y.G., Barkov, F.A. et al. (2011). Analytical report on the project of modern Russia (on the example of the Don Cossacks). Rostov-on-Don: South Russian branch of the Institute of Sociology RAS.
- Zhitenev, A.V. (2017). Renaissance of the Cossacks in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries. *Almanac of World Science*, 3–2, 27–32.
- Strategy of the development of the State policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks up to 2020 (approved by the President of the Russian Federation on 15.09.2012 № Pr-2789). Available at: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v/>.

Дата получения рукописи: 28.02.2023

Дата окончания рецензирования: 30.03.2023

Дата принятия к публикации: 02.04.2023

Информация об авторе

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Социология здоровья и медицины

Научная статья

УДК 316.334:61

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.7

EDN VBOPJD

**Агенты и условия формирования социального доверия
в российском здравоохранении****Никита А. Вялых¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: sociology4.1@yandex.ru**Анна А. Беспалова²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: anna_isir@mail.ru**Вадим З. Зарбалиев³**³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: zarbaliyev@mail.ru**Аннотация**

Введение. Показаны сферы социальной ответственности различных субъектов в формировании благоприятного институционального климата российского здравоохранения. Раскрываются факторы, влияющие на эффективность взаимодействия ключевых агентов с учетом их потребностей и ожиданий. Предложены механизмы гармонизации взаимного доверия/недоверия потребителей медицинских услуг, организаторов здравоохранения и представителей медицинского сообщества.

Методы. Эмпирическую основу статьи составляют результаты межрегионального анкетного опроса, проведенного авторским коллективом, а также вторичные социологические данные. Теоретико-методологический корпус исследования базируется на идеях социально-конструктивистского подхода и акционизма. При анализе социальных механизмов и факторов доверия/недоверия потребителей к медицинским организациям задействованы отдельные положения бихевиоризма.

Результаты и их обсуждение. Доверие – результат экологично выстроенной всеми агентами института здравоохранения коммуникации и деятельности. Оно не самоцель, а побочный позитивный эффект здоровой когнитивной сферы – образа мыслей и чувств людей. Пациенты и медицинское сообщество многого ожидают не только друг от друга, но и от государства и власти. Однако политики, менеджеры и организаторы здравоохранения тоже имеют внутренние и внешние барьеры субъектности, являясь заложниками той системы, которой они управляют. Учитывая циклическую социокультурную травмированность российского общества, последствия пандемии COVID-19, непростую социально-политическую ситуацию в мире, авторы приходят к выводу о нецелесообразности резких и принудительных структурных преобразований в национальной системе здравоохранения в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: социальное доверие; социальное недоверие; институт здравоохранения; пандемия COVID-19; потребители медицинских услуг; агенты.

Для цитирования: Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З. (2023). Агенты и условия формирования социального доверия в российском здравоохранении. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 78–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.7>

Благодарность: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1818.2022.2).

Agents and conditions for formation of social trust in Russian healthcare system**Nikita A. Vyalykh¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: sociology4.1@yandex.ru**Anna A. Bepalova²**²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anna_isir@mail.ru

Vadim Z. Zarbaliev³³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: zarbaliev@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents an analysis of the agents and conditions for the formation of social trust towards Russian healthcare. There are shown spheres of social responsibility of various subjects in the formation of a favorable institutional climate in Russian healthcare. The factors influencing the effectiveness of the interaction of key agents, taking into account their needs and expectations, are revealed. The mechanisms of harmonization of mutual trust/distrust of consumers of medical services, health care organizers and representatives of the medical community are proposed.

Methods. The article is based on the results of an interregional questionnaire survey conducted by the author's team and on the secondary sociological data. The theoretical and methodological part of the research is based on social constructivist approach and actionism. We use some ideas of behaviorism to analyze social mechanisms and factors of consumer trust/distrust towards medical organizations.

Results and its discussion. Trust is the result of communication and activity of all agents of the institution of healthcare. It is a side positive effect of a healthy cognitive sphere – the way people think and feel. Patients and the medical community expect a lot not only from each other, but also from the state and the authorities. However, politicians, managers and organizers of healthcare also have internal and external barriers for their agency due to the system they manage. Taking into account the socio-cultural traumatization of Russian society, the consequences of the COVID-19 pandemic, and the complicated socio-political situation in the world, the authors come to the conclusion that abrupt and forced structural transformations in the national health care system are inappropriate for the medium term.

Keywords: social trust; social distrust; institution of healthcare; COVID-19 pandemic; consumers of medical services; agents.

For citation: Vyalykh N.A., Bepalova A.A., Zarbaliev V.Z. (2023). Agents and conditions for formation of social trust in Russian healthcare system. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 78–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.7>

Acknowledgments. The study was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences (МК-1818.2022.2) “Dynamics of social trust of the Russian society in the healthcare institution in the context of the COVID-19 pandemic”.

Введение

Изучение принципов и закономерностей динамики доверия способствует пониманию сущности социокультурных и социально-психологических проблем в системе здравоохранения, а также механизмов формирования и восстановления взаимного доверия различных агентов, прежде всего – потребителей медицинских услуг и врачей. А.В. Изотова среди ключевых социальных функций обобщенного доверия выделяет коммуникативную и интеграционную. Первая способствует ускорению процессов социального обмена, побуждает людей к социальному действию. Вторая поддерживает возможность кооперации и сотрудничества. Особое место в общественной жизни занимает компенсаторная функция, так как ресурс доверия неограничен – «накопление его происходит медленно, а растрачивается он быстро» (Изотова, 2009, 137–138). Доверие легко преобразуется в недоверие, а трансформировать недоверие в доверие намного тяжелее, так же как ненависть в любовь.

Данная тема широко освещается как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Совершенно справедливо Дж. Локурто и Г.М. Берг среди основополагающих предпосылок доверия выделяют: жизненный опыт (личный и коллективный) взаимодействий с медицинскими организациями; готовность пациента к риску; гарантии стабильности коммуникации с медперсоналом (LoCurto, Berg, 2016, 1–2). Пациенты, которые благосклонно и с уважением относятся к врачам и медицине в целом, с большей вероятностью будут пользоваться медицинскими услугами на регулярной основе, больше внимания станут уделять профилактическим мерам, внимательнее соблюдать предписания и рекомендации.

Говоря о доверии в медицине на различных уровнях, стоит учитывать, что доверие пациентов к своему постоянному врачу может характеризоваться относительно высоким уровнем, в то время как обобщенное доверие к системе здравоохранения, отдельным больницам, клиникам может находиться на низком уровне. Дж. Грин и Х. Сэмюэл-Якубос определяют ряд факторов, оказывающих влияние на доверие пациентов к медицинским организациям: профессиональная компетентность, забота, коммуникативная культура (умение слушать, ясно доносить смысл и технологию плана лечения) (Greene, Samuel-Jakubos, 2021, 768).

Один из сюжетов, о которых далее пойдет речь, касается такого явления, как комплаентность. Восприятие потребителями медицинской помощи как качественной, наличие безопасных условий ее оказания в медицинской организации, доброжелательная и открытая организационная культура играют значимую роль в укреплении комплаентности (приверженности лечению). Комплаентность – индивидуальна. Она отражает степень зрелости социального диалога между врачом и клиентом. Среди причин низкой приверженности лечению зарубежные исследователи отмечают забывчивость пациентов, нерациональную расстановку ими жизненных приоритетов, желание снизить дозу препаратов, неполноту информации, сопутствующие эмоциональные факторы. Со стороны медперсонала снижают комплаентность сложные схемы лечения, нераскрытие информации о побочных эффектах назначаемых медикаментов и процедур, недооценка индивидуального стиля жизни потребителя, его финансовых возможностей, отсутствие эмпатии (Osterberg, Blaschke, 2005, 487–488).

Как нам представляется, причины социальных конфликтов и всеобщей напряженности в здравоохранении кроются в глубокой социокультурной, социально-психологической травме российского общества (Семёнов, 2023), равно как и в его экономической и духовной незрелости (Фаталиева, 2022; Шевченко, Штофер, 2022). Следовательно, следует максимально широко подходить к выбору социологических индикаторов доверия в здравоохранении.

Исследователи поднимают вопрос, но так и не находят ответа: нужно ли специально конструировать доверие к здравоохранению? И если нужно, то кто является ключевыми акторами в этом процессе? Как именно происходит конструирование доверия в системе здравоохранения? В данной статье предпринята попытка найти ответы на эти и другие вопросы, основываясь на данных авторского социологического исследования.

Методы

Эмпирическую основу статьи составляют результаты межрегионального анкетного опроса, проведенного авторским коллективом, а также вторичные социологические данные. Теоретико-методологический корпус исследования базируется на идеях социально-конструктивистского подхода и акционизма. При анализе социальных механизмов и факторов доверия/недоверия потребителей к медицинским организациям задействованы отдельные положения бихевиоризма.

Посредством анкетирования в 27 российских регионах ($N = 834$; целевая выборка квотирована по типу поселения, полу, возрасту; опрос проведен в ноябре 2022 г. – январе 2023 г.) нам удалось определить ключевые содержательные аспекты структуры институционального доверия/недоверия к медицинским организациям, а также выявить ряд противоречий между мнениями, оценками ситуации, с одной стороны, и реальным медицинским поведением – с другой. Специальный фокус исследования состоял в фиксации социальных ожиданий и проблем потребителей медицинской помощи в острую фазу пандемии новой коронавирусной инфекции (март 2020 г. – март 2022 г.).

Результаты

Значительное влияние на уровень доверия населения к медицинским организациям оказывает уровень доверия себе, своим чувствам, знание личных потребностей, способность критически оценивать информацию из различных источников. В табл. 1 представлены данные, свидетельствующие о значительном влиянии лично знакомых медицинских работников (41,2%), членов экспертного научного и медицинского сообщества (38,7%) на принятие важных терапевтических решений.

Таблица 1

Агенты социального доверия к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19

Чье мнение о новой коронавирусной инфекции, ее особенностях, темпах распространения, способах профилактики для вас было наиболее важным и достоверным в период с марта 2020 г. по март 2022 г.?	% ответов по столбцу
Лично знакомых медицинских работников, включая участковых терапевтов	41,2
Членов экспертного научного и медицинского сообщества, включая эпидемиологов, инфекционистов, иммунологов	38,7
Блиzkих родственников, друзей, коллег по работе/учебе	34,3
Для меня имело значение только мое собственное мнение, логика, интуиция, знания	21,7
Официальных представителей власти федерального и регионального уровней	16,2
Официальных средств массовой информации (центральных телеканалов, газет, радио)	13,4
Представителей неофициальных средств массовой коммуникации в интернет-пространстве	8,9
Никого из обозначенных субъектов	4,1
Артистов, творческих деятелей, музыкантов, работников культуры	1,6
Всего	180,1

Примечание. Допускался множественный выбор – до трех вариантов ответа, поэтому итог больше 100 %.

Исходя из распределений ответов на этот же вопрос по возрастным группам можно отметить ряд отличий (табл. 2). Официальным СМИ и представителям власти сравнительно больше доверяют опрошенные старше 60 лет (12%). Обратная ситуация наблюдается по доверию неофициальным средствам массовой коммуникации в интернет-пространстве: молодежь чаще обращалась к блогосфере за поиском ответов на вопросы, связанные с новой коронавирусной инфекцией (7,5%).

В аналитическом отчете ВЦИОМ (телефонное интервью, $N = 1600$ человек в возрасте от 18 лет) отмечается, что пандемия COVID-19 оказала влияние на общественное восприятие профессиональной группы медицинских работников. По результатам опроса выявлен средний балл доверия респондентов к врачам, который составил 3,28 (по пятибалльной шкале). Данный показатель оказался ниже пандемийных значений на 0,5 балла (3,8 балла в 2020 г.). Самый высокий уровень доверия врачам (3,75) выражают представители молодого поколения в возрастном интервале 18–24 лет (Врачи: доверие, престиж, доходность профессии. Обзор ВЦИОМ...).

Причины недоверия множественны. Главные из них связаны с ростом несправедливых социально-статусных различий в доступе к медицинской помощи и частичной дисфункциональностью общественных институтов. Когда в работе социальных институтов накапливаются системные ошибки, повышается роль неформальных практик, а вместе с ними возрастают личная ответственность, неопределенность, чувство потери опоры и социальных ориентиров.

Таблица 2

**Агенты социального доверия к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19
(распределение по возрасту), % ответов по столбцу**

Чье мнение о новой коронавирусной инфекции, ее особенностях, темпах распространения, способах профилактики для вас было наиболее важным и достоверным в период с марта 2020 г. по март 2022 г.?	Возрастная группа				
	18–24	25–39	40–59	60+	Всего
Блиzkих родственников, друзей, коллег по работе/учебе	19,7	20,6	16,4	20,7	19,0
Артистов, творческих деятелей, музыкантов, работников культуры	0,8	1,5	0,8	0,5	0,9
Официальных представителей власти федерального и регионального уровней	6,8	7,0	8,6	13,3	9,0
Членов экспертного научного и медицинского сообщества, включая эпидемиологов, инфекционистов, иммунологов	25,2	18,4	23,1	17,9	21,5
Официальных средств массовой информации (центральных телеканалов, газет, радио)	6,2	5,1	6,3	12,0	7,5
Представителей неофициальных средств массовой коммуникации в интернет-пространстве	7,5	6,3	4,0	2,4	4,9
Лично знакомых медицинских работников, включая участковых терапевтов	21,6	25,0	25,2	19,8	22,9
Для меня имело значение только мое собственное мнение, логика, интуиция, знания	9,6	13,6	13,2	12,0	12,1
Никого из обозначенных субъектов	2,6	2,6	2,5	1,4	2,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В настоящий момент на наших глазах формируется цифровая культура доверия в социальных сетях (Веселов, Скворцов, 2023, 157). В системе здравоохранения она материализуется посредством развития технологий телемедицины. Общественный запрос на данный канал коммуникации пока что невысок. Согласно обследованию ВЦИОМ за 2020 г., консультацию дистанционным способом получали 8% россиян. Среди причин столь низкой медицинской активности в цифровом пространстве эксперты ВЦИОМ называют: запрос пациентов на личный осмотр (33%), сомнения в качестве такого рода помощи (13%), отсутствие необходимости (10%) или возможности обратиться за ней (9%) (Телемедицина в России. Обзор ВЦИОМ...). В российском здравоохранении до сих пор доминирует традиционалистский стиль взаимоотношений ключевых субъектов. Мы считаем, что вектор архаизации института здравоохранения выполняет защитную интегративную функцию, предохраняя общество от тотальной атомизации.

Особый исследовательский интерес представляет возвратное доверие чиновников и медиков пациентам. С позиции медработников оно выражается в позитивном подкреплении интеллектуальных вложений в пациента, например в уверенности в том, что медицинские предписания и рекомендации будут выполняться в полном объеме. В противном случае не исключено проявление недостаточного внимания к проблемам пациента, переадресация к другому специалисту и даже отсылка клиентов к неконвенциональным методам лечения.

С позиции социологического типа научной рациональности модели взаимодействия медработников и пациентов имеет смысл анализировать в контексте движущих сил надындивидуальной реальности (Вялых, 2022; Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2022; Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2023). Е.В. Реутов выделяет четыре группы факторов доверия: «...социокультурные факторы – господствующие в общественном со-

знании ценности и установки, которые поддерживаются традицией, религиозными и образовательными системами; социоструктурные факторы – уровень и характер социальной дифференциации, многообразие социальных групп и отличительные черты их отношений друг с другом; экономические факторы – характер экономической ситуации, оказывающий влияние на социальное самочувствие граждан; социально-психологические факторы – характер и особенности социализации индивида, роль непосредственного окружения» (Реутов, 2018, 13–14). Эти факторы конституируют институциональную матрицу общества и его отдельных подсистем, в которых динамично сосуществуют социальное доверие и социальное недоверие.

Говоря о доверии со стороны органов власти, стоит учитывать социальные ожидания менеджеров здравоохранения в том, что их управленческие решения будут услышаны, правильно интерпретированы, распоряжения соблюдаться, а комплексы мероприятий приведут к желаемым результатам. Если потребители медицинских услуг, медицинское сообщество, представители страхового медицинского и аптечного бизнеса, фармацевтические корпорации, производители медицинской техники выстраивают стену, если они не готовы к переменам, то и власть утрачивает мотивацию к решению общезначимых проблем. В результате замыкается порочный круг взаимного социального недовольства и фрустрации.

Заключение

В заключительной части статьи будут представлены рекомендации по конструированию доверия в сфере здравоохранения, сформулированные по результатам проведенного анализа. Обычно исследователи ограничиваются общими фразами, лишенными содержательности и реалистичности, например: «надо повышать доступность и качество медицинских услуг», «развивать доверительные взаимоотношения», «всем врачам и медсестрам повысить зарплату в пять раз», «формировать здоровьесберегающие технологии». Все перечисленное важно, но это и так подразумевается фоновыми ожиданиями акторов.

Есть два способа формирования доверия к системе здравоохранения: искусственный и естественный. В первом случае доверие конструируется на институциональном уровне (например, при помощи социальной политики, специальных законов, распоряжений правительства), а во втором – формируется стихийно посредством неформальных каналов. При искусственном конструировании меньше возможностей оперативно реагировать на изменяющиеся внешние условия, поскольку разработка и внедрение управленческих решений требуют времени. Естественное формирование доверия подвержено влиянию ситуативных факторов, его сложнее контролировать, высока вероятность, что развитие событий пойдет по негативному сценарию.

В современной России необходимость упрочения доверия декларируется во многих целевых программах, нормативно-правовых актах, концепциях социальной политики различного уровня, социальной рекламе (Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15.05.2012 № 543н...; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.12.2016 № 973н...; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 07.03.2018 N 92н...; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.12.2018 № 911н...). Например, в Методических рекомендациях «Организация записи на прием к врачу, в том числе через единый портал государственных и муниципальных услуг и единые региональные колл-центры» приводится перечень фраз-провокаторов, которые не следует говорить в общении с пациентами. Там же содержатся лексические шаблоны для выстраивания ненасильственной коммуникации (Методические рекомендации..., 2022). Начинать нужно с малого. Внедрение подобных рекомендаций в практическую

деятельность способствует установлению взаимоуважительных и взаимовыгодных отношений на межличностном уровне между застрахованными, врачами, управленцами, страховыми медицинскими организациями, специалистами региональных министерств здравоохранения и территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Пока открытым остается вопрос о мотивации самих медработников и потребителей медицинских услуг в вопросах повышения культуры диалога, механизмов контроля и поощрения соблюдения этических норм коммуникации.

Еще одним примером успешной модернизации социальных процессов в здравоохранении является федеральный проект «Бережливая поликлиника». Его целью является повышение удовлетворенности пациентов, доступности медицинских услуг посредством снижения временных, финансовых и иных барьеров, рациональной организации функционала сотрудников и их рабочих мест. Данный проект помогает обеспечивать в первую очередь безопасность и комфортность трудовой деятельности сотрудников поликлиник, но выигрывают в конечном итоге от этого и пациенты (Федеральный проект «Бережливая поликлиника»...).

Воздействовать на отношение агентов здравоохранения друг к другу можно прямыми и косвенными средствами. Прямой путь подразумевает направленное внедрение конкретных социальных практик, норм и регуляторов, реализацию специальных мероприятий. Косвенные меры предполагают методы мягкой силы, а именно создание условий, способствующих изменению поведения и мышления людей. Для социально уязвимых групп (детей из неблагополучных семей, работающей молодежи, пенсионеров, людей с особыми медицинскими потребностями и/или находящихся в сложной жизненной ситуации) предпочтительнее использовать косвенные механизмы. Для школьников, студентов, сотрудников крупных предприятий и иных социальных групп, включенных в формальные институциональные структуры, целесообразно применение мер прямого воздействия (мероприятия в рамках клубов по интересам, сообществ, молодежных организаций, воспитательной работы в образовательных организациях).

В идеале социальная политика доверия в сфере здравоохранения должна быть гибкой и опциональной, сочетать различные способы оздоровления социальных отношений и взаимодействий агентов. Институциональные меры должны быть точечными, адресными, сфокусированными на конкретных социальных группах (возрастные, социально-статусные, образовательные, культурные, нозологические, этнические, территориальные). Поэтому механизмы реализации, формы и сферы имплементации политики доверия с учетом социокультурной и социально-медицинской специфики целевых групп будут вариативными.

Литература

- Веселов, Ю.В., Скворцов, Н.Г. (2023). Трансформация культуры доверия в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 157–179. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.
- Вялых, Н.А. (2022). Феномен социального (не)доверия российского общества к институту здравоохранения в контексте пандемии COVID-19: когнитивные иллюзии и методологические проблемы. *Вестник НГУЭУ*, 2, 178–193. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-2-178-193>.
- Вялых, Н.А., Беспалова, А.А., Зарбалиев, В.З. (2022). Факторы и проблемы социологического измерения доверия российского общества к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 1(44), 129–144. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1150>.
- Вялых, Н.А., Беспалова, А.А., Зарбалиев, В.З. (2023). Социальное доверие и недоверие в сфере российского здравоохранения в период пандемии COVID-19: теоретико-методологические подходы и источники негативизации. *Caucasian Science Bridge*, 3(17), 12–20. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1>.
- Изотова, А.В. (2009). Доверие в системе «врач – пациент». *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*, 4(1), 137–142.
- Семёнов, В.С. (2023). Пандемия COVID-19 и ее роль как фактора социальной напряженности в Ростовской области. *Наука. Общество. Оборона*, 11(1). DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-6-6.

- Реутов, Е.В. (2018). Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе. *Среднерусский вестник общественных наук*, 13(1), 12–20.
- Фаталиева, Х.Б. (2022). Духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание подростков: особенности профилактики экстремизма среди молодежи. *Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании*, 153–155.
- Шевченко, О.М., Штофер, Л.Л. (2022). Общественное здоровье как ресурс стабильного развития российского социума: риски и угрозы. *Caucasian Science Bridge*, 2(16), 30–40.
- Greene, J., Samuel-Jakubos, H. (2021). Building Patient Trust in Hospitals: A Combination of Hospital-Related Factors and Health Care Clinician Behaviors. *The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*, 47(12), 768–774. DOI:10.1016/j.jcjq.2021.09.003.
- LoCurto, J., Berg, G.M. (2016). Trust in healthcare settings: Scale development, methods, and preliminary determinants. *SAGE Open Medicine*, 4(1), 1–12. DOI: 10.1177/2050312116664224.
- Osterberg, L., Blaschke, T. (2005). Adherence to medication. *The New England Journal of Medicine*, 353(5), 487–497. DOI:10.1056/NEJMra050100.
- Врачи: доверие, престиж, доходность профессии. Аналитический обзор Всероссийского центра изучения общественного мнения от 20 июня 2022 года. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii>.
- Методические рекомендации № 12-22 «Организация записи на прием к врачу, в том числе через единый портал государственных и муниципальных услуг и единые региональные колл-центры» (утв. ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Министерства здравоохранения РФ 30 ноября 2022 г.). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405772431/>.
- Телемедицина в России: сегодня и завтра. Аналитический обзор Всероссийского центра изучения общественного мнения от 26 мая 2020 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemediczina-v-rossii-segodnya-i-zavtra>.
- Федеральный проект «Бережливая поликлиника». Методические рекомендации. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561183958>.
- Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15.05.2012 № 543н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70195856/>.
- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.12.2016 № 973н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-кардиолога, врача-эндокринолога, врача-стоматолога-терапевта». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71587580/>.
- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 07.03.2018 № 92н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи детям». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71825984/>.
- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552196746>.

References

- Fatalieva, H.B. (2022). Spiritual-moral and civil-patriotic education of adolescents: features of the prevention of extremism among young people. *Modern conditions of integration processes in science and education*, 153–155.
- Greene, J., Samuel-Jakubos, H. (2021). Building Patient Trust in Hospitals: A Combination of Hospital-Related Factors and Health Care Clinician Behaviors. *The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*, 47(12), 768–774. DOI:10.1016/j.jcjq.2021.09.003.
- Izotova, A.V. (2009). Trust in the doctor-patient system. Health is the basis of human Potential. *Problems and Solutions*, 4(1), 137–142.
- LoCurto, J., Berg, G.M. (2016). Trust in healthcare settings: Scale development, methods, and preliminary determinants. *SAGE Open Medicine*, 4(1), 1–12. DOI: 10.1177/2050312116664224.
- Osterberg, L., Blaschke, T. (2005). Adherence to medication. *The New England Journal of Medicine*, 353(5), 487–497. DOI:10.1056/NEJMra050100.
- Reutov, E.V. (2018). Factors of formation of social trust and distrust in Russian society. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 13(1), 12–20.
- Semenov, V.S. (2023). The COVID-19 pandemic and its role as a factor of social tension in the Rostov region. *Science. Society. Defense*, 11(1). DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-6-6.
- Shevchenko, O.M., Shtofer, L.L. (2022). Public health as a resource for the stable development of Russian society: risks and threats. *Caucasian Science Bridge*, 2(16), 30–40.
- Veselov, Yu.V., Skvortsov, N.G. (2023). Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 157–179. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.
- Vyalykh, N.A. (2022). The Phenomenon of social (dis)trust of the Russian society in the institute for health protection in the context of the Covid-19 pandemic: cognitive illusions and methodological problems. *Bulletin NSUEM*, (2), 178–193. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-2-178-193>.

Vyalykh, N.A., Bespalova, A.A., Zarbaliev, V.Z. (2022). Factors and issues of sociological measurement of social trust to the healthcare system in terms of the COVID-19 pandemic in Russia. *Journal of Wellbeing Technologies: Economy and Society*, 1(44), 129–144. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1150>.

Vyalykh, N.A., Bespalova, A.A., Zarbaliev, V.Z. (2023). Social trust and distrust in sphere of Russian healthcare during the COVID-19 pandemic: theoretical and methodological approaches and sources of negativity. *Caucasian Science Bridge*, 3(17), 12–20. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1>.

Doctors: trust, prestige, profitability of the profession. Analytical review of VCIOM, June 20, 2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii>.

Federal project “Lean Polyclinic”. Methodological recommendations. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561183958>.

Methodological recommendations No. 12-22 “Organization of an appointment with a doctor, including through the unified portal of state and municipal services and unified regional call centers” (approved by FSBI “TSNIIOIZ” of the Ministry of Health of the Russian Federation on November 30, 2022). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405772431/>.

Telemedicine in Russia: today and tomorrow. Analytical review of VCIOM, May 26, 2020. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-segodnya-i-zavtra>.

Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated 15.05.2012 No. 543n “On approval of the Regulations on the organization of primary health care for adults”. Available at: <https://base.garant.ru/70195856/>.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 19.12.2016 No. 973n “On approval of standard industry standards of time for the performance of work related to the visit of a cardiologist, endocrinologist, dentist-therapist by one patient”. Available at: <https://base.garant.ru/71587580/>.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 07.03.2018 No. 92n “On approval of the Regulations on the organization of primary health care for children”. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71825984/>.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 911n dated December 24, 2018 “On approval of requirements for state information systems in the field of healthcare of the Subjects of the Russian Federation, medical information systems of medical organizations and information systems of pharmaceutical organizations”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/552196746>.

Дата получения рукописи: 12.02.2023

Дата окончания рецензирования: 21.03.2023

Дата принятия к публикации: 28.03.2023

Информация об авторах

Вялых Никита Андреевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anna_isir@mail.ru

Зарбалиев Вадим Загиддинович – аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: zarbaliev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vyalykh Nikita Andreevich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anna_isir@mail.ru

Zarbaliev Vadim Zagiddinovich – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: zarbaliev@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.8

EDN WZKRAY

**Социологический подход к оценке социальных ресурсов
территориальной общности
(на примере г. Таганрога, Ростовская область)****Нина О. Соколова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию социальных ресурсов Ростовской области на основе социологического подхода. Актуальность исследования обусловлена тем, что формирование и развитие социальных ресурсов детерминировано социальной средой, в рамках которой протекают эти процессы. Цель работы заключается в проведении анализа состояния социальных ресурсов с использованием результатов социологического исследования.

Методы. Концептуально-методологической основой исследования стал ресурсный подход, позволивший всесторонне охватить и систематизировать оценки населения территории. Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные в результате применения опросной методики. Анкетирование проводилось в ноябре–декабре 2022 г. среди жителей Таганрога (Ростовская область). Теоретическое обоснование исследования опирается на работы зарубежных и отечественных исследователей, работающих в области изучения социальных ресурсов. В этих работах высказываются идеи, позволяющие доказать целесообразность исследования социальных ресурсов на основе субъективных данных, отражающих оценки жителей конкретной территориальной общности.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ социологических данных показал, что Ростовская область (по мнению большинства респондентов) имеет средний уровень привлекательности для проживания. 56% желают дальше жить в Ростовской области и вносить свой вклад в развитие территории. Эффективность деятельности региональной власти 57% оценивают как среднюю; 90% считают, что самостоятельно могут справиться со всеми проблемами и достигнуть успеха.

В заключение можно утверждать, что население выработало навыки самообеспечения, способно самостоятельно решать возникающие социальные затруднения. Анализ удовлетворенности потребностей горожан подтверждает, что в социальном пространстве сложилась благоприятная ситуация для развития социальных ресурсов территорий.

Ключевые слова: социальные ресурсы; социологические исследования; анкетирование; социальные установки; территориальные общности.

Для цитирования: Соколова Н.О. (2023). Социологический подход к оценке социальных ресурсов территориальной общности (на примере г. Таганрога, Ростовская область). *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 88–95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.8>

**Sociological approach to assessing the social resources of the territorial community
(on the example of Taganrog, Rostov Region)****Nina O. Sokolova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of social resources of the Rostov region on the basis of a sociological approach. The relevance of the study is due to the fact that the formation and development of social resources is determined by the social environment within which these processes take place. The purpose of the work is to analyze the state of social resources using the results of sociological research.

Methods. The resource approach became the conceptual and methodological basis of the study, which made it possible to comprehensively cover and systematize the estimates of the population of the territory. The empirical basis of the study was the data obtained as a result of the application of the survey methodology. The survey was conducted in November-December 2022 among residents of Taganrog (Rostov Region). The theoretical basis is based on the work of both foreign and domestic researchers working in the field of studying social resources. These works express ideas that make it possible to prove the expediency of studying social resources on the basis of subjective data reflecting the assessments of residents of a particular territorial community.

Results of the research and its discussion. Analysis of sociological data showed that the Rostov region (according to the majority of respondents) has an average level of attractiveness for living. 56% wish to continue living in the Rostov region and contribute to the development of the territory. 57% assess the efficiency of the regional authorities as average; 90% believe that they can cope with all problems on their own and achieve success. In conclusion, it can be argued that the population has developed the skills of self-sufficiency, is able to independently solve emerging social difficulties. An analysis of the satisfaction of the needs of citizens confirms that a favorable situation has developed in the social space for the development of social resources of the territories.

Keywords: social resources; sociological research; questionnaire; social attitudes; territorial communities.

For citation: Sokolova N.O. (2023). Sociological approach to assessing the social resources of the territorial community (on the example of Taganrog, Rostov Region). *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 88–95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.8>

Введение

Актуальность работы связана с тем, что формирование и развитие социальных ресурсов детерминировано социальной средой, в рамках которой протекают эти процессы. Поскольку в центре данной проблематики находится человек с его интересами, потребностями, направленность рассматриваемых процессов предопределяется социальными установками населения территории. Человеческие ресурсы, в отличие от других ресурсов, обладают свободой воли. Это актуализирует использование социологических технологий для исследования социальных ресурсов территории.

Цель работы – выявить состояние социальных ресурсов с использованием данных социологического исследования. Это предполагает решение следующих задач: определить отношение населения к ситуации в регионе; проанализировать саморефлексию респондентами уровня удовлетворенности своих потребностей и оценку ими эффективности деятельности региональных органов власти.

Новизна исследования обусловлена динамикой развития территориального сообщества как рефлексией на изменение внешней среды, изучение которой восполнит потребность в повышении эффективности использования возможностей территориальной общности Ростовской области за счет рационального использования и развития социальных ресурсов.

Теоретическое обоснование

Отправной точкой формирования теоретической основы исследования является высказанное П.А. Сорокиным утверждение, что каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он вынужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие (Сорокин, 1993). Наиболее серьезное развитие эта идея получила в работе А. Маслоу «Мотивация и личность» (Maslow, 1954), где исследовалось влияние удовлетворенности потребности на жизнедеятельность человека. Таким образом, потребности становятся драйвером социальных практик человека, а уровень их удовлетворенности зависит как от его социальной активности, так и от окружающей среды. Поэтому человек нуждается в общности, которая позволит развивать его социальную сущность. Особенно это заметно на уровне таких крупных общ-

ностей, как город. К проблеме исследования социальных установок, социального самочувствия и социальных оценок населения города обращались многие исследователи. В данном исследовании город выбирается в качестве территориальной общности, так как его можно рассматривать как относительно замкнутую социально-экономическую систему. Как отмечает И.А. Янкина, именно в пространстве конкретного города человек живет, работает, поддерживает состояние своего здоровья, удовлетворяет свои материальные и духовные потребности, а также имеет право на социальную защиту (Янкина, 2009). Л.П. Морозова считает, что оценка социальных установок населения позволяет проследить вертикаль, формирующую социально-природную систему, в которой закладываются связующие механизмы разноуровневых систем: человек – местное сообщество – гражданское общество – государство (Морозова, 2009). А.А. Чернега также указывает на включение различных социальных акторов и территорий в определенные социальные структуры и процессы (Чернега, 2014).

В работах современных исследователей настойчиво подчеркивается взаимообусловленное развитие человека и общества. Например, С.Н. Панкова указывает, что важнейшие для развития общества и личности вопросы зависят от самостоятельного поиска и решений, которые осуществляются на личностном уровне, в условиях конкуренции и неопределенности (Панкова, 2014). При этом в некоторых исследованиях фиксируется акцентирование на личностном росте и развитии. Так, Т.Е. Родина отмечает, что в воспроизводственном смысле человек – главный объект созидания. Он выступает работником, творцом новых технологий и условий жизни (Родина, 2010). Как пишут А.В. Рачипа и И.А. Янкина, в городской среде обозначается роль человека не только как наблюдателя и аудитора жизненного пространства, но и как его активного конструктора и преобразователя (Рачипа, Янкина, 2011). Однако есть исследования, в которых указывается на ведущую роль состояния среды. В частности, С.Н. Панкова и Е.Б. Архипова связывают развитие личности с наличием различий в возможностях самоорганизации собственной жизнедеятельности и их значением для реализации личности (Панкова, Архипова, 2016). Эти связаны как с формальной, так и с неформальной стороной жизнедеятельности человека. Например, ряд исследователей указывает, что на качество жизни влияет такой фактор, как удовлетворенность отношениями с соседями (Sedaghatnia, Lamit, Ghahramanpour, Mohamad, 2013). Другие исследования доказывают, что поддержка социальных инноваций имеет долгосрочные позитивные последствия для качества жизни сообщества (Chanakul, Wannachot, Prachagool, Nuangchalerm, 2022). Таким образом, территориальная общность предопределяет характер социальных практик ее жителей, которые задают темпы развития социальных ресурсов. С.В. Снежко указывает, что социальные ресурсы могут пониматься как совокупность возможностей и способностей, имеющихся у социальных групп или организаций, которые позволяют продуктивно и эффективно влиять на изменение принципов и структуры функционирования организации, отдельных групп внутри нее (Снежко, 2010). Т.Е. Родина считает основным компонентом социальных ресурсов человека, которому должны быть созданы необходимые экономические, организационно-технические условия и социальная защита для эффективной деятельности, направленной на обеспечение интересов личности (Родина, 2010). Н.И. Яковлева пишет, что население сегодня, с одной стороны, выступает в качестве основного деятеля в процессе развития общественных систем, а с другой – вынуждено адаптироваться к новым условиям жизни в глобализационно-информационной среде, находить способы специальной подготовки для скорейшего усвоения новых форм взаимо-

действия, труда, досуга, жизнедеятельности в целом (Яковлева, 2019). Например, по результатам исследования в Ростовской области коллектив ученых указывает на необходимость выявить специфику проявления этих процессов на локальном уровне (Денисова, Герман, Денисов, Суций, 2018). Вышесказанное актуализирует исследование социальных установок жителей города (на примере Таганрога), позволяя произвести оценку ситуации и определить проблемы развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.

Методология исследования

Концептуальной основой данной работы стал ресурсный подход, позволивший всесторонне охватить и систематизировать оценки населения Ростовской области в рамках применения опросной методики. Теория социальных ресурсов и основы ресурсного подхода были заложены в работах Дж. Мартина (Martin, 1940). Для отечественной науки характерно исследование социальных ресурсов с позиции детерминированности их состояния исходя из территориальной специфики. Более подробное обоснование применения ресурсного подхода для исследования территориальных общностей было проведено в работах Ю.А. Дроздовой (2019), А.В. Дятлова (2005), В.И. Немчина, Н.О. Соколовой (2022), С.Н. Панковой, Е.Б. Архиповой (2016), В.А. Ядова (2001). В частности, Ю.А. Дроздова отмечает, что развитие региона зависит от включенности горожан и сельских жителей как основных территориальных общностей в процессы модернизации и социального развития территорий (Дроздова, 2019). А.В. Дятлов определяет следующие подходы к анализу социальных ресурсов: структурный (в социальных ресурсах заключен воспроизводственный потенциал существующей социальной структуры, обусловленный социальными позициями и институциональными предписаниями); деятельный (социальные ресурсы определяют способность общества к развитию, реализующемуся через устремления и активность субъектов)» (Дятлов, 2005).

В ходе анализа социальных установок применялись методы сравнения, ранжирования, системный подход. Сбор первичной информации был произведен с помощью опросного метода. Социологический подход изучения социальных ресурсов наиболее полно представлен в работе В.А. Ядова (2001). Социологический инструмент опроса (анкета) сконструирован на основе предложенных Ядовым характеристик, определяющих развитие социальных ресурсов. Результатом данного исследования является определение социологического профиля социальных групп, обеспечивающих или тормозящих развитие социально-экономического пространства территории. Такой подход позволяет определить социальный адрес и размеры групп, не справляющихся с динамикой социально-экономических изменений внешней среды и утративших ориентиры своих жизненных перспектив. Фиксируется образ восприятия респондентами региона проживания, определяются требующие решения проблемы; оценивается эффективность деятельности региональной власти.

Исследование социальных установок жителей города проводилось в ноябре и декабре 2022 г. в Таганроге. Объем выборки – 200 человек. Выборка полностью отражает социально-демографические характеристики населения г. Таганрога по половозрастным параметрам. В частности, по гендерному составу: мужчины – 45%, женщины – 55%; по возрастному признаку: респонденты в возрасте 18–29 лет – 16%, 30–39 лет – 19%, 40–49 лет – 16%, 50 лет и старше – 49%. Инструментарий исследования (анкета) включал вопросы, позволяющие на основе ранговой шкалы и номинальной шкалы произвести оценку ситуации и определить проблемы развития социальных ресурсов города.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование показало, что уровень привлекательности Ростовской области для проживания большинство опрошенных (66%) считает средним, каждый пятый респондент (21%) – высоким. Желание и дальше жить в Ростовской области и вносить свой вклад в развитие территории высказали 56% опрошенных, а отрицательный ответ дали всего 9%. Оценка эффективности деятельности региональной власти имеет более минорные оттенки. В частности, каждый третий опрошенный считает ее низкой, а более половины респондентов не могут определиться с однозначным ответом. Оптимистично прогнозируют улучшение социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года только 30% респондентов. При этом 27% дают пессимистичный прогноз. Таким образом, в целом у респондентов сформировалось положительное отношение к социально-экономическому пространству Ростовской области и фиксируется желание внести свой вклад в развитие территории.

Высокий уровень субъектности и готовность нести ответственность за свою жизнедеятельность высказывают более половины (55%) опрошенных (табл. 1). Еще 35% надеются при решении жизненных проблем на помощь близких и друзей.

Таблица 1

Мнение респондентов о навыках самообеспечения

Вариант ответа	Масштаб группы
Я самостоятельно справлюсь со всеми проблемами и достигну успеха	55%
Я справлюсь с проблемами, если мне помогут близкие и друзья	35%
Я справлюсь с проблемами при условии, что мне помогут местные органы власти	4%
Я справлюсь с проблемами, только если мне поможет государство	6%

В целом это показывает, что у населения сформированы навыки социальной самостоятельности. Только каждый десятый в случае социальных затруднений рассчитывает на помощь органов государственного или муниципального управления. Оценка уровня удовлетворенности потребностей подтверждает, что в социальном пространстве сложилась благоприятная ситуация для развития социальных ресурсов территорий. В частности, согласно результатам опроса, у 42% респондентов удовлетворены материальные потребности, у 50% – потребности в культурном развитии, у 67% – потребность в образовании, у 42% – потребность в самореализации. Только каждый третий удовлетворен имеющейся гарантией занятости (35%), стабильностью жизни в регионе (36%) и состоянием безопасности среды (37%). Таким образом, можно выделить сферы жизни, где респонденты приобрели навыки решения проблем своими силами. Однако потребности, удовлетворение которых связано с эффективностью социальной политики (гарантия занятости, безопасность жизнедеятельности, стабильность жизни), вызывают у жителей территории определенные трудности.

Сильнее всего респондентов беспокоят проблемы низкой заработной платы, состояния системы медицинского обслуживания, развития инфраструктуры региона и уровень безработицы (рис. 1).

Среди барьеров развития региона опрошенные выделяют как общеэкономические факторы (например, каждый третий указал на технологическое отставание промышленности и производства), так и личностные (в том числе эгоистические интересы жителей – 22%, падение морали и нравственности – 22%).

Рисунок 1. Основные проблемы Ростовской области, которые беспокоят население г. Таганрога

Заключение

Результаты исследования показывают, что подавляющее число респондентов хорошо адаптировано к динамике социально-экономических процессов, происходящих в Ростовской области. Только 10% опрошенных не справляются с динамикой социально-экономических изменений внешней среды и в случае социальных затруднений надеются на помощь государства и муниципалитета. По мнению жителей города, фактором, тормозящим развитие региона, является технологическое отставание промышленности и производства. Основной проблемой территории является низкий уровень заработной платы.

Исследование показывает, что у существенной части населения удовлетворены материальные, культурные потребности и потребность в самореализации. Таким

образом, анализ удовлетворенности потребностей горожан показывает, что в социальном пространстве сложилась благоприятная ситуация для развития социальных ресурсов данной территориальной общности.

Литература

- Денисова, Г.С., Герман, М.А., Денисов, В.И., Суций, С.Я. (2018). Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов н/Д: Фонд науки и образования.
- Дроздова, Ю.А. (2019). Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей. *Вестник Института социологии*, 10(10), 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557.
- Дятлов, А.В. (2005). Социальные ресурсы развития российского общества (докторская диссертация). Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону.
- Морозова, Л.П. (2009). Местное сообщество» как аспект социологического анализа. *Социальная политика и социология*, 2(44), 177–187.
- Немчина, В.И., Соколова, Н.О. (2022). Социально-экономические условия формирования социальных ресурсов Ростовской области. *Гуманитарий Юга России*, 11(6), 145–160.
- Панкова, С.Н. (2014). Социальный потенциал личности в условиях социальной неопределенности. *В мире научных открытий*, 5–2(53), 594–604.
- Панкова, С.Н., Архипова, Е.Б. (2016). Смыслы и социальные ресурсы реализации личностного потенциала. *Современные исследования социальных проблем*, 11 (67), 333–344.
- Рачипа, А.В., Янкина, И.А. (2011). Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретический и методологический аспекты. *Казанская наука*, 6, 76–78.
- Родина, Т.Е. (2010). Социальные ресурсы и методы их увеличения. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 5(81), 120–126.
- Снежко, С.В. (2010). Неформальные отношения как социальный ресурс организации. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, 1, 17–26.
- Соколова, Н.О. (2022). Социальные ресурсы: понятие и детерминация в современной отечественной социологии. *Caucasian Science Bridge*, 3, 144–151.
- Сорокин П.А. (1993). Система социологии. М.: Наука, т. 1.
- Чернега, А.А. (2014). Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2–2(58), 157–161.
- Ядов, В.А. (2001). Социальный ресурс индивида и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. В Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Т.И. Заславской (ред.). М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 310–319.
- Яковлева, Н.И. (2019). Социальные ресурсы и препятствия в достижении жизненного успеха. *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*, 2(34), 89–95.
- Янкина, И.А. (2009). Качество жизни населения как критерий эффективности управления городской средой. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 5(48), 133–137.
- Chanakul Ch., Wannachot W., Prachagool V., Nuangchalerm P. (2022). Fostering social innovation for quality of life building in two generations. *Journal of Educational Issues*, 8(2), 524–534.
- Martin, J.D. (1940). The meaning of social resources. *The Journal of Educational Sociology*. 13(9), 560–564.
- Maslow, A.H. (1954). Motivation and personality. N.Y.: Harpaer & Row.
- Sedaghatnia, S., Lamit, H., Ghahramanpouri, A., Mohamad, S. (2013). An evaluation of residents' quality of life through neighborhood satisfaction in Malaysia. *Environmental Management and Sustainable Development*, 2(1), 114–125.

References

- Chanakul Ch., Wannachot W., Prachagool V., Nuangchalerm P. (2022). Fostering social innovation for quality of life building in two generations. *Journal of Educational Issues*, 8(2), 524–534.
- Chernega, A.A. (2014). The specifics of social resources: from understanding to application. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2–2(58), 157–161.
- Denisova, G.S., German, M.A., Denisov, V.I., Present, S.Ya (2018). Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region. Rostov-on-Don: Science and Education Fund.
- Drozдова, Yu.A. (2019). Resource approach in the study of territorial communities. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(10), 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557.
- Dyatlov, A.V. (2005). Social resources for the development of Russian society (doctoral dissertation). Rostov State University, Rostov-on-Don.

- Martin, J.D. (1940). The meaning of social resources. *The Journal of Educational Sociology*, 13(9), 560–564.
- Maslow, A.H. (1954). *Motivation and personality*. N.Y.: Harpaer & Row.
- Morozova, L.P. (2009). "Local community" as an aspect of sociological analysis. *Social policy and sociology*, 2(44), 177–187.
- Nemchina, V.I., Sokolova, N.O. (2022). Socio-economic conditions for the formation of social resources of the Rostov region. *Humanist of the South of Russia*, 11(6), 145–160.
- Pankova, S.N. (2014). Social potential of the individual in conditions of social uncertainty. *In the world of scientific discoveries*, 5–2(53), 594–604.
- Pankova, S.N., Arkhipova, E.B., Lesina, L.A. (2016). Meanings and social resources for the realization of personal potential. *Modern studies of social problems*, 11–1, 333–344.
- Rachipa, A.V., Yankina, I.A. (2011). Sociological approach to the analysis of the quality of life of young people: theoretical and methodological aspects. *Kazan science*, 6, 76–78.
- Rodina, T.E. (2010). Social resources and methods of their increase. *Scientific notes of the Russian State Social University*, 5 (81), 120–126.
- Sedaghatnia, S., Lamit, H., Ghahramanpouri, A., Mohamad, S. (2013). An evaluation of residents' quality of life through neighborhood satisfaction in Malaysia. *Environmental Management and Sustainable Development*, 2(1), 114–125.
- Snezhko, S.V. (2010). Informal relations as a social resource of the organization. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Governance (state and society)*, 1, 17–26.
- Sokolova, N.O. (2022). Social resources: approach and determination in modern domestic sociology. *Caucasian Science Bridge*, 3, 144–151.
- Sorokin, P. A. (1993) *The system of sociology*. Moscow: Nauka, v. 1.
- Yadov, V.A. (2001). The social resource of an individual and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society. In *Who seeks to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process*. T.I. Zaslavskaya (ed.). Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 310–319.
- Yakovleva, N.I. (2019). Social resources and barriers to success in life. *Bulletin of the State Social and Humanitarian University*, 2(34), 89–95.
- Yankina, I.A. (2009). The quality of life of the population as a criterion for the effectiveness of urban environment management. *Humanities and socio-economic sciences*, 5(48), 133–137.

Дата получения рукописи: 07.02.2023

Дата окончания рецензирования: 15.03.2023

Дата принятия к публикации: 20.03.2023

Информация об авторе

Соколова Нина Оганесовна – аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Sokolova Nina Oganessovna – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.9

EDN UGASPA

«Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы**Осип А. Казанцев¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: koznew@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье предпринимается попытка объединить в единой концептуальной матрице, казалось бы, разрозненные и обособленные друг от друга социальные проблемы в институтах школьного образования. А именно обнаружить в обобщенной тенденции снижения качества общего образования признаки реализации установок такой управленческой идеологии, как менеджери́зм. Заявленная концептуальная матрица, обоснованная как адекватная в качестве гипотезы, станет теоретическим основанием для проведения новых, в том числе эмпирических исследований.

Методы. В качестве методологии используется концепция государственного менеджери́зма А.В. Дятлова, В.В. Ковалева, Я.А. Асланова, а также институциональные идеи Д. Норта. Методами для исследования выступают анализ нормативных документов и тематической академической литературы и обзоры проведенного наблюдения.

Результаты и их обсуждение. В рассмотренной научной литературе, тематически схожей с поставленной проблемой, выявлены лакуны. Последние как раз могут быть концептуально устранены при рассмотрении изучаемых авторами социальных явлений и управленческих практик в рамках концепции государственного менеджери́зма. Предложен обзор на нормативный документ, регламентирующий деятельность школьного руководства, а также проведен первичный анализ такого способа проверки эффективности педагогов и школ, как ВПР. В итоге и там, и там были обнаружены признаки, которые позволяют отнести существующие стратегии управления школьным образованием к реализации идеологии менеджери́зма.

Ключевые слова: школьное образование; менеджери́зм; образовательные услуги; качество образования; рейтинг.

Для цитирования: Казанцев О.А. (2023). «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>

“Managerization” of school education: towards formulation of the problem**Osip A. Kazantsev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: koznew@bk.ru

Abstract

Introduction. The article attempts to combine seemingly disparate and isolated social problems in the institutions of school education in a single conceptual matrix. Namely, to find in the generalized trend of decreasing the quality of general education signs of the implementation of the installations of such a managerial ideology as managerialism. The stated conceptual matrix, justified as adequate as a hypothesis, will become the theoretical basis for conducting new, including empirical studies.

Methods. As a methodology, the concept of state managerialism is used by A.V. Dyatlov, V.V. Kovalev, Ya.A. Aslanov, as well as the institutional ideas of D. North. The methods for research are the analysis of normative documents, thematic academic literature and reviews of the observation.

Results and its discussion. In the reviewed scientific literature, thematically similar to the problem posed by us, gaps have been identified. The latter can be conceptually eliminated when considering the social phenomena and management practices studied by the authors within the framework of the concept of state managerialism. A review of the normative document regulating the activities of school management is proposed, as well as a primary analysis of such a method of checking the effectiveness of teachers and schools as All-Russian knowledge testing programs. And as a result, both there and there were signs that allow us to attribute the existing strategies of school education management to the implementation of the ideology of managerialism.

Keywords: school education; managerialism; educational services; quality of education; ranking.

For citation: Kazantsev O. A. (2023). "Managerization" of school education: towards formulation of the problem. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>

Введение

В центре реформ, публичных дискуссий о них и обсуждений новых изменений в России вновь оказываются институты образования. Последнее реформенное пятилетие привело к разделению Минобрнауки на два самостоятельных министерства, формированию правовых и технических оснований для внедрения дистанционного обучения в высшей и средней школах, обозначению курса на «суверенизацию» российского образовательного пространства (выход из Болонской системы).

Несмотря на то, что больше внимания как широкой общественности, так и академического сообщества получают законодательные инициативы в сфере высшего образования, тем не менее подобные же преобразования традиционных образовательных практик происходят в области школьного образования, прежде всего – основного общего (5–9-е классы) и среднего общего (10–11-е классы). И мы полагаем, что для обозначения положения школьного образовательного института в социологических терминах как социальной проблемы необходимо предварить основную часть статьи небольшой исторической справкой. «Исторической» в недавней перспективе.

С конца 2010-х гг. в учительской профессиональной среде и частично в родительском сообществе возникло движение критики использования понятия «образовательные услуги» в их применении к общеобразовательным институтам. Одним из активистов выступил и профессор, доктор технических наук А.А. Шалыто в ряде публицистических заметок («Открытие», «Университет не место для оказания услуг» и т.д.). Требования убрать терминологический конструкт «услуга» из нормативно-правовых документов об образовании школьного и вузовского уровней затем неоднократно звучали на встречах с Президентом РФ, на совещаниях Государственной Думы. И 14 июля 2022 г. в силу вступил Федеральный закон № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», по которому термин «услуга» изымался из нормативного оборота (Понятие..., 2022). Притом незадолго до принятия изменений государственная экспертная комиссия ссылалась в том числе на заметки по вопросу об этом словоупотреблении профессора А. А. Шалыто (Шалыто, 2022).

Вопрос в том, насколько исключение понятия «услуги» исключает услугу как логику дела, как часть сложившихся управленческих и иных социальных практик в общеобразовательных институтах. К преобразованию этого вопрошания в социальную проблему мы и приступим далее.

Методы

Наше исследование построено на институциональном подходе Дугласа Норта, а также дополнено концепцией государственного менеджеризма, развиваемой в работах В.В. Ковалева, А.В. Дятлова, Я.А. Асланова, А.Б. Пономарева.

Институционализм Норта позволяет концептуально определить понятийные границы того, что можно назвать в образовательной и иных сферах социальным институтом: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» (Норт, 1997, 17).

Методология, предложенная для исследований государственного менеджизма, позволяет сформировать понятийную оптику для анализа в выявленных институциональных границах образовательной среды, преобразуемой из сферы производства общественного блага в область получения специфических услуг. Остановимся подробнее на предлагаемой коллективом авторов методологической матрице проведения подобных исследований.

Государственный менеджизм понимается ими как особая управленческая идеология, которая используется «в целях повышения эффективности управления общественными процессами, что достигается благодаря переносу управленческих принципов, выработанных в коммерческих организациях, в область публичного управления» (Дятлов, Ковалев, Асланов, 2021, 30). Среди основных признаков менеджистского подхода в муниципальной сфере А.В. Дятлов, В.В. Ковалев и Я.А. Асланов выделяют следующие: децентрализация муниципального управления; широкое использование рыночных начал в муниципальном управлении; применение количественных показателей как индикаторов оценки эффективности муниципального управления (Дятлов и др., 2021, 30).

В рамках представленной методологической матрицы мы использовали для этого исследования анализ научной тематической литературы, данные, полученные от первичного наблюдения, а также сравнительный подход в изучении нормативной документации.

Результаты и их обсуждение

Приступим к изучению существующего дискурса по проблеме. Как мы уже упомянули выше, по понятным причинам социологическая литература богаче представлена по университетским менеджистским и иным управленческим практикам и связанным с ними проблемам. Научные работы и исследования, связанные с близкой проблематикой в пределах общеобразовательной школы, встречаются значительно реже. В основном в этом исследовательском секторе преобладают психологические и педагогические науки. Такой перекос в объемах и дисциплинах, возможно, связан с прямым физическим расположением социологов в университетском пространстве, их изолированностью от школьных институций, тогда как у педагогов и психологов ситуация совершенно иная. Так или иначе эти вопросы в настоящем исследовании нас не касаются.

Наиболее близко к изменениям в управленческих практиках внутри школы, которые можно обозначить как менеджизацию общего образования, приблизилась московский социолог О.В. Рогач. Так, в статье «Качество среднего образования в современных российских условиях: социологический анализ» автор определяет основные пробелы в деятельности общеобразовательных школ, привлекая для этого эмпирические данные (опросы населения, родительского сообщества и местных органов власти в Московской области): «...недостаточный уровень компетенции педагогических кадров, падение престижа профессии учителя, увеличение объема платных образовательных услуг, деформация оценки знаний. Учительский труд в современных условиях редуцирован до натаскивания на выполнение стандартных заданий. Введение единого государственного экзамена рассматривается как фактор ухудшения качества подготовки и знаний учащихся» (Фролова, Рогач, 2017, 134).

К ним исследовательница добавляет и такие проблемы, как «недостаточный объем финансирования, проблемы в развитии материально-технической базы школ, низкий уровень участия родительской общественности» (Фролова, Рогач, 2017, 131), а также «значительную тревогу вызывает возрастание количества платных обра-

зовательных услуг при недостаточности объема школьных знаний для сдачи единого государственного экзамена» (Фролова, Рогач, 2017, 133). И, что представляет существенную значимость для настоящей статьи и возможных последующих работ, О.В. Рогач как интегральное понятие, к которому сводятся, по существу, все выделенные пробелы с проблемными точками основного общего и среднего общего образования, выделяет качество образования. Вместе с тем существенный недостаток приведенного вывода – это отсутствие сформулированного хотя бы в обобщенном, абстрактном виде понятия качества образования. Автор статьи после приведения разрозненных недостатков существующих управленческих практик в школьном институте просто сводит, точнее, разделяет качество образования вообще на множество разнородных, сегментированных качеств (Фролова, Рогач, 2017, 133).

Другим значимым и полезным для наших исследований моментом в приведенной статье представляется обращение внимание на развитие в школьном менеджменте тенденции на самокупаемость: «Ориентация на самофинансирование и самокупаемость образовательных учреждений, коммерциализация социальной инфраструктуры инициировали увеличение объема платных услуг для населения» (Фролова, Рогач, 2017, 133). Этот тренд вполне подпадает под один из трех указанных признаков присутствия в социальном институте менеджериализма как управленческой идеологии, а именно под широкое использование рыночных начал в муниципальном управлении: «...выражается в отождествлении публичного управления с управлением коммерческой организацией. Местные органы власти по формальным признакам начинают функционировать в образе квазикommerческой структуры, оказывающей населению возмездные или безвозмездные услуги» (Дятлов и др., 2021, 30–31).

Вместе с тем советы по разрешению выделенного проблемного массива представляются нам недостаточными. Маловероятно, что предложенное более глубокое включение родительского сообщества в школьное управление изменит работу структуры, направленную на достижение специфических количественных показателей (ЕГЭ, ОГЭ, ВПР и т. д.). То же самое касается изменений подготовки педагогических кадров. А тезисы по типу пересмотра полномочий управленческих органов в сторону большей децентрализации и демократизации при их реализации, скорее, усугубят проблему. Ведь децентрализация – тоже одна из характеристик «менеджеристской триады», выделенной А.В. Дятловым, В.В. Ковалевым и Я.А. Аслановым, определяемая как «перераспределение функций и прерогатив, при котором основные полномочия перемещаются на нижние этажи пирамиды управления, включая выстраивание прочных связей с институтами гражданского общества и бизнеса, сотрудничающего с органами власти на началах муниципально-частного партнерства» (Дятлов и др., 2021, 30). Усиление одного признака менеджериализма не позволит снизить последствия от другого.

Во многом такие недостаточно действенные практические советы по корректировке и налаживанию работы общеобразовательных институтов связаны с тем, что О. В. Рогач после приведения достаточно богатого эмпирического материала как экспертных групп, так и результатов опросов родительского сообщества, подведения этой эмпирики через теоретическое обобщение к проблеме качества образования, останавливается. Исследовательница не решается выявить примерное определение качества, характеризуя его через реализацию и достижение множественных эффектов. И все-таки важно то, что в этих формулировках употребляется выражение «качество образовательных услуг». Именно фиксирование образования как ряда особых услуг, т.е. существование авторской позиции в границах менеджеристской идеологии, не позволяет ей прийти к решению дефинитивных проблем при помощи создания

связки между качеством образования и образованием как особым общественным благом.

В других статьях О.В. Рогач, соавторских и самостоятельных, таких как «Анализ удовлетворенности родителей школьным образованием: ключевые проблемы и точки роста», «Особенности государственного регулирования сферы образовательных услуг в России» и «Модернизация школьного образования в оценках родительской общественности» представлены примерно те же тезисы и практические предложения. Только в третьей статье к указанным выше средствам устранения дисфункций общеобразовательной системы предлагается «формирование креативных пространств в школьной среде, имеющих целью смену курса образовательной политики с “массовости” школьной подготовки в сторону развития потенциала выпускников школ» (Рогач, Фролова, Рябова, 2019, 190). А во втором тексте прибавляются важные уточнения по поводу качества образования: «Мы полагаем, что качество образования (образовательных услуг) не равно образовательному стандарту и не может рассматриваться через иные “качественные” характеристики. Скорее качество образования выступает отражением свойств системы (в данном случае образовательной), обеспечивающих достижение такого образовательного результата, который необходим потребителю образовательных услуг. Исходя из данного толкования можно предположить, что качество образовательных услуг не должно меняться вместе с изменением потребностей клиента – потребителя продукции образовательного учреждения» (Рогач, 2016, 50).

В этой последней статье наблюдается приближение через конкретизацию понятия «качество образования» к проблематике осуществления менеджеристских установок в общеобразовательной среде, но затем переход к практическим советам о воплощении инновационного пути развития школьного образования вновь отводит исследовательницу от изучения указанных управленческих пробелов как следствия доминирования идеологии государственного менеджериализма.

О присутствии менеджеристской идеологии в общеобразовательных институтах свидетельствует система рейтингов школ, начиная с городского и заканчивая общефедеральным охватом. Притом рейтинговая система как показатель эффективности конкретной школьной организации, рассматриваемый как синоним конкурентоспособности, позволяет говорить о наличии рынка общего образования в России (Дубаневич, Геммерлинг, 2016), т.е. о существовании квазикоммерческих практик в муниципальном секторе. Тем не менее сами способы рейтингования и то, какую роль они должны занимать в определении объемов финансирования общеобразовательных организаций, пока еще остаются дискуссионными и неоднозначными. О последнем свидетельствует выход в свет сборника «Рейтинги в образовании: от разовых практик к культурным решениям» от Высшей школы экономики, демонстрирующего многообразие методов, практик и неоднозначность самих подходов для количественного оценивания качества образования в тех или иных школах, их успешности.

Более того, некоторые следствия использования бизнес-управления в общем образовании, как показано в другом исследовании Высшей школы экономики, сконцентрированном на изучении общеобразовательных институций Калининградской области, негативно отражаются на качестве обучения: «Все больше свидетельств того, что масштаб и интенсивность применения инструментов бизнес-управления не слишком хорошо влияют на качество образования. Скорее, как показывают наши исследования, отражаются негативно. Это проявляется в снижении психологического благополучия в школе, в выгорании учителей, стрессе учащихся, в практиках отсева и селекции учеников. Думаю, мы еще 3–4 года не избавимся от этого заблуждения» (Почему не стоит

полагаться..., 2019). А из-за концентрации внимания на успешных образовательных учреждениях не видна ситуация, а значит, и полная картина, включающая «отстающих» в рейтинге. Именно эта тенденция затемняет феномен так называемых резидентных школ (Пинская и др., 2018). Вызывает вопросы и то, насколько, допустим, средние баллы выпускников школ по ОГЭ и ЕГЭ могут реально показывать уровень подготовки конкретной среднеобразовательной организации, если зачастую дети готовятся к итоговым экзаменам вне стен самой школы (Гурова, 2022).

Также важно, что в школах можно выделить такой менеджеристский инструмент, как «эффективный менеджер» (Дятлов и др., 2021, 32). Ведь с последними заключаются эффективные контракты с показателями для мониторинга эффективности руководителей общеобразовательных организаций. Например, по приказу № 937 от 30.12.2021 Управления образования г. Батайска предусмотрено 15 блоков для оценки деятельности директора общеобразовательной городской школы. В числе прочих указывается и такой балльный модуль, как «Дополнительное образование и воспитательная работа в школе», который считается реализованным при достижении определенного по количеству охвата частными внутришкольными услугами. Максимальный показатель по этому рейтингу эффективности для школьного директора в Батайске – 380 баллов. Высокая степень эффективности начинается с 304 баллов, а барьер для низкой степени, неудовлетворительной оценки работы управленца оставлен в 149 баллов.

Итак, отметив выше пробелы в имеющемся дискурсе в социологии управления о качестве образования в школах, а также выделив нормативно установленные количественные показатели эффективности работы школы и их руководителей, предположив для будущих исследований концепцию менеджеризма как полезную и удобную объяснительную рамку этих разрозненных фактов, мы закончим коротким анализом недавно появившейся в российском общем образовании практики проведения ВПР. И обнаружим в ее характеристиках совпадение со всеми тремя элементами менеджеристской триады, указанной выше.

ВПР – Всероссийские проверочные работы – это единый измерительный срез по всем школам и всем классам, который заменил собой промежуточные контрольные работы, ранее проводившиеся самими школами самостоятельно и вне некоего одного стандарта. Результаты ВПР влияют на рейтинг школы, из-за чего измерение успеваемости детей по тем или иным предметам превращается в дополнительные часы подготовки на уроках в ущерб образовательной программе (Волошко, 2018). При этом, что еще важнее, ВПР – тот вид экзамена, который не проверяется, как ЕГЭ и ОГЭ, под строгим контролем другими образовательными учреждениями. ВПР проверяет сама школа, зачастую те же учителя-предметники, которые и работают с детьми. И это при том, что цель ВПР – получение реальных данных о качестве и результатах обучения, насколько полно учащиеся осваивают знания и навыки, установленные федеральным государственным образовательным стандартом общего образования, – подразумевает именно проверку прежде всего эффективности работы учителей и школы в целом.

Таким образом, в рамках ВПР мы видим все три основные черты воплощения менеджеризма как идеологии:

- единый количественно измеряемый стандарт (ВПР, суммарные баллы которого влияют на городской и областной рейтинги школы);
- децентрализация управленческой деятельности (ВПР проводится целиком на средства самой школы, а также проверка написанных работ осуществляется ее же сотрудниками, зачастую самими учителями, обучающими этих детей);

- использование рыночных начал в управлении (школы ориентируют значительную часть своих ресурсов – время, материальные средства и т.д. – на максимальное повышение, только не прибыли, а результатов ВПР, которые позволят повысить место школы в общем рейтинге; это же приводит и к прямым фальсификациям результатов этой экзаменационной проверки, прежде всего к подведению оценки за ВПР к оценке за предыдущий год, так как один из главных пунктов успешного прохождения школой периода ВПР – малое количество расхождений прошлогодних результатов детей с теми, что показаны в ходе написания ВПР; ну и сокращение числа негативных оценок, «рисование» роста результатов учащихся также могут происходить по причине децентрализации и сведения как проведения, так и проверки ВПР на саму школу).

Заключение

Снижение качества образования, количественные способы оценки эффективности образовательных учреждений и их управленческих кадров, балльно-рейтинговые системы – все это отдельные проявления действующей менеджеристской идеологии. Во всяком случае, для начала наших будущих исследований и в подведение итогов этой работы можно вывести соответствующую гипотезу. Реальность менеджеризма в социальных институтах, связанных с предоставлением и производством основного общего и среднего общего образования еще только предстоит доказать после анализа собственных социологических опросов и глубинных интервью. Но пока изученная нами литература по смежным проблемам других социологов-управленцев, существование школьных рейтингов и эффективных контрактов с директорами школ позволяют обоснованно допустить заявленную гипотезу. И проведенное нами сопоставление практики проведения ВПР с выявленными характерными признаками менеджеризма (менеджеристская триада) тоже позволяет негласно выдвигать подобные идеи для более глубоких исследований.

Конечно, в поисках менеджеристских установок в управленческих стратегиях и количественных критериях оценки эффективности деятельности образовательных менеджеров нельзя выдавать желаемое за действительное. Например, те или иные вариации технократизма – за заявленный менеджеризм. Впрочем, установить границы того и другого в управлении общеобразовательными институциями также станет одной из задач наших последующих работ.

Литература

- Дубаневич, Л.Э., Геммерлинг, Т.В. (2016). Рынок общеобразовательных услуг в России: формирование и развитие. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, 227–231.
- Дятлов, А.В., Ковалев, В.В., Асланов, Я.М. (2021) Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления. *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*, 4, 23–35.
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Пинская, М.А. и др. (2018). Поверх барьеров: исследуем резильентные школы. *Вопросы образования*, 2, 198–227.
- Рогач, О.В. (2016). Особенности государственного регулирования сферы образовательных услуг в России. *Вестник Российского университета дружбы народов*, 3, 48–57.
- Рогач, О.В., Фролова, Е.В., Рябова Т.М. (2019). Модернизация школьного образования в оценках родительской общественности. *Перспективы науки и образования*, 4 (40), 183–193.
- Фролова, Е.В., Рогач, О.В. (2017). Качество среднего образования в современных российских условиях: социологический анализ. *Материалы Афанасьевских чтений*, 1 (18), 126–137.
- Волошко, Т. (2018). В чем смысл Всероссийских проверочных работ. И почему их так не любят учителя. Режим доступа: <https://mel.fm/ucheba/shkola/3820497-vpr>.

Гурова, Г. (2022). Высокие достижения или открытость для всех? Почему рейтинговая система управления российскими школами увеличивает социальное неравенство. Режим доступа: <https://knife.media/kpi-school/>.

Понятие «образовательная услуга» уберут из закона «Об образовании в РФ» (2022). Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/54762/>.

Почему не стоит полагаться на рейтинги школ (2019). Режим доступа: https://vogazeta.ru/articles/2019/8/9/quality_of_education/8838-pochemu_ne_stoit_polagatsya_na_reytingi_shkol.

Шалыто, А.А. (2022). Как из закона «Об образовании в РФ» исчезли «образовательные услуги». Режим доступа: <https://d-russia.ru/kak-iz-zakona-ob-obrazovanii-v-rf-ischezli-obrazovatelnye-uslugi.html>.

References

Dubanevich, L. E., Gemmerling, T. V. (2016). The market of general education services in Russia: formation and development. State and municipal administration. *Scientific Notes*, 4, 227–231.

Dyatlov, A.V., Kovalev, V.V., Aslanov, Ya.M. (2021). Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management. *Bulletin of the YuRSTU (NPI)*, 4, 23–35.

Frolova, E.V., Rogach, O. V. (2017). The quality of secondary education in modern Russian conditions: sociological analysis. *Materials of the Afanasiev Readings*, 1 (18), 126–137.

North, D. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Foundation of the economic Book “Beginnings”.

Pinskaya, M.A. et al. (2018). Over the barriers: exploring resilient schools. *Questions of Education*, 2, 198–227.

Rogach, O. V. (2016). Features of state regulation of the sphere of educational services in Russia. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, 3, 48–57.

Rogach, O.V., Frolova, E.V., Ryabova T.M. (2019). Modernization of school education in the assessments of the parent community. *Prospects of Science and Education*, 4 (40), 183–193.

Gurova, G. (2022). High achievements or openness to everyone? Why the rating management system of Russian schools increases social inequality. Available at: <https://knife.media/kpi-school/>.

Shalyto, A.A. (2022). How “educational services” disappeared from the law “On Education in the Russian Federation”. Digital Russia. Available at: <https://d-russia.ru/kak-iz-zakona-ob-obrazovanii-v-rf-ischezli-obrazovatelnye-uslugi.html>.

The concept of “educational service” will be removed from the law “On Education in the Russian Federation” (2022). Available at: <http://duma.gov.ru/news/54762/>.

Voloshko, T. (2018). What is the meaning of the All-Russian verification works. And why they are so disliked by teachers. Available at: <https://mel.fm/ucheba/shkola/3820497-vpr>.

Why not rely on school ratings (2019). Conduct education. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2019/8/9/quality_of_education/8838-pochemu_ne_stoit_polagatsya_na_reytingi_shkol.

Дата получения рукописи: 06.03.2023

Дата окончания рецензирования: 20.04.2023

Дата принятия к публикации: 24.04.2023

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич – студент-магистрант, преподаватель, Лицей Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: koznew@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kazantsev Osip Andreyevich – master student, teacher, Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don; Russia, e-mail: koznew@bk.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.73

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.10

EDN ESXRJO

**Роль общественного мнения
в сохранении культурно-исторических объектов г. Ростова-на-Дону****Ксения А. Поливанова¹**

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: polivanovaksenia@ya.ru

Владислав В. Рак¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: rak@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения роли общественного мнения в решении вопросов сохранения культурно-исторических объектов в г. Ростове-на-Дону. Ставится проблема двойственности роли общественного мнения, когда, с одной стороны, ростовчане готовы выражать и отстаивать свои взгляды касательно сохранения исторических зданий, и общественный резонанс дает результат. В то же время, с другой стороны, фиксируются минимальные цифры вовлечения населения в решение вопросов по данной теме и количества прецедентов, когда общественное мнение учитывается администрацией города при принятии решений. Выдвигается гипотеза, согласно которой отсутствие налаженной коммуникации между населением и властью может привести к утрате исторического фона, который является отличительной чертой идентичности Ростова-на-Дону. Представлены кейсы, иллюстрирующие двойственность роли общественного мнения.

Методы. Исследование проведено при помощи мониторинга публикаций местных СМИ. Объект – примеры транслирования общественного мнения по вопросу сохранения культурно-исторических объектов в г. Ростов-на-Дону и реакции властей. Перечень анализируемых местных СМИ: DON24.ru, 161.ru, «МойФасад», Фонд «Внимание», «Блокнот-Ростов».

Результаты и их обсуждение. Ростовчане могут выходить на улицы в знак поддержки проведения акции по сохранению зданий, собирать петиции, выходить на связь с представителями администрации, тем самым транслируя общественное мнение. Общественный резонанс, порожденный общественным мнением, влияет на процесс принятия решения властями и усиливает транслирование, продвижение, увеличение количества вовлеченных, заявляющих о своих взглядах со стороны населения. Но таких прецедентов мало. Фиксируется низкая активность населения в целом в решении данных вопросов, что связывается с нарушением каналов коммуникации между населением и властью.

Ключевые слова: культурно-исторический объект; общественное мнение; сохранение зданий; историческое здание; коммуникация с населением; резонанс в СМИ; сохранение и использование; демонтаж зданий.

Для цитирования: Поливанова К.А., Рак В.В. (2023). Роль общественного мнения в сохранении культурно-исторических объектов г. Ростова-на-Дону. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 104–116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.10>

**The role of public opinion in the preservation
of cultural and historical objects of Rostov-on-Don****Ksenia A. Polivanova¹**

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
email: polivanovaksenia@ya.ru

Vladislav V. Rak¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: rak@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the need to study the role of public opinion in solving the issues of preserving cultural and historical objects in the city of Rostov-on-Don. The problem of the duality of the role of public opinion is posed, when, on the one hand, Rostovites are ready to express and defend their views regarding the preservation of historical buildings, and public outcry gives a result. At the same time, on the other hand, the minimum figures for the involvement of the population in resolving issues on this topic and the number of precedents when public opinion is considered by the city administration when making decisions are recorded. A hypothesis is put forward, according to which the lack of established communication between the population and the authorities can lead to the loss of the historical background, which is a hallmark of the identity of Rostov-on-Don. Cases illustrating the duality of the role of public opinion are presented.

Methods. The study was conducted by monitoring the publications of local media. Object – examples of broadcasting public opinion on the issue of preserving cultural and historical objects in the city of Rostov-on-Don, and the reaction of the authorities. List of analyzed local media: DON24.ru, 161.ru, MoyFacade, Attention Foundation, Notebook-Rostov.

Results and discussion. Rostovites can take to the streets in support of the action to preserve buildings, collect petitions, get in touch with representatives of the administration, thereby broadcasting public opinion. The public outcry generated by public opinion influences the decision-making process by the authorities and enhances broadcasting, promotion, and an increase in the number of people involved who express their views on the part of the population. But there are few such cases. The low activity of the population in resolving these issues is recorded, which is associated with a violation of communication channels between the population and the authorities.

Keywords: cultural and historical object; public opinion; building conservation; historical buildings; communication with the public; resonance in the media; preservation and use; demolition of buildings.

For citation: Polivanova K.A., Rak V.V. (2023). The role of public opinion in the preservation of cultural and historical objects of Rostov-on-Don. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 104–116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.10>

Введение

В Ростове-на-Дону сохранилось около 2500 исторических зданий, что входит в топ показателей по стране – четвертое место. Исторические фасады Ростова берут свою историю с конца XIX в. и являются неотъемлемой частью облика современного города. В перечень объектов культурного наследия регионального значения Ростова-на-Дону на 17 марта 2023 г. входит 383 здания, в перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) государственного (федерального) значения – 15 объектов, в перечень выявленных объектов культурного наследия г. Ростова-на-Дону (памятников истории, архитектуры, монументального искусства) – 121 (Перечень объектов культурного наследия...). Доля объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности и требующих консервации или реставрации, в общем количестве объектов культурного наследия Ростова-на-Дону в период с 2018 по 2021 г. сократилась с 78 до 61% (Постановление Администрации города...). Вопрос сохранения данных объектов с каждым годом становится более резонансной темой в средствах массовой информации. Процесс принятия решения о сносе или сохранении исторических зданий в рамках городского пространства Ростова-на-Дону отражает двойственную природу общественного мнения, где активность вовлечения населения в отстаивании собственных взглядов относительно сохранения исторических зданий своего города соотносится со степенью резонирования и распространения новости в местных СМИ. Представители общественных движений (лидеры общественного мнения) занимают позицию сохранения как можно большего числа исторических объектов, опираясь на субъективные представления об исторической ценности (визуальное восприятие, сопровождающие здание исторические факты). Транслируется данный подход на площадках интернет-сообществ, блогов, сайтов по собиранию подписей для петиций. Население готово выходить на акции по поддержке идеи сохранения здания годов Великой Отечественной войны, но таких

случаев зафиксировано малое количество, как и подписей в петициях. Одновременно с этим власти города свою деятельность в рамках данного процесса регламентируют строгим алгоритмом действий, базируясь на нормативных актах, регулирующих процесс принятия решения, что существенно сужает перечень объектов, за сохранение которых борется население. С одной стороны, снос зданий в глазах населения – акт вандализма, равнодушия власти к истории города, с другой, для властей снос является рутинным событием, которое выполняется в соответствии с предписанной документацией, подразумевающей демонтаж аварийно-опасных зданий. Для построения конструктивного диалога и налаживания связи с общественностью по решению данных вопросов была создана комиссия, а на сайте Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области действует окно обращений граждан. Однако сбор комиссии был организован один раз за все время ее существования, количество обращений населения в окно не доходит до 100 за 2022 г. Приведенные данные свидетельствуют о низком уровне выражения общественного мнения по вопросам сохранения культурно-исторических объектов Ростова-на-Дону и низкой эффективности существующих инструментов и каналов коммуникации между органами власти и представителями общественности.

Цель работы заключается в изучении факторов и процесса формирования общественного мнения населения в г. Ростов-на-Дону по вопросам сохранения культурно-исторических объектов и его взаимодействия с органами власти.

Нормативный статус объектов культурного наследия

Основным законом, определяющим правовой статус объектов культурного наследия (ОКН), является Федеральный закон 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В нем закреплены основы, регулирующие выявление, использование, учет и обеспечение сохранности ОКН. Органы государственной власти субъекта осуществляют сохранение, использование ОКН, находящихся в собственности этого субъекта, и охрану ОКН регионального значения и выявленных ОКН. Органы местного самоуправления – сохранение ОКН, находящихся в собственности муниципальных образований, охрану ОКН местного значения. Забота об объекте ложится на органы власти того или иного уровня в зависимости от его категории, т.е. историко-культурного значения (Денисова, 2017, 23), или на граждан и юридических лиц, в чьей собственности находятся данные объекты. Часто данные здания являются жилыми помещениями или многоквартирными домами, собственники которых не могут исполнять требования федерального закона по сохранению объекта культурного наследия, что ведет к разрушению памятника архитектуры и ухудшению жилищных условий собственников. Снос ОКН запрещается и возможен только при сценарии исключения объекта из реестра в случае полной физической утраты ОКН или утраты им историко-культурного значения. Сохранение ОКН согласно Федеральному закону № 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) может быть выполнено в соответствии со следующими направлениями: реставрация, ремонт, воссоздание, приспособление, консервация (Федеральный закон...).

Теоретические основы исследования

Социальная коммуникация является связующим звеном между представителями власти и представителями общественного движения. Подтверждением этого является рассмотрение представителей как акторов определенных социальных групп (власть и активисты), чье взаимодействие сводится к обмену информацией, которая влияет на поведение коммуникативных объектов взаимодействия (снос или

сохранение зданий). Отдельное место среди субъектов коммуникационного процесса отводится застройщику, который одновременно связан с обоими акторами процесса (для власти застройщик является реализатором ее решения или инициатором, мотивирующим принять определенное решение; для активистов он предстает как один из представителей населения, но противопоставленный общественному мнению, что связано с редкими случаями положительной оценки действий застройщика). Рассматривая данную цепочку с точки зрения парадигмы Н. Лумана, где есть отправитель и получатель, между которыми происходит обмен информацией (Головин, 2012), мы можем говорить о несостоятельности данной социальной коммуникации, где отправленное сообщение не доходит до получателя либо доходит некорректно. Н. Луман утверждал, что успех социальной коммуникации основан на понимании информации (Луман, 2007), что, в свою очередь, приводит к образованию новых социальных систем, которые в дальнейшем продолжают поддерживать коммуникативный импульс, давший начало рассматриваемому социальному действию. Коммуникация власти и активистов стихийна, непланомерна, нерегулируема нормативными актами и не структурирована. Мы можем это наблюдать в следующем: власть не выходит на связь для комментирования своих действий (только после общественного резонанса), процедура принятия решения о сносе или сохранении здания не является открытой и прозрачной для возможности стороннего наблюдения процесса (всю информацию о возможных сносах исторических зданий активисты узнают из опубликованных решений, перечней на снос на сайте администрации либо от третьих лиц). Данный же факт влияет на то, что население склонно давать негативную оценку действиям застройщика, который, в свою очередь, выполняет государственный заказ и в своих действиях в первую очередь ориентируется на коммерческую привлекательность проекта строительства. В глазах населения происходит условный обмен старого здания на новую постройку, и выглядит он как стремление застройщика к коммерческой выгоде, а не к улучшению городского пространства. Все вышеперечисленное является факторами, преломляющими коммуникацию. Когда же она налаживается, мы видим, в подтверждение теории Н. Лумана, как результатом становится образование новой общественной структуры для поддержания нового уровня сложности общества (появление комиссии по аварийному фонду при администрации Ростова-на-Дону).

В свое время Н. Луман к средствам коммуникации относил: электронные средства коммуникации, средства массовой коммуникации и интернет. На данный момент интернет является основной площадкой, объединяющей различные виды средств массовой коммуникации (телевидение, радио, книги, реклама и т.д.). В соответствии с эпохой глобальной цифровизации данное средство коммуникации является основополагающим в рамках не только обсуждения темы данной статьи, но и всего глобального социума. Интернет – это не только средство для коммуникации, но и «четвертая власть» (Каманина, 2021), посредством которой журналистская деятельность может влиять на общественные процессы (новостные выпуски местного телевидения, форумы, блоги общественных фондов, придающие общественной огласке решения о сносе или сохранении здания).

Методы

Для понимания общественного мнения относительно такого процесса, как снос или сохранение исторических объектов, использовались: мониторинг публикаций СМИ, посвященных данной тематике, и отчеты о деятельности общественных организаций, занимающихся сохранением исторических объектов. Исследование, описанное в данной статье, основано на анализе нормативно-правовых актов, отчетов

и открытых данных органов исполнительной и муниципальной власти г. Ростова-на-Дону, проведенном с целью выявления юридических оснований сохранения объектов исторического и культурного наследия и актуального состояния ситуации по сохранению объектов культурного наследия.

Решение о сносе или сохранении культурно-исторического объекта как социальный процесс. Снос или сохранение исторического здания – определенный социальный процесс, в котором есть субъект (администрация, общественность) и объект (исторические здания), взаимосвязанные одним территориальным и историческим контекстом. Данный процесс предполагает определенное социальное действие, а именно результат решения администрации о сохранении того или иного здания на территории городского пространства. Чаще всего посредником в структуре «принятие решения – реализация решения» становится застройщик, в чью область интересов входит ускоренный процесс расчистки участка для начала строительства нового здания и лоббирование принятия в нормативных документах более выгодных с коммерческой точки зрения высотных ограничений для строительства в исторических районах города, в том числе в рамках проекта объединенной зоны охраны в центре Ростова, который планируется принять в конце 2023 г. При анализе информационных источников выявлено, что субъекты данного социального процесса и общественное мнение по теме в большинстве случаев становятся антагонистами, чьи взгляды на решение по одному и тому же объекту поляризованы и редко находят единение в консенсусе.

С одной стороны, существует власть в лице администрации города. Для нее принятие решения о сносе или сохранении исторического здания сводится к определению статуса здания – является оно ОКН или нет. Подавляющая часть таких строений находится в разрушающемся или в полуразрушенном состоянии. Под демонтаж попадают объекты, признанные аварийными, опасными для проживания. Невозможность проживания в таких зданиях подтверждают бывшие жильцы (Реквием по исторической...). Многие демонтированные постройки на момент принятия решения о сносе самостоятельно обрушивались, задевая близлежащую инфраструктуру города (В центре Ростова...). Представители администрации и регионального правительства не раз публично заявляли о стремлении сохранить как можно больше исторических зданий, составляющих целые кварталы, для поддержания исторического фона и туристической привлекательности города (Губернатор попросил власти...). Для этого выдвигались предложения о привлечении инвесторов, представителей бизнеса, которые бы на собственные средства производили реставрацию зданий и эксплуатировали бы их в собственных целях, так как имеющегося бюджета недостаточно для проведения восстановительных работ всех исторических зданий. С этой же целью была запущена программа «Дом за рубль» (Программа «Дом за рубль»...). В то же время публичные заявления администрации расходятся с происходящими далее событиями, как было, например, с судьбой домов № 30 и 32 по пер. Семашко. Строения было решено снести из-за их разрушающегося состояния, в котором они находились не первый год, подвергались не раз вандализму и разграблению. Администрация причислила их к «рухляди города» (Вопрос сноса домов...). Активисты были с этим не согласны. Дом на Семашко, 32 входил в реестр ОКН, но в 2020 г. был исключен из него, а в 2021 г. оба дома были объявлены обязательными для сноса. В 2022 г. участники общественного движения «МойФасад» вели переговоры с инвестором – депутатом Арутюном Сурмаляном (Власти Ростова объяснили...), вложениями которого возможно было бы сохранить дом на Семашко, 30. На волне общественного резонанса по предстоящему сносу зданий была создана комиссия по аварийному фонду при администрации Ростова-на-Дону, которая 15 апре-

ля провела заседание по данному вопросу. В состав комиссии входила руководитель спецпроектов фонда «Внимание» Елена Чернышева. Решением относительно упомянутых зданий стало их сохранение. Тем не менее в мае оба здания были снесены, что вызвало новую волну освещения данного вопроса в СМИ. Администрация объяснила данное происшествие ошибкой работника экскаватора.

С другой стороны рассматриваемого социального процесса есть представители общественных движений по защите исторических зданий. Для них каждое историческое здание – это элемент истории города, который необходимо сохранить для будущих поколений (В сохранении исторического...). Решение о сносе зданий расценивается активистами как легкий способ избавиться от «рухляди» («Властям проще все снести»...). Освещение данных вопросов в СМИ помогает привлечь внимание не только населения, но и самой администрации, выйти с ней на площадку для обсуждения дальнейшей судьбы архитектурных объектов. Например, так было с домом по ул. Станиславского, 39, который тоже должен был быть снесен по решению властей города (Как исчезает старый Ростов...). Активисты организовали подпись петиции среди ростовчан, к дому приносили цветы, тем самым организовав акцию в поддержку сохранения данного строения, ценность которого была в том, что это одно из немногих зданий, уцелевших после Великой Отечественной войны, следы от пуль на фасаде которого были доказательством этого. Как итог, дом попал в перечень ОКН, что обеспечило ему неприкосновенность для демонтажных работ (В Ростове дом...). Проведя анализ деятельности представителей общественных движений при изучении местных информационных ресурсов, мы сделали вывод, что деятельность общественников носит стихийный характер и степень ее активности обуславливается уровнем обсуждения данной темы на площадках интернет-сообществ, где пользователи высказывают собственное мнение и предположения, в большинстве случаев искажающие действительность. Так, на местном телеканале транслировался новостной выпуск от 10 февраля 2023 г., где в основе сюжета было убеждение активистов в сносе доходного дома купца Чернова на Буденновском проспекте (Ростовские общественники...). Данный вывод был сделан на основе документов на разрешение строительства, выданных администрацией Ростова-на-Дону, где значился адрес дома купца Чернова. Согласно комментариям ростовского архитектора Сергея Алексева, резонанс мог быть ложным, так как адрес подразумевает площадь не самого здания, а пространства за ним, которое является пустующим участком.

Общественный резонанс как инструмент взаимодействия населения с властью. Местные информационные ресурсы (DON24.ru, 161.ru, «МойФасад», Фонд «Внимание», «Блокнот-Ростов») регулярно размещают новостные сводки по состоянию историко-архитектурной среды в Ростове-на-Дону на предмет сноса исторических зданий, вызывающие общественный резонанс. С целью выявления общественного мнения по данной тематике нами было рассмотрено несколько таких сносов: в 2021 г. – дом священника Федора Маляревского по ул. Социалистической, 102 (Власти Ростова приступили...) и доходный дом нахичеванского купца и одного из директоров акционерного общества «Аксай» Григория Аксенова по ул. Суворова, 36 (В Ростове на Суворова...); в 2022 г. – дом по пер. Семашко, 30, принадлежавший купцу Николаю Аджемову – армянскому меценату конца XIX в., и пер. Семашко, 32 – здание Общества взаимного кредита, с которым связана легенда про крупнейшее ограбление в Ростове (Старый Ростов...).

Все четыре здания были признаны аварийными и, не имея статуса ОКН (что гарантировало бы им сохранность), были демонтированы по распоряжению администрации. Активисты в лице общественного движения «МойФасад» (МойФасад...) и

фонда «Внимание» (Внимание: фонд сохранения...) отстаивали данные здания с позиции сохранения исторического облика города при помощи реставрационных работ, аргументируя данное предложение выгодностью, так как снос зданий предполагал переселение жильцов и денежные выплаты для предоставления жилищного пространства взамен (В Ростове снесут...). Население транслировало свою позицию через интернет-страницы местных информационных порталов «МойФасад» (Снос домов на Семашко...) и «Блокнот-Ростов (Новости СМИ)» (Старый Ростов...), лидеров мнений представляемого общественного движения, телевидение (путем участия в подготовке сюжета для местного телеканала), через прямые контакты представителей общественных движений с представителями администрации и комитетом по охране ОКН. Несмотря на использование вышперечисленных инструментов в целях убеждения органов власти сохранить исторические дома, результат для всех был один – демонтаж.

Позиция населения – отражение состояния зрелости гражданского общества. Используя средства коммуникации, население формирует общественное мнение, которое принимает форму обратной связи, предназначенной для властей города, транслируя позицию ростовчан по судьбе определенного исторического строения и в целом по ситуации градостроения в городе. Проанализировав представленные сюжеты из практики взаимодействия администрации и активистов в Ростове-на-Дону, мы можем говорить, что общественное мнение в большинстве случаев не становится решающим фактором для администрации при принятии решений о сносе или сохранении зданий. Само по себе общественное мнение транслируется стихийно, запускается узким кругом активистов. Население начинает высказывать свою позицию только при условии широкого резонирования (подписывают петиции, выходят на улицы в знак поддержки акции). Данный факт отражает для нас проблему несостоятельности гражданского общества, что характерно не только для Ростова-на-Дону, но и для всей страны. Социальных сил населения не хватает, чтобы вступить с властью в дискурс, стать полноправным объектом социального процесса, в равной степени влиять на его результат. Сильное общественное мнение придает власти легитимность в принятых решениях. Как мы видим в рассматриваемом аспекте, случаи, когда власть (администрация) действует совместно с населением (активистами), единичны. У представителей общественных движений нет авторитета в глазах администрации, который бы гарантировал принятие во внимание их точки зрения и позиции, отсутствует направленность на сотрудничество по отстаиванию прав, интересов и реализации личностного потенциала населения, что характерно для гражданского общества (Зборовский, 2014). Мы наблюдаем попытки формирования данного общества (организация комиссии как инструмент для установления прямой коммуникации между администрацией и активистами, властью и населением), но говорить о полноценном его функционировании пока не можем.

Нами рассматривались инициативы и проекты в области сохранения объектов культурного наследия в г. Ростове-на-Дону, осуществляемые как общественными объединениями, так и органами государственной власти. Одной из подобных инициатив является «Том Сойер Фест в Ростове-на-Дону» – часть масштабного ежегодного фестиваля «Том Сойер Фест», который берет свое начало в 2015 г. и стремительно развивается. Так, в 2018 г. фестиваль приобрел международный статус, а в 2021 г. состоялся уже в 39 городах и населенных пунктах. В рамках ежегодного фестиваля активисты восстанавливают историческую среду и ведут сбор средств на осуществление и подготовку проектной документации для реставрационных работ. За три сезона фестиваля в Ростове-на-Дону отреставрированы три объекта: исторический фасад дома по ул. Обороны, 64, мозаичная скульптура «Рыбка и волна» и фонтан «Лиры».

Последние два объекта были отреставрированы с помощью грантов, предоставленных фондом «Внимание».

Согласно информации с официального сайта фонда «Внимание», деятельность организации направлена на сохранение исторического наследия в России. Основным направлением работы фонда является сбор средств и предоставление грантов на реставрационные работы по заявкам жителей или организаций со всех регионов России. В Ростове-на-Дону совместно с местными организациями и жителями были осуществлены следующие проекты:

- фонтан «Лиры», Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 40 А. Сумма гранта: 324 322 руб. Проект реализован совместно с «Том Сойер Фест»;
- мозаичная скульптура «Рыбка и волна», Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 174/172. Сумма гранта: 189 680 руб. Проект реализован совместно с «Том Сойер Фест»;
- ворота дома, Ростов-на-Дону, ул. Тургеневская, 40. Сумма гранта: 101 207 руб. Проект реализован совместно с «Том Сойер Фест».

На стадии реализации находятся два проекта:

- дом Кобылиных, Ростов-на-Дону, ул. 1-я Майская, 39. Сумма гранта: 176 396 руб. Проект реализуется совместно с собственниками объекта;
- волонтерские акции в Ростове-на-Дону по восстановлению дореволюционной лестницы, Ростов-на-Дону, Ульяновская, 26. Сумма гранта: 0 руб. Проект реализуется участниками сообщества «МойФасад» при информационной поддержке фонда «Внимание» по инициативе жителей дома (Внимание: Фонд сохранения...).

В данный момент ввиду сократившегося объема пожертвований фонд «Внимание» не берет крупные проекты на реализацию и готов осуществлять на подобных объектах только консервационные и противоаварийные работы. Одним из таких объектов в Ростове-на-Дону является мозаичная скульптура «Древо жизни» авторства Геннадия Снесарева на площади Мичурина, на ее восстановление требуется несколько миллионов рублей, по этой причине Фонд ограничился проведением противоаварийных работ. На сайте фонда «Внимание» отсутствуют отчеты о работе фонда за последние годы, последний опубликованный отчет охватывает период 2018–2019 гг., однако и эти данные позволяют утверждать, что для реализации подобных проектов недостаточно пожертвований от частных лиц и требуется значительная финансовая поддержка со стороны других источников.

Общественное объединение «МойФасад» на своих информационных ресурсах («ВКонтакте» – 2 тыс. подписчиков; блог, каналы в «Телеграм» «МойФасад_помощь» – 115 подписчиков, «Мой фасад» – 762 подписчика, «Инстаграм»* – 5850 подписчиков; «Фейсбук»* – 537 подписчиков)¹ продвигает повестку сохранения городского исторического наследия. Работа общественного объединения ведется сразу по нескольким направлениям: информационная деятельность, очные мероприятия (фестивали, лекции, экскурсии), правозащитная деятельность, мобилизация общественности по вопросам сохранения архитектурного наследия Ростова-на-Дону. Регулярно выходят информационные посты с описанием состояния объектов культурного наследия, выявленных фактов нарушения поддержания их в должном состоянии, с призывами к общественности с целью обращения в органы власти по этим вопросам. Активисты сообщества проводят мониторинг изменений в кадастровом плане города и направляют заявки на выявление зданий как объектов

¹ *Деятельность запрещена на территории РФ.

культурного наследия в комитет по охране ОКН. В планах у сообщества наем юриста в команду на постоянную основу для более конструктивного взаимодействия с органами власти по вопросам сохранения ОКН. Также на пожертвования активисты сообщества арендуют складское помещение для хранения исторических деталей и планируют создать небольшой музей.

Перейдем к деятельности по сохранению архитектурных объектов и ОКН, осуществляемой муниципальными и региональными органами власти. В работе мы рассмотрим информационный охват данных организаций в интернете и взаимодействие с общественными организациями и гражданами. Главной организацией, осуществляющей данную деятельность, является комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области (250 подписчик в «ВКонтакте») и подведомственная ГАУК РО «Донское наследие» (47 подписчиков в «ВКонтакте»). В целях проведения работ по сохранению объектов архитектурного наследия комитетом за 2022 г. выдано 216 разрешений на проведение работ, согласовано 94 проекта по сохранению ОКН. Основным каналом взаимодействия является направление гражданами обращений в форме электронного документа в комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области, Так, за первый квартал 2022 г. зарегистрировано 49 обращений, за второй – 67 обращений, за третий – 71 обращение, за четвертый – 67 обращений. Обращения были направлены преимущественно по вопросам сохранения ОКН, а также по вопросам включения объектов, обладающих признаками ОКН, в Единый государственный реестр ОКН (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (Количество и характер обращений...). Муниципальное бюджетное учреждение «Центр по сохранению, использованию и популяризации памятников истории и культуры города Ростова-на-Дону» (12 подписчиков в «ВКонтакте») осуществляет оперативное управление 45 объектами четырех категорий:

- памятники и мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны – 20 шт.;
- ОКН – 12 шт. (мемориалы, памятники, бюсты, стелы);
- памятники и мемориалы – 21 шт.;
- мемориальный комплекс «Памяти жертв фашизма» в Змиевской балке.

Среди активностей «Центра по сохранению, использованию и популяризации памятников истории и культуры города Ростова-на-Дону», направленных на взаимодействие с гражданами, – организация экскурсий, конкурса детского рисунка и возложения цветов.

В 2022 г. в Ростове-на-Дону была создана комиссия по реализации мероприятий по сохранению исторического архитектурного облика города Ростова-на-Дону при проведении работ по сносу или реконструкции домов, признанных аварийными. Однако, по словам члена данной комиссии, Елены Владимировны Чернышевой – руководителя спецпроектов фонда «Внимание» и координатора общественного движения «МойФасад», в функционировании данной комиссии существует ряд проблем, ее решения не являются обязательными к исполнению и нарушаются, и «пока комиссия – просто имитация деятельности и трата времени» (Алексей Логвиненко..., 2022).

Таким образом, выше перечислены все каналы коммуникации граждан и общественных организаций с органами власти по вопросам сохранения объектов культурного наследия в Ростове-на-Дону. Следует отметить фактическое отсутствие региональных и городских грантовых конкурсов и программ, направленных на сохранение архитектурных объектов в городе и активизацию взаимодействия с гражданским обществом.

Заключение

Общественное мнение по вопросу о сохранении культурно-исторических объектов обладает двойственной природой. Мы можем наблюдать столкновение полярных позиций, каждая из которых, рассматриваемая в комплексе, не является однозначной. Решение властей о сносе исторических зданий воспринимается населением в большинстве случаев с негативной коннотацией и причисляется к легким способам решения большой финансовой проблемы. Анализируя нормативно-правовую базу и комментарии самих властей, мы можем говорить об их следовании определенному алгоритму при принятии решения: они руководствуются не только культурно-исторической ценностью того или иного объекта, а в целом возможностями регионального бюджета, оценкой состояния здания и его ценности, участка, на котором оно располагается, аспектом связи с инфраструктурой города и т.д. Отсутствие данного комплексного рассмотрения вопроса присуще представителям общественного движения. Можно констатировать и отсутствие четко сформулированной общественной позиции. Нами отмечается стихийность действий населения по вопросу сохранения культурно-исторических объектов. Активность и степень вовлечения в решение судьбы определенного строения возрастает с повышением степени обсуждаемости и резонирования в СМИ. Отстаивание позиции сохранения исторического облика города подкрепляется идеей преемственности ценностей и поддержания специфического культурного колорита, присущего только Ростову. Фактом остается влияние общественного голоса на решение властей по сохранению объектов, хоть и насчитывается таких прецедентов единицы.

Мы можем говорить о несовершенстве каналов коммуникации, обеспечивающих взаимодействие института власти с общественными организациями и активистами с целью сохранения культурного и исторического наследия Ростова-на-Дону. В результате анализа средств массовой информации, контента различных интернет-сообществ, форумов, блогов выявлено, что акторы осознают необходимость взаимодействия для эффективного сотрудничества, цель которого – сохранение исторического облика города. Однако существует ряд барьеров, ограничивающих претензии на сохранение каждого исторического здания, к которым относят: отсутствие финансирования для возможности поддержания зданий в надлежащем виде (ограниченность бюджета, в рамках которого невозможно осуществить реставрацию большого количества зданий), некачественную коммуникацию между населением и муниципальной властью (создан комитет, однако членами данного сообщества отмечается его формальность, а не эффективность), отсутствие должной реализации государственной поддержки в виде программ поддержки бизнеса для эксплуатации исторических зданий (в Ростове отсутствуют прецеденты работы программы «Дом за рубль»). При растущем влиянии СМИ и интернета на общественное мнение и порядок коммуникации между органами власти и населением отмечается низкий уровень активности и вовлечения аудитории на информационных ресурсах региональных и муниципальных органов власти, занимающихся вопросами сохранения культурного и исторического наследия. Одним из объясняющих факторов данного явления становится отсутствие эффективной стратегии продвижения и вовлечения населения в решение вопросов данного аспекта.

Литература

- Головин, Н.А. (2012). Социология Лумана в эмпирическом и теоретическом аспекте: итоги верификации сложной социологической теории. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 3, 174–182.
- Денисова, Е.Л. (2017). Правовой статус объектов культурного наследия. *Научный поиск*, 1, 23–26.

- Зборовский, Г.Е. (2014). Гражданское общество в зеркале социологии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 4(132), 135–146.
- Луман, Н. (2007). Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука РАН.
- Каманина, В.Е. (2021). Новые медиа в контексте реализации журналистами функций «четвертой власти». *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*, 4, 94–106.
- Алексей Логвиненко: в Ростове усилят работу комиссии по сохранению исторического облика города – что думает член комиссии про работу администрации. Режим доступа: <https://161.ru/text/gorod/2022/06/17/71418248/>.
- В Ростове дом-ветеран, который власти хотели снести, признали памятником культуры. Режим доступа: <https://bloknot-rostov.ru/news/v-rostove-dom-veteran-kotoryu-vlasti-khoteli-snest-1322447>.
- В Ростове снесут старинный дом купца Аксенова. Эксперт считает, что ремонт обошелся бы дешевле. Режим доступа: <https://161.ru/text/gorod/2021/11/15/70254152/>.
- В сохранении исторического наследия Ростову явно не хватает политической воли. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5130482>.
- В центре Ростова разрушился доходный дом XIX века, ждавший сноса более 10 лет. Режим доступа: <https://161.ru/text/incidents/2021/07/23/70041167/>.
- В Ростове на Суворова начали снос доходного дома нахичеванского купца. Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/zhkh/v-rostove-na-suvorova-nachali-snos-dohodnogo-doma-nahichevanskogo-kupca.html>.
- Власти Ростова объяснили снос двух исторических зданий ошибкой экскаваторщика. Режим доступа: <https://www.1rnd.ru/news/3394814/vlasti-rostova-obasnili-snos-dvuh-istoricheskikh-zdanij-osibkoj-ekska-torsika>.
- Власти Ростова приступили к сносу дома священника Маляревского в центре города. Режим доступа: <https://bloknot-rostov.ru/news/vlasti-rostova-prodolzhayut-snosit-istoricheskie-z-1412892>.
- «Властям проще все снести»: ростовский экскурсовод – о том, как сохранить исторический центр. Режим доступа: <https://bloknot-rostov.ru/news/vlastyam-proshche-vse-snesti-rostovskiy-ekskursovo-1316741>.
- Внимание: Фонд сохранения исторического наследия. Режим доступа: <https://fondvnimanie.ru>.
- Вопрос сноса домов № 30 и 32 в переулке Семашко в Ростове-на-Дону. Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/obshchestvo/vopros-snosa-domov-30-i-32-v-pereulke-semashko-v-rostove-na-donu.html>.
- Губернатор попросил власти Ростова померить пыл при сносе домов в историческом центре. Режим доступа: https://www.donnews.ru/gubernator-poprosil-vlasti-rostova-poumerit-pyl-so-snosom-domov-v-istoricheskom-tsentre_91232038.
- Как исчезает старый Ростов-на-Дону. Режим доступа: <https://save-rnd.ru>.
- Количество и характер обращений граждан, организаций и общественных объединений, поступивших в комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области в III квартале 2022 года. Режим доступа: <https://okn.donland.ru/documents/active/185247/?ysclid=lffx0ifq1o411092381>.
- МойФасад. Режим доступа: <https://www.moyfasad.org/?m=1>.
- Перечень объектов культурного наследия (памятников истории, архитектуры, монументального искусства) Ростовской области. Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области. Режим доступа: <https://okn.donland.ru/opendata/238/>.
- Программа «Дом за рубль» поможет привести в порядок объекты культурного наследия. Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/13001/>.
- Реквием по исторической застройке, или Почему исчезает старый Ростов. Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/eksklyuzivnyportal-zakryt-navsegda.html>.
- Ростовские общественники бьют тревогу: историческое здание в центре города могут снести. Режим доступа: <https://dontr.ru/novosti/rostovskie-obshchestvenniki-byut-trevogu-istoricheskoe-zdanie-v-tsentre-goroda-mogut-snesti/>.
- Снос домов на Семашко. Режим доступа: https://vk.com/wall-87184916_83110.
- Старый Ростов пережил оккупации, но не Логвиненко: в городе возобновились сносы вековых домов. Режим доступа: <https://161.ru/text/gorod/2022/05/25/71355209/>.
- Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230>.
- Постановление Администрации города Ростова-на-Дону №950 о внесении изменений в постановление Администрации города Ростова-на-Дону от 28.12.2018 № 1368 «Об утверждении муниципальной программы «Сохранение и развитие культуры и искусства города Ростова-на-Дону» (ред. от 18.08.2021). Режим доступа: <https://rostov-gorod.ru/upload/iblock/f35/77846329-77846670.pdf?ysclid=lffmv8rjqw870098586>.

References

- Denisova, E.L. (2017). Legal status of cultural heritage objects. *Scientific search*, 1, 23–26.
- Golovin, N.A. (2012). Luhmann's Sociology in an empirical and theoretical aspect: results of verification of a complex sociological theory. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 3, 174–182.
- Golovin, N.A., Petrenko, P.A. (2012). N. Luhmann's Theory of social communication in an evolutionary and communicative perspective. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 1, 159–168.
- Kamanina, V.E. (2021). New Media in the context of the implementation of the functions of the "fourth power" by journalists. *Bulletin of TULSU. Humanities*, 4, 94–106.
- Zborovsky, G. E. (2014). Civil society in the mirror of sociology. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, 4(132), 135–146.
- Aleksey Logvinenko: Rostov will strengthen the work of the commission for the preservation of the historical appearance of the city – what does a member of the commission think about the work of the administration. Available at: <https://161.ru/text/gorod/2022/06/17/71418248/>.
- Attention: Historical Heritage Preservation Fund. Available at: <https://fondvmanie.ru>.
- Attention: the Foundation for the Preservation of Historical Heritage. Available at: <https://fondvmanie.ru/about>.
- Demolition of houses on Semashko. Available at: https://vk.com/wall-87184916_83110.
- How old Rostov-on-Don disappears. Available at: <https://save-rnd.ru>.
- In Rostov, the veteran house, which the authorities wanted to demolish, was recognized as a cultural monument. Available at: <https://bloknot-rostov.ru/news/v-rostove-dom-veteran-kotoryy-vlasti-khoteli-snest-1322447>.
- In Rostov, the old house of the merchant Aksenov will be demolished. The expert believes that the repair would be cheaper. Available at: <https://161.ru/text/gorod/2021/11/15/70254152>.
- In Rostov on Suvorov, the demolition of an apartment house of a Nakhichevan merchant began. Available at: <https://don24.ru/rubric/zhkh/v-rostove-na-suvorova-nachali-snos-dohodnogo-doma-nahichevanskogo-kupca.html>.
- In the center of Rostov, an apartment building of the XIX century collapsed, waiting for demolition for more than 10 years. Available at: <https://161.ru/text/incidents/2021/07/23/70041167>.
- "It's easier for the authorities to demolish everything": Rostov guide – how to preserve the historical center. Available at: <https://bloknot-rostov.ru/news/vlastyam-proshche-vse-snesti-rostovskiy-ekskursovo-131674>.
- List of cultural heritage sites (monuments of history, architecture, monumental art) Rostov region / Committee for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Rostov Region. Available at: <https://okn.donland.ru/opendata/238>.
- MoiFasad. Available at: <https://www.moyfasad.org/?m=1>.
- Old Rostov survived the occupation, but not Logvinenko: demolitions of century-old houses resumed in the city. Available at: <https://161.ru/text/gorod/2022/05/25/71355209>.
- Requiem for historical buildings, or why old Rostov is disappearing. Available at: <https://don24.ru/rubric/eksklyuzivnyyportal-zakryt-navsegda.html>.
- Rostov clearly lacks the political will to preserve its historical heritage. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5130482>.
- Rostov public activists are sounding the alarm: a historic building in the city center may be demolished. Available at: <https://dontr.ru/novosti/rostovskie-obshchestvenniki-byut-trevogu-istoricheskoe-zdanie-v-tsentre-goroda-mogut-snesti/>.
- The authorities of Rostov have begun to demolish the house of the priest Malarevsky in the city center. Available at: <https://bloknot-rostov.ru/news/vlasti-rostova-prodolzhayut-snosit-istoricheskie-z-1412892>.
- The governor asked the Rostov authorities to moderate their ardor when demolishing houses in the historical center. Available at: https://www.donnews.ru/gubernator-poprosil-vlasti-rostova-poumerit-pyl-so-snosom-domov-v-istoricheskom-tsentre_91232038.
- The "House for a Ruble" program will help to put cultural heritage objects in order. Available at: <https://www.donland.ru/news/13001>.
- The issue of demolition of houses No. 30 and 32 in Semashko Lane in Rostov-on-Don. Available at: <https://don24.ru/rubric/obshchestvo/vopros-snosa-domov-30-i-32-v-pereulke-semashko-v-rostove-na-donu.html>.
- The number and nature of appeals from citizens, organizations and public associations received by the Committee for the Protection of Cultural Heritage objects of the Rostov Region in the third quarter of 2022. Available at: <https://okn.donland.ru/documents/active/185247/?ysclid=1ffx0ifq1o411092381>.
- The Rostov authorities explained the demolition of two historical buildings by the excavator's mistake. Available at: <https://www.1rnd.ru/news/3394814/vlasti-rostova-obasnili-snos-dvuh-istoricheskikh-zdanij-osibkoj-ekskavatorsika>.

Federal Law dated 25.06.2002 No. 73-FZ (as amended on 03.08.2018) "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation". Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230>.

Resolution of the City Administration No. 950 on amendments to the Resolution of the Rostov-on-Don City Administration dated 12.28.2018 No. 1368 "On approval of the municipal program "Preservation and development of culture and Art of the city of Rostov-on-Don" (ed. dated 08.18.2021). Available at: <https://rostov-gorod.ru/upload/iblock/f35/77846329-77846670.pdf?ysclid=lffmv8rjqw870098586>

Дата получения рукописи: 12.04.2023

Дата окончания рецензирования: 05.05.2023

Дата принятия к публикации: 10.05.2023

Информация об авторах

Поливанова Ксения Андреевна – магистрант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: polivanovaksenia@ya.ru

Рак Владислав Викторович – магистрант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: rak@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Polivanova Ksenia Andreevna – Master's student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: polivanovaksenia@ya.ru

Rak Vladislav Viktorovich – Master's student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: rak@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
 (Anna V. Ivanova) *Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.*

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания,

интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL
Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL
Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.
Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.
Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/ Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказываемся актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:...

Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.

6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.